

ВГУ имени Н.М. Гоголя

ВИТЕБСК
2020

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Сборник научных статей

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2020*

УДК [316.324+316.42]:341.222:005.44(062)
ББК 60.032.2я431
Ф42

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 6 от 18.06.2020.

Редакционная коллегия:
М.А. Слемнев (гл. ред.), **Е.В. Давлятова**,
Э.И. Рудковский

Ф42 **Феномен границы в глобализирующемся мире : сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.), Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 174 с.**
ISBN 978-985-517-765-5.

В научном издании представлены доклады участников международной научно-практической online-конференции «Феномен границы в глобализирующемся мире», состоявшейся 17 октября 2020 года в ВГУ имени П.М. Машерова. Дан философско-методологический, экономический, политологический и культурологический анализ динамичной социальной связки «глобализация–граница», выявлены тенденции трансформации лимитарности в современном мире, обсуждены особенности национально-культурной идентификации «людей пограничья», рассмотрены средства минимизации антропологических угроз молодежи в сетевом обществе.

Сборник научных статей предназначен ученым-обществоведам, преподавателям социально-гуманитарных дисциплин средних и высших учебных заведений, студентам, магистрантам, работникам государственных управлений образования и всем тем, кто интересуется актуальными проблемами глобализации современного мира.

УДК [316.324+316.42]:341.222:005.44(062)
ББК 60.032.2я431

ISBN 978-985-517-765-5

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2020

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Феномен границы в глобализирующемся мире в последние годы стал объектом пристального теоретического и практического интереса. Некоторые аспекты этой весьма актуальной темы затрагивались на проводимых ранее на базе кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова международных научно-практических конференциях: «Состояние и перспективы развития белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности» (26–27 ноября 2013 г.), «Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья» (2 февраля 2017 г.), «Социокультурная среда: системная организация, антропологическое измерение, пограничная специфика» (16 ноября 2018 г.), «Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи» (6 декабря 2019 г.). Как свидетельствуют материалы, представленные на очередную международную научно-практическую конференцию, проходящую в online-режиме, объективно существующая и необычайно разветвленная, динамичная связка «граница-глобализация» подвергнута многоплановой философско-методологической, социально-экономической, политологической, культурологической и иным видам креативной рефлексии.

Вполне оправданно особое внимание обращено на качественное многообразие границ в современном мире и тенденции трансформации лимитарности в условиях глобализации. Несомненной научной новизной и практической значимостью обладают доклады, в которых обсуждается специфика трансграничного сотрудничества. В контексте напористой «миссионерской» вестернизации современного мира исследуются конструктивная роль возникших в последние десятилетия различного рода международных организаций и объединений для сохранения цивилизационного многообразия социума как основы его устойчивого развития, пред-

лагается оригинальная презентация Беларуси в качестве контактной границы в культурном ландшафте Евразии, анализируются особенности национально-культурной идентификации людей пограничья, обсуждаются пути обеспечения духовно-нравственной безопасности молодежи, разрабатываются социокультурные средства минимизации антропологических угроз сетевого общества.

География территориального представительства проходящего научно-практического мероприятия достаточно широка. В нем принимают участие ученые-обществоведы и преподаватели высших и средних учебных заведений Минска, Витебска, Могилева (Беларусь), Москвы, Смоленска, Воронежа, Пскова, Челябинска, Великого Новгорода (Россия), Херсона (Украина). Интерес к рассматриваемой проблематике проявили также представители т.н. «цифрового поколения», активная социализация которых проходила под непосредственным воздействием новой web-реальности.

В заключение отмечу, что международная научно-практическая конференция «Феномен границы в глобализирующемся мире» проводится в соответствии с Государственной программой научных исследований Республики Беларусь на 2016–2020 годы по разделу «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», задание 3.2.07.

Желаю участникам конференции содержательных выступлений, результативных творческих дискуссий и плодотворного обмена мнениями.

М.А. Слемнев, доктор философских наук,
профессор, заслуженный деятель науки БССР

I. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ГРАНИЦЫ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ, ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

МИГРАНТЫ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: СИМВОЛИЧЕСКИЕ И РЕАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ В ГОРОДСКОМ И СЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ

Авдашкин А.А.,

*Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск,
Российская Федерация*

Сегодня в российских гуманитарных науках активно развивается направление миграционных исследований. В центре внимания ученых оказываются трансграничные миграции, мобильность и оседлость различных групп населения, а также восприятие этой проблемы принимающим обществом. Неотъемлемым атрибутом присутствия иноэтничных мигрантов стали объекты их концентрации и активности, которые воспринимаются как вполне сложившиеся границы между «мы» и «они». В фокусе внимания ученых находятся т.н. «этнические» рынки [1; 6] и районы концентрации мигрантов в городском пространстве [2], заведения общественного питания [3; 4] и даже тепличные комплексы для выращивания овощей [5].

В последние годы в экспертной среде все чаще раздается вопрос о существовании или отсутствии в российских городах мест концентрации мигрантов, которые напрямую связаны с объектами хозяйственной деятельности. С одной стороны, в ряде научных исследований уже был получен отрицательный ответ на этот вопрос. При этом стоит признать, что пристальный интерес к «мигрантским кварталам» во многом подогревается публикациями в медиа. Так в массовом сознании закрепляются неверные представления о влиянии миграции на российское общество, «этнические» районы наносятся на когнитивные карты российских городов или даже сельской местности. В некоторых случаях обозначаются конкретные локации, где в обозримом будущем такие районы неизбежно должны возникнуть. Данная проблема уже получила определенное освещение в литературе. Однако мы еще не располагаем достаточным количеством случаев, в особенности городов-миллионников, чтобы достоверно судить о том существуют ли районы концентрации мигрантов, а если они есть, то какова логика их формирования и др.

Ниже мы кратко рассматриваем три показательных случая концентрации мигрантов в пространстве российских городов и пригородов (Челябинск, Екатеринбург и Иркутск). Первый случай посвящен процессам

формирования и развития «этнических» рынков, в данном случае «китайских», а также мигрантским сообществам вокруг них. На примере «китайских» рынков мы видим не только активизацию и затухание этнофобий, например страхи появления «чайнатаунов», но и отслеживаем связь между крупными рынками и появлением мест концентрации мигрантов в жилых массивах возле них.

Наличие рынка само по себе не означает того, что застройка вокруг него автоматически становится «мигрантской». Для этого, в первую очередь, необходимо совпадение многих факторов: достаточная вместимость самого рынка, схожее количество дешевого жилья вокруг него, отток местных жителей, отсутствие оттока мигрантского населения в другие части города после повышения уровня благополучия и др. [2, с. 239]. Все это оказывает прямое влияние на складывание «мигрантских кварталов».

Наши наблюдения в Челябинске и Екатеринбурге показали, что чаще здесь срабатывает доминирующий в обществе дискурс о многочисленности мигрантов. В его рамках «рынок» = «мигранты» = «мигранты образуют значительную долю населения рядом с рынком». Несмотря на свою очевидность, данная цепочка образуется далеко не всегда. В итоге мигрантское население распределено примерно в равной пропорции, образуя лишь незначительные очаги концентрации в тех местах, где совпали все необходимые условия.

Второй объект анализа – маршрутные такси. Это наиболее массовый и мобильный объект, где горожане регулярно контактируют с мигрантами. Несмотря на то, что проблеме маршруток в целом посвящен солидный объем литературы, мигрантский сегмент общественного транспорта крупных российских городов пока не становился объектом научных изысканий [8]. Пока мы можем констатировать, что материалы медиа о маршрутках составляют часть мигрантобоясненного дискурса. Его образуют представления о многочисленности мигрантов, их засилье в целых сферах российской экономики, высоком уровне опасности, исходящем от них (аварийность, нарушения правил дорожного движения и др.).

Третий кейс связан с активностью мигрантов в такой сфере как сельское хозяйство. Наиболее ярким примером здесь послужат т.н. «китайские теплицы» [5; 7]. Оптика восприятия данных объектов фокусировалась на комплексе угроз. Это – отравление и истощение почв, самозахват земель, массовое уклонение от уплаты налогов, продажа некачественной овощной продукции и создание условий для разорения местного крестьянства. Вне поля зрения большинства наблюдателей оставалась временность тепличных комплексов, отсутствие у них какой-либо инфраструктуры для жизни. Гораздо важнее в тех условиях оказалось поместить их в простую и понятную картину китайской экспансии. Это видение оказалось характерно для массового сознания населения, российских медиа и чиновников.

В этом смысле «китайские» теплицы служили возможным инструментом отторжения бескрайних российских просторов, основой для за-

рождения в будущем китайских поселений, а не временным явлением, которое исчезло столь же внезапно как и появилось. Хозяйственные объекты, имевшие непродолжительный жизненный цикл, рассматривались как вполне реальные альтернативы «чайнатаунов», но сегодня о них осталась лишь память [7; 9].

Рассмотренные нами примеры показывают, как и вокруг каких объектов складываются реальные и символические, воображаемые принимающей стороной, границы между российским обществом и мигрантами. Несмотря на то, что «этнические» рынки, общественный транспорт и тепличные комплексы действительно являются местом заметного сосредоточения мигрантской активности, масштабы их влияния на городское и сельское пространство, а так же наличие мест компактного расселения мигрантов вокруг них значительно преувеличиваются прессой и населением.

Литература

1. Авдашкин А.А. «Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – № 2. – С. 147–156.
2. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванов Н.С., Ермакова М.А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. – 2020. – № 2(19). – С. 225–253.
3. Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтнических мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 3(121). С. 104–114.
4. Гуляева Е.Ю. Что делает ресторан этническим? (на примере армянских ресторанов в Санкт-Петербурге) // Антропологический форум. – 2017. № 32. – С. 67–94.
5. Григоричев К.В. «Они есть, но их нет»: «китайские» теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 137–153.
6. Григоричев К.В., Дятлов В.И. «Китайские» рынки России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С.121–132.
7. Иванов С. А. Китайский капитал как фактор этнизации городов и сел приморского края // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 5(37). – С. 120–127.
8. Ивлева В.И. Мигранты в сфере городского транспорта – “жизнь на колесах” // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – № 3. – С. 208–217.
9. Рыжова Н.П. Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. XVII. – № 5(76). – С. 7–35.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Архипов А.И.,

*Управление международных договоров главного договорно-правового
управления Министерства иностранных дел, г. Минск, Республика Беларусь*

Современное восприятие государственной границы как общественно-политического феномена, являющегося одним из основных признаков существования государства, претерпевает противоречивые изменения.

С одной стороны, в условиях международной экономической интеграции с середины XX века наблюдается рост количества межгосударственных объединений различных форм. Таких, в частности, как зоны свободной торговли (Соглашение США-Мексика-Канада, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество и др.), общие рынки (Общий рынок Восточной и Южной Африки, Южно-американский общий рынок и др.), таможенные и экономические союзы (Европейский Союз, ЕАЭС, СНГ и др.). Международное экономическое сотрудничество в свою очередь стимулирует процесс упрощения паспортно-визового контроля на границах (например, Шенгенская зона на территории большинства государств членов Европейского Союза, безвизовый порядок в рамках СНГ и др.). Перечисленные события объективно приводят к снижению барьерной функции государственных границ, делает их более транспарентными, создавая тем самым у исследователей, политиков и гражданских активистов иллюзию снижения роли государственных границ.

По мнению В.А. Колосова с 1990-х г. в лимнологии оформилось постмодернистское течение, основным направлением которого стало изучение воздействия процессов глобализации и интеграции на государственные (международные, политические) границы [1, с. 50–52]. На концептуальном уровне постмодернисты исходят из того, что в условиях глобализации международные границы теряют функцию определения пределов суверенитета государств и регулирования трансграничных потоков. Некоторые исследователи пришли к выводу о «возникновении интегрированной глобальной экономики с упором на открытые рынки и разрушение национальных границ» [4, с. 2–4] и об отмирании государственных границ. Другие, менее радикально настроенные исследователи, допускают, что после падения значения границ последует возрастание их роли в результате усиления пограничных режимов или проведения границ в новых местах (например, перенос охраны границы с внутренних границ стран-членов Евросоюза на ее внешнюю границу) [5, с. 62].

Но, с другой стороны, несмотря на глобализацию и тенденцию частичного размывания государственного суверенитета, в настоящее время

неизвестно ни одного государства, отказавшегося от государственной границы или от своей территории. Наличие государственной территории и государственной границы до сих пор остается одним из атрибутов существования государства. Деятельность государств по формированию государственной границы продолжает оставаться одной из сложных проблем современной мировой политики. Появление на евразийской политической карте в конце XX века, в результате прекращения существования СССР, СФРЮ и ЧСФР, более двух десятков новых независимых государств имело следствием начало их деятельности по определению статуса и институционализации государственных границ. В целом ряде случаев это вызвало территориальные споры, иногда даже конфликты и войны.

Беларусь, после прекращения существования СССР как геополитической реальности и субъекта международного права, впервые в своей истории начала самостоятельно формировать государственную территорию и государственную границу, в полном объеме регулировать правоотношения с сопредельными государствами. За прошедшие годы в основном сформировано законодательство о государственной границе, создана система республиканских органов государственного управления, участвующих в реализации государственной пограничной политики.

Решая приоритетные задачи по обеспечению пограничной безопасности, белорусское государство достигло значительных успехов в институционализации государственной границы. С Латвией и Литвой в 1992-2013 годах проведены делимитация и демаркация государственной границы, заключены договоры о государственной границе, и о ее режиме. Заключены договоры и подписаны демаркационные документы, определяющие положение стыков государственной границы Беларуси с Латвией и Литвой (2001 г.), с Латвией и Россией (2012 г.), Литвой и Польшей (2012). В 1997 г. завершена делимитация государственной границы с Украиной и подписан соответствующий договор. С 2013 г. проводится демаркация белорусско-украинской государственной границы. В июне 2019 г. подписан заключительный протокол совместной проверки прохождения белорусско-польской государственной границы и контрольного осмотра пограничных знаков.

Процесс институционализации государственной границы находится в фокусе приоритетов деятельности высших должностных лиц и органов государственной власти Беларуси. В Концепции обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь международно-правовое оформление государственной границы признано одним из основных национальных интересов Беларуси в пограничном пространстве [2].

Возникновение межгосударственных политических противоречий по вопросам прохождения государственной границы и предъявление тех или иных территориальных претензий относится руководством государства к одной из возможных угроз пограничной безопасности Беларуси [2]. Важность обеспечения пограничной безопасности неоднократно подчеркива-

лась Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. При утверждении решения на охрану государственной границы органами пограничной службы в 2020г. им было отмечено, что «пограничная безопасность – важнейший вопрос государственной политики, особенно в Беларуси» [3].

Таким образом, на современном этапе глобализации и с учетом актуализации значения государственной границы в 2020 году, проблемы институционализации государственной границы остаются приоритетом в обеспечении пограничной безопасности Республики Беларусь.

Литература

1. Колосов, В.А. Теоретическая лимнология: новые подходы [Электронный ресурс] / В.А. Колосов // Международные процессы. – Т 1. – № 3(3), 2003. – С. 44–59. – Режим доступа: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/671/Kolossov-03.pdf>. – Дата доступа: 01.04.2020.

2. Об утверждении Концепции обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2018–2022 годы [Электронный ресурс]: указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2018 г., № 410 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Утверждение решения на охрану Государственной границы органами пограничной службы в 2020 году / Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2020. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/utverzhdzenie-reshenija-na-oxranu-gosudarstvennoj-granitsy-organami-pogranichnoj-sluzhby-v-2020-godu-23052/. – Дата доступа: 20.09.2020

4. Albert, M. On Boundaries, Territory and Postmodernity: an International Relations Perspective // M. Albert. – Geopolitics, 1998. – Vol. 3. – N 1. – P. 53–68.

5. Hopper, P. Living with Globalization / P. Hopper. – New York: Berg Publishers, 2006. – 256 p.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Астахов И.А.,

ВУНЦ ВВС «ВВА», г. Воронеж, Российская Федерация

Современные мировые и отечественные экономические проблемы заставляют задуматься не только об отдельных аспектах изучения экономической жизни граждан в кризисный период, но и сфокусировать внимание исследователей на функционировании и взаимодействии в основных субъектов в экономической сфере и сфере социально-экономических отношений.

Каждое государство независимо от своего месторасположения на карте мира пытается быть статусным, экономически развитым и независимым – именно поэтому актуальным для современного российского общества является инновационный тип развития страны.

Практические задачи, которые должны решаться государственной властью в периоды экономической нестабильности должны быть нацелены на создание системы знаний, находящихся в эволюционном поле экономических законов, сопряженных с реальной действительностью.

Экономическая составляющая является важной частью современного отечественного образования и может быть представлена не только экономическими знаниями, сформированным экономическим мышлением, но и ориентацией в изменяющемся мире в контексте экономической готовности к разрешению населением практико-ориентированных ситуаций. В данной связи государство должно быть нацелено на максимально адекватное решение комплекса проблем, связанных с экономическим образованием [1, с. 13].

Инновационное развитие отечественной экономики необходимо рассматривать в контексте поступательного движения и взаимодействия между такими институтами как наука, образование и производство, где науке отводится роль генератора креативных идей и разработчика новых технологий для последующего внедрения в производство, а главенствующие позиции в формировании и развитии культуры наукоемкого производства будет занимать образование, ориентированное в целом на подготовку высококвалифицированных кадров.

Инновационная деятельность в зависимости от масштабов может осуществляться на различных экономических уровнях (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристика инновационной деятельности на различных экономических уровнях

Экономический уровень	Основные характеристики
Нано-	Инновационная деятельность на уровне индивида. Здесь происходит основной этап получения знаний, а также их инвестирования в наукоемкую сферу
Микро-	Инновационная деятельность, осуществляемая предприятием, занимающимся разработкой и/ или выпуском наукоемкой продукции, а также оказывающим услуги по обеспечению инновационного процесса (образование, информация, финансы, юридическое сопровождение и пр.)
Мезо-	Инновационная деятельность, осуществляемая группой предприятий на уровне сетевых или корпоративных структур

Макро-	Инновационная деятельность, осуществляемая в пределах одного государства или его части (земля, штат, регион), институциональную основу которой составляет национальная (государственная) система
Гипер-	Инновационная деятельность, осуществляемая: - объединенными национальными (государственными) системами (США, ЕС, Российская Федерация); - транснациональными корпорациями
Глобальный	Получение и распространение новых знаний на уровне глобальных формализованных и неформализованных сетей (например, наука является неформализованной сетью)

Л.М. Гохберг в начале третьего тысячелетия, высказывал мысль о том, что «...для поддержания конкурентоспособности, экономического, социального, культурного роста, на фоне становления «новой экономики» в ведущих индустриальных странах, обусловленной изменением экономической роли инноваций, темпов, направлений и механизмов реализации инновационных процессов, инициирующих изменение взаимосвязи между наукой, технологиями и экономическим ростом... динамика и качество роста все сильнее зависят от технологических сдвигов в экономике на базе инноваций...» [55, с. 45–48].

Статистика показывает, что доля инновационного продукта в Российской Федерации равна 1%, при 30% в Финляндии, от 10 до 20% в Испании, Италии, Португалии [111].

В данной связи Я.В. Боровикова и Е.П. Комаровская считают, что «...основой инновационной воспроизводственной динамики является научно-технический потенциал, рассматриваемый как совокупность накопленных обществом знаний в сочетании с материальными и организационными условиями, обеспечивающими использование этих знаний в целях научно-технического и социального прогресса... [41, с. 53].

С.А. Муравьев, отмечая значимость вышеназванной триады, подчеркивает важность производства, как необходимого условия инновационного развития экономики современной России, через повышение конкурентоспособности предприятий: «...которая основана на опыте и знаниях..., через внедрение и совершенствование наукоемких технологий, конструкторских разработок, развитие техники..., что требует обязательного изучения взаимодействия между различными институтами в сфере науки, образования и производства...» [115, с. 74].

Нормативно-правовая база, представленная требованиями к содержанию образования в Законе Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации», Национальной доктриной развития образования Российской Федерации (до 2025 г.) и ее стратегических задачах, докладом «Российское образование 2020: модель образования для экономики, осно-

ванной на знаниях» и др. документами позволяет аккумулировать идеи о необходимости развития непрерывного экономического образования для всех слоев населения страны, что обусловлено:

- осознанием экономической действительности и реальным оцениванием мировых и региональных тенденций поступательного экономического развития;

- качественным экономическим мышлением и экономическими компетенциями граждан страны, в том числе и молодежи, позволяющим динамично реагировать на новые социально-экономические условия, постоянно изменяющиеся требования региональных рынков труда, что напрямую влияет на конкурентоспособность населения;

- мобильностью, предприимчивостью, деловитостью, способностью и готовностью граждан принимать обоснованные экономические решения в условиях нестабильности экономики.

Таким образом, решающим фактором экономического развития в целом, и экономической мобильности населения, в частности, является сопряжение ряда составляющих – науки, техники, производства, бизнеса и образования, которые всегда играли главенствующую роль в решении целого комплекса проблем, всегда стоящим перед любым государством – от политических и экономических – до социальных, культурных, экологических.

Литература

1. Астахов И.А. Содержательная характеристика экономической готовности студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Проблемы высшего образования. – 2020. – № 3. – С. 13.

2. Боровикова Я.В., Комаровская Е.П., Научно-технический потенциал как фактор инновационного развития Российской Федерации / Я.В. Боровикова, Е.П. Комаровская // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности», Воронежский государственный технический университет, Воронежский государственный университет, ВУНЦ, Шаньдунский институт путей сообщения (Китай), Венецианский университет, 21–22 марта 2017, – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. – С. 52–57.

3. Гохберг Л.М. Новая инновационная система для «новой экономики» / Л.М. Гохберг. – Москва: ГУ ВШЭ, 2002. – С. 45–48.

4. Методологические аспекты инновационного развития России. Интернет-ресурс: <http://www.reflexion.ru>

5. Муравьев С.А. Наука, образование и бизнес в современной России: условия и проблемы интеграции / С. А. Муравьев // Экономические и социальные проблемы регионального развития: Сборник научных статей XIII Всероссийской научно-практической конференции. Часть 1. – Тверь: ООО «Издательство Триада». 2013. – С. 74–77.

О ДРАМАТИЗМЕ БРАТСКИХ СВЯЗЕЙ

Бородич В.М.,

ВГУ имени П.М. Машиерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Целью статьи (эссе) является демонстрация реальных проблем межкультурного общения на примере развития личностных отношений в поэтическом пространстве.

То, что исторические отношения между Россией и Беларусью (с учетом всевозможных контекстов) не являлись лубочно-идиллическими, как того хочется некоторым идеологам, факт. А история всегда была предметом идеологических спекуляций. Со всех сторон.

Северо-Западный Край, губернии... Это – в рамках Российской Империи, после Великого Княжества и времен Речи Посполитой. А дальше – одна из советских республик и, наконец, проект создания «Союзного государства».

«Братство народов» – заманчиво. Но насколько реалистично? Сама субстанция (субъектность) «народ» – во многом (не во всем) идеологическая или, что несколько иное, юридическая фикция. «Фикция» – не обязательно вымысел.

Союз государств? Союзы в политике – дело обычное. Но насколько они реальны при такой разнице в «весовых категориях»?

Это – если только о «союзе». А «Союзное государство» – уже по смыслу всего лишь модификация единого государства. И какой статус в нем предлагается Беларуси?

В дело вмешивается геополитика. И здесь – не до «братства». При всей заманчивости. Иное дело – добрососедство. При нашем нейтралитете (в отношении Евросоюза и России), пожалуй, с несколько большей «комплиментарностью» все-таки к Российской Федерации. В силу экономических «связей-зависимостей», да и определенных культурных (прежде всего, языковых) комплексов.

А со спекуляцией на теме «братства» желательно быть чуть сдержаннее.

Как могут рваться братские (или дружеские) связи на личностном уровне, мы знаем из собственного опыта. И едва ли не самое жуткое, когда они рвутся именно по причине идеологических вывертов-инсинуаций.

Земля Беларуси принимала немало российских литераторов, в том числе поэтов. Русских поэтов. Принимала в разные периоды их жизни, оставляя разный след в их судьбе и творчестве.

Позволю себе вспомнить лишь о двух из них. Тех, кто мне особенно дорог. Одного я узнал по-настоящему, что называется постфактум: спустя три года после его кончины. Второго... Второго потерял совсем недавно, после почти шести лет заочного общения – не всегда ровного, а в послед-

ний период и вовсе драматически преткнувшегося по причине резкого расхождения в понимании некоторых страниц истории. Истории наших народов. Не все гладко оказалось в этой части и с первым.

История ли виновата, разворачивая наше к ней (и не только) отношение порой на сто восемьдесят градусов. Сами ли мы, в своей «эволюции», переходим от «братства» к охлаждению, а то и к «гражданской войне» – нет последнего безупречного на то ответа.

Николай Александрович Шипилов (1946–2006).

Ему я благодарен за налаживание «настроек» и интонаций. Русский поэт и бард провел последние годы жизни у нас, под Минском. А умер где-то уже на российском приграничье, под Смоленском, возвращаясь домой с фестиваля.

Поскольку о нем я уже говорил [1], перейду сразу ко второму.

Владислав Александрович Пеньков (1969, Владивосток – 1.09.2020, Таллинн).

Родился на Дальнем Востоке. Семья (отец – журналист, связанный с Военно-Морским Флотом) помоталась по городам и весям СССР: Крым, Североморск, Таллинн... Настоящий «пограничник». Но несколько лет своего детства Влад прожил у нас, в Витебске. С бабушкой и дедушкой. Это нас во многом и объединяло...

Не встречались. Город не такой и большой, но все-таки. Да и разница в возрасте. Его детство пришлось на мои «университеты».

А Витебск у него остался. И стихов, посвященных ему – достаточно.

Влад говорил, что ему нравится наша *мова*, но текстов на ней он не слагал и лишь изредка вставлял отдельные слова.

Два моих перевода его стихов...

«Маўчанне»

Ну, што казаць, і я амаль жабрак.
Апошні час жыцце ў шчэнт парушыў.
І не чуваць ужо ад райскіх крат,
як грукаюць там яблыкі і грушы.
І літасьці мне *не* адкуль чакаць.
Мой *Бог* размовамі патраціўся на продкаў.
Ад слоў *Яго*, што салатзей цукат,
няма натхнення тым, хто пасяродку.
Ен ліў свой опій у полымя. На снег.
На раны ад апекаў і каросту.
Наяве боль і гэткая ж у сне –
Ад вузкай брамы да шляхоў няпростых.
А нам лацвей да справы алкаголь.
Мы самі прайдзісветы і каналы.
Камусьці тое мроіцца за боль.

А з *Ім* такія цацкі не *каналі*.
Перада мной абшараў гарызонт
Аблокі тыя ж мараў і адчаю.
Хай я жабрак. Аднак жа не *на понт*
бярэ мяне бясконцае Маўчанне.

«Сьвятая песьня маленства»

Віцебск. Спякота. Драпіна.
Нейкі масток загадкавы.
Варта спаднічкі мамінай
кепка бялютка таткава.
Зараз! Як цуд, за столікам.
Зноўку ўсе тыя ж хлопчыкі.
Вось і пламбір у слоічках.
Да алкашоў нябожчыкаў.
Там Песняры на спевачцы
(кроў на каленцы спякаецца).
Нешта, дзяўчынкі-дзеўчыны,
з часу таго вяртаецца.
Нешта салодка-горкае
просіць: прабачце, дзетачкі!
Птушка званаі гойкае.
Скача з галінкі ў клетачку.
Звоніць усімі сіламі...
Віцебск. Спякота. І
гэткае:
– Зробімся мы мудзіламі...
Льецца з ваніты нябрыдкае.
Горад. Дядуля. Сонейка.
Шчасце наскрозь балючае!
Птушка... Празрыста тоненька.
Зоркай. Смяшынкай-дзеўчынай.

С «понтамі» і «м...» прыйшлося сагласіцца. Владислав порой поль-
зовался подобными вульгаризмами. Для экспрессии. И заменять их в пере-
воде, значит игнорировать волю и стиль автора.

Первое знакомство с его поэзией (2014) стало для меня – «неофита»
в плане собственного «причисления» к сонму пиитов – холодным отрезв-
ляющим душем.

«Поэту»

А вот нет ни копейки зависти!
От того ли, что я не поэт?
На такие зарубки-затеси,

На отчаянный пируэт
Не достало ни силы, ни пороха
Самому. Но, смакуя твое,
Констатирую: любо да дорого!
Заточенное до краев,
Для блезиру оно не отлажено
И царапает девственный слух.
Я визирую истово: Граждане!
Вне регалий и прочих заслуг,
О которых, признаюсь, не в курсе я,
Это стоит того, чтоб прочесть.
Даже если оно не из Бургоса,
Даже если зачетнее есть.

Рок служил и лекалом, и компасом.
Нарезая ломоть за ломтем
Не лапшу, а чеканные образы,
Ты порой вспоминаешь о нем.
Где-то в Таллинне ходишь по улочкам,
Северянина гений дразня.
Собираешь легенды осколочки
О хазарских каганах-князьях.
И февральских грачей пастернаковских
На саврасовский клеишь пейзаж,
Для гурманов поэзии лакомства
В электронный швыряя тираж.

А это... К нашему (с В.П.) Витебску

«Владу. В датский город – из Витебска»

Город древний...

Стиль барокко.

Золотые купола.
Мне сегодня одиноко.
С Древом Жизни кабала
пресекается, тончает...
Тень Голгофы с топором.
Груз неведомой печали.
Карк неряшливых ворон.
Нет, я вовсе не о сфирах.
Не о таинствах миров.
Город мой – не сердце мира
на скрещении дорог.
В нем и русского немного.

Был у Бунина резон!
Просто грустно. Одиноко.
Оседает жизни сон.

Эти (ниже) – попытка навести уже расходящиеся мосты. Увы! –
Вмешалась Идеология. Разночтения в оценке некоторых личностей, да и
судеб народов: русского и белорусов.

«Ностальгия»

Я – шляхтич опальный. Литвинского рода смычок.
Империи дым. Отголосок раздерганной «Речи».
Не верю «навальным». По ходу, властям – «не зачет».
Чураюсь «орды». И седых «запорожцев из Сечи».
Нещедрая доля закатных моих деревень.
Музейные стены воскресших руин Радзивилла.
Судьба и неволя. Угрюмый зануда *Raven*.
Избитая тема времен допотопной Сивиллы.
Мне снится все чаще озерная синяя гладь.
Пахучий чабор. Распростертые гуси над логом.
И болью сладчайшей живые отец мой и мать.
Достойный набор рядового вполне эпилога.

«Скифскому Волку от литвинского»

Гэльские волки бродили вчера по придвинским колкам.
Мифы друидов стекали в литвинскую чару.
Ладное миро вбирало добротный калган.
Август недаром развел у себя янычаров.
Золото скифов в предсердье зазывно поет.
Бьет колокольцем под дых новгородское вече.
Нам ли по нраву крапленый техасский койот,
хитрость свою покрывающий правом овечьим?!
Солнце в зените ломает лошадам крестцы.
Волки мои, уведите меня от погони!
Плаваются сладкою болью деньки-леденцы.
Роскошь оклада кипит на пресветлой иконе.

Акростих

В Духов День над Западной Двиною
Проплывал блаженный *Николай*.
Высадившись в облако парное,
Тоненько звонил в колокола.
Амнезия, братцы! Амнезия.
Летных дел исчезли мастера.

Ложью околдованы низины.
Истина бездомная стара.
Нищая распята на Голгофе.
Изгнана из жизни *небылой*.
Звездочкой эмалевой в окопе.
Веточкой оливы под золой.
Ищут следопыты и юннаты.
Тают над рекою облака.
Ежли что, останутся цитаты
Бывшего икара-мужика.
Сколько нас мелькнуло *понарошку*!?
Кануло *бесследьем* в *Никогда*.
А швырнули б лапоть на дорожку –
Вот она б и *вспыхнула*. Звезда!
Новая. Хорошая. Большая...

И в заключение на смерть Владислава Пенькова, во многом нас примирившую. Но рубец остался. У меня. Пока я – здесь...

«Всего лишь жизнь...»

Беды предчувствие опять не обмануло.
Смахнет слезу суровый порт Североморск.
Полярный ветер чайкою понурой
ныряет в скалах, не по-летнему промозгл...
А лето кончилось. На строчке оборвалось.
Нон-фикшн капнуло в стакан на посошок.
Всего лишь жизнь. Отсроченная малость.
Как будто выпорхнул. Останется ожог...
Останется нелепою виною.
В эстляндском Ревеле. В воронежской глуши.
И в городе над Западной Двиною.
Всего лишь смерть...

В одну лишь чью-то жизнь...

Литература

1. Феномен Шипилова // Образы России и Беларуси в контексте приграничья: монография / под ред. В.Ю. Пименова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – С.171–181.

ИДЕАЛЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: КОНСЬЮМЕРИЗМ ИЛИ АНТИКОНСЬЮМЕРИЗМ?

Васильева И.Л.,
БГЭУ, г. Минск, Республика Беларусь

Анализ идей и сфер воплощения подходов консьюмеризма и антиконсьюмеризма является значимым для понимания целей и идеалов современного общества в глобализирующемся мире, выявления реальных стимулов его многовекторного развития, определения возможных линейных и нелинейных направлений его динамики. К основным идеям консьюмеризма отнесем следующие: расширение прав потребителя, признания возможности самовыражения в потреблении, отражение социального статуса человека через потребление товаров. Антикonsьюмеристский подход, в свою очередь, базируется на признании обязательности рефлексии по поводу процессов потребления, отношении к экологическим параметрам производства и возможной последующей утилизации потребляемых товаров как к определяющим при их выборе, осознании необходимости воспитания и формирования умений бережного потребления не столько для экономии, сколько для формирования правильной экологически ориентированной мировоззренческой установки. Важным является и то, что если консьюмеризм не подвергает сомнению идею нарастающего потребления, то антиконсьюмеризм делает акцент на поливариантности жизненных практик и культурных идей.

При анализе современных источников по данной проблематике может сложиться впечатление, что идеал антиконсьюмеризма сформировался в истории человеческой мысли достаточно поздно, как преимущественно негативная реакция на используемые техники и приемы (например, манипулятивная реклама, зачастую скрытая) в современном обществе потребления. При более глубоком анализе в репрезентативных текстах античного и других древних обществ можно выявить явные указания на преимущества антиконсьюмеристского подхода. Более подходящей для исследования оснований консьюмеризма и антиконсьюмеризма может быть гипотеза, что они имеют глубинные основания для существования в человеческой природе, в общественной психологии, в императивах общественной морали, в явных и неявных требованиях, необходимых для социального признания, в идеалах и нормах научного знания, в циклах экономического развития. В связи с этим, более удачным будет рассмотрение этих подходов как имплицитно присущих общественному развитию.

Если до XX века «потребление» было преимущественно экономической категорией, и его изучением пристально и подробно занимались ученые-экономисты, то уже с самого начала прошлого века можно отметить появление социологических, психологических и философских работ, по-

священных потреблению. Поиск оснований рассматриваемых стратегий консьюмеризма и антиконсьюмеризма, а не просто их фиксацию и описание, соотнесем с исследованиями Э. Фромма в 20-е гг. XX в., который для обозначения проблемы чрезмерного потребления вводит термин «общество потребления» [1]. Э. Фромм отмечает, что во все времена существовало противоречие между двумя основными способами существования человека – обладанием и бытием, между обыденностью и проживанием жизни, потребляя то, что она может предоставить, и стремлением вновь вернуться к подлинным основам человеческого бытия, и именно установка на потребление становится препятствием к проживанию экзистенциальных параметров жизни.

Экономической основой общества потребления является капитализм эпохи постиндустриального общества. Феномен сверхпотребления, характерный для соответствующей ему экономики, был предсказан критиками капитализма, которые, анализируя капитализм, предположили, что возможны два варианта его развития: или он не справится с кризисом перепроизводства, или все-таки появятся новые технологии распределения излишков производства. Экономической основой формирования устойчивой тяги к потреблению является практика массовой выдачи кредитов частным лицам.

Показательным симптомом общества потребления является перенос основы своей самооценки на количество потребленного. Общество потребления (англ. consumer society) – совокупность общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления. Общество потребления характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок.

Базируясь на этических религиозных основаниях, богатство становится почетным, приносит уважение владельцу имущества, и, в соответствии с этим, приобретение нового имущества, увеличение собственности становится необходимым для получения одобрения со стороны общества и прочного высокостатусного положения в нем. В трактовке Т. Веблена отмечается, что в социальной динамике достижение определенного «престижного денежного уровня», то есть некоторого условного стандарта богатства, приходит на смену таким важным знакам избранности, как доблесть, отвага, героизм. Превышение определенного «денежного уровня» оказывается особенно почетным и, наоборот, те члены общества, которые не обладают собственностью, условно принятой как необходимый уровень собственности, получают отрицательную оценку со стороны общества и, в основном, переживают это достаточно тяжело [2].

В книге «Общество потребления» Ж. Бодрийяр разрабатывает одноименный концепт и делает вывод, что потребление в современном обществе не связывается больше с их сущностью потребляемого, то есть осуществляется не только для реального удовлетворения первичных потреб-

ностей, а является символическим и используется для присвоения себе отчужденных знаков предметов [3]. В результате потребление приобретает глубоко демонстративный характер, и смысл потребления уходит от традиционного понятия пользы.

Мировой экономический кризис ставит вопрос об эффективности и рациональности аналитических методов экономики. Увеличение размеров валового продукта, рост доходов населения, количества произведенных товаров и, соответственно, уровня их потребления традиционно являются неизменными ключевыми критериями оценки эффективности власти, инструментов ее правления с точки зрения экономики. Однако в рамках стратегии антиконсьюмеризма ставится вопрос о необходимости инновационных сдвигов в анализе эффективности экономики и удовлетворительности монетарных, количественных методов для подсчета той пользы, которую экономическая система дает непосредственно человеку. И в этом смысле в философии наработан существенный объем альтернативного знания, когда система потребностей оказывается полностью переориентированной. В иерархической модели потребностей человека А. Маслоу отмечается, что потребности современного человека ложны и навязаны ему извне, и это делает его рабом собственных потребностей. При этом наивысшей потребностью человека определяется стремление к раскрытию внутреннего потенциала, самоактуализация [4].

На основе вышеизложенного можем отметить, что идеалы современного общества фиксируют в качестве важных ценностей установки различных подходов в области потребления. Каким будет потребление, его мотивации, форма, стиль, чем оно будет обусловлено в наибольшей мере, во многом зависит от доминирующих мировоззренческих установок общества, различных социальных групп, отдельной личности.

Литература

1. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2007. – 320 с.
2. Веблен, Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций [Электронный ресурс] / Т. Веблен. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5890>. – Дата доступа: 29.09.2020.
3. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.
4. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Давлятова Е.В.,

ВГУ имени П.М. Машиерова, г. Витебск, Республика Беларусь

История создания международных организаций тесно связана с развитием общества, и, в первую очередь, с развитием торговых и экономических отношений между различными государствами. В определенный исторический период складывались объективные условия для возникновения таких структур, которые бы удовлетворяли потребности общественных отношений своего времени и создавали благоприятные условия для международной торговли. Одна из первых международных организаций с подобным целевым назначением – Ганзейский торговый союз для защиты интересов немецких купцов во внешней торговле и для обеспечения им привилегий [1, с. 135]. Период его формирования предположительно относят к середине XII века [1, с. 134].

Принято считать, что «международная организация – это одна из основных организационно-правовых форм международного сотрудничества в современном мире; добровольные организации, деятельность которых охватывает самые разные аспекты международных отношений: экономические, политические, культурные» [2, с. 146]. Сфера влияния международных организаций также распространяется на научные, технические и правовые аспекты международных отношений. Международные организации имеют организационные структуры, регулярный характер деятельности, законодательные документы, на основании которых осуществляют свое функционирование. В качестве основных методов работы они используют многосторонние переговоры по актуальным проблемам современности и поиск путей их решения усилиями многих стран. Среди них есть также организации, координирующие работу различных государств в конкретных областях сотрудничества. Международные организации делят на межправительственные, созданные усилиями нескольких государств – ММПО и неправительственные, которые формируются без участия госструктур – МНПО.

С распадом СССР и социалистического лагеря, и, как следствие, появлением независимых государств, в истории международных организаций начался очередной этап в расширении их влияния на международной арене. Возникшим независимым государствам на постсоветском пространстве было необходимо устанавливать новые экономические связи после развала прежних, уже по другим правилам и на новой экономической основе. Первыми такими организациями стали СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, БРИКС, ШОС.

Содружество Независимых Государств (СНГ) – международная организация, возникшая на добровольной основе руководителями Белорус-

сии, России и Украины, подписавшими соответствующее соглашение 8 декабря 1991 г. «21 декабря 1991 года протокол о расширении состава Содружества подписали главы 11 государств (всех республик СССР, кроме Грузии, Литвы, Латвии и Эстонии)» [3]. Организация была призвана регулировать отношения сотрудничества между бывшими республиками СССР, создавать условия для дальнейшего развития экономических связей и интеграции между вновь возникшими суверенными государствами. К сожалению, не все республики стремятся к углублению всесторонних связей в СНГ, по-своему трактуют цели и задачи этой организации, что замедляет интеграционный процесс между государствами.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) основана 15 мая 1992 года. Защита коллективной независимости стран, их суверенитета и целостности – основные цели деятельности ОДКБ [4].

10 октября 2000 года состоялось подписание Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), в которое вошли Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Российская Федерация и Республика Таджикистан [5]. ЕврАзЭС создавался, прежде всего, для проведения согласованной экономической и финансовой политики, а также как организация, продвигающая идею формирования единого Таможенного союза и Единого экономического пространства для стран, подписавших этот договор. Исполнив свою роль, сообщество упразднено 10 октября 2014 года в связи с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Договор «О создании единой таможенной территории и формирования Таможенного союза» подписан 6 октября 2007 года Беларусью, Казахстаном и Российской Федерацией [6]. Образовалась таможенная территория для стран-участниц с единым таможенным тарифом и едиными требованиями по регулированию торговых связей с другими странами. Осуществление деятельности Единого экономического пространства началось 1 января 2012 года с участием Беларуси, Казахстана и России. Фактически возник общий рынок для продвижения товаров, капитала, услуг и рабочей силы.

Процесс глобализации приводит к расширению межправительственных связей на всех уровнях, выдвигая иные требования к международному сотрудничеству, которое невозможно представить без международных организаций разной направленности. Они стали новыми акторами международных отношений, играя в этой системе самостоятельную роль и внося в нее изменения. Создавая новый климат и атмосферу международной среды, международные организации все больше и больше вторгаются в сферы, традиционно относящиеся исключительно к компетенции государства: безопасность, экономические санкции, гуманитарная помощь, миротворчество и т.п. Субъекты мировой политики – межправительственные и неправительственные организации существенно влияют на изменение ситуации на международной арене.

Важную роль играют современные международные организации для сохранения культурно-цивилизационного разнообразия социума.

После распада биполярного мира, глобализация начала все отчетливее принимать форму вестернизации стран третьего мира путем их, нередко насильственного экономического, финансового, политического и культурного обустройства по европейско-американскому образцу. В итоге происходит унификация и стандартизация всех видов социального бытия, в том числе и образа жизни людей. Мир, лишенный цивилизационно-культурных различий обречен на духовное вымирание. В известном смысле новые международные интегративные системы (ЕврАзЭС, БРИКС, ШОС), созданы в качестве противовеса напористому миссионерству США и его европейских союзников.

Страны, входящие в эти организации, выстраивают отношения друг с другом на принципах сочетания общих и частных интересов, уходя от «вертикальной» централизации к развитию «сетевых» горизонтальных связей, уважительного отношения к светской и религиозной культуре других народов. Следует учитывать, что для преодоления кризисных явлений в современном техногенном обществе культурно-цивилизационные различия необходимо не ликвидировать, а, напротив, сохранять [7]. Это необходимое условие развития всего мирового сообщества.

Литература

1. Игнатенко, А.В. Правовой статус и историческая роль Ганзейского союза (один из ранних опытов протоконфедерации в Европе) / А.В. Игнатенко // Российский юридический журнал. – 2005. – № 3 (47). – С. 134–137.
2. Новейший политологический словарь / авт.-сост.: Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 318 с.
3. Содружество Независимых Государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sng.su/>. – Дата доступа: 29.09.2020.
4. Договор о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/. – Дата доступа: 29.09.2020.
5. Евразийское экономическое сообщество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.evrazes.com/about/history>. – Дата доступа: 28.09.2020.
6. Альта-Софт: Таможенный портал для участников ВЭД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alt.ru/tamdoc/07a00002/>. – Дата доступа: 28.09.2020.
7. Смирнов, А.В. Проект многоцивилизационного мира как основание идеи многополярности: концепция всечеловеческого сегодня / А.В. Смирнов // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса. – Минск: Беларус. навука, 2017. – С. 350–352.

ВЕДЕТ ЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ К МИРУ БЕЗ ГРАНИЦ?

Демидов А.Б.,

ВГУ имени П.М. Машиерова, г. Витебск, Республика Беларусь

В контексте широко обсуждаемых процессов глобализации происходит также переосмысление характера границ между государствами и тенденций их изменения. Один из аспектов этой темы – наблюдаемое в условиях глобализации усиление транспарентности (прозрачности) границ является предметом исследования в предлагаемом докладе. Кардинальный вопрос: могут ли границы в ходе глобализации становиться все более «прозрачными» вплоть до фактического исчезновения?

Нужно составить некоторое представление о глобализации как о контексте исследования. Как показывают П. Джеймс и М.Б. Стегер [2], слово «глобализация» стремительно вошло в употребление сравнительно недавно, но вскоре стало вполне обычным. В английском языке оно появилось с 30-х годов XX века. Прежде чем это слово вошло во всеобщую моду, его пробовали использовать в таких разрозненных сферах, как образование (для показа глобальной жизни разума), международные отношения (для описания расширения Европейского общего рынка), журналистика (для изображения того, как американские негры и их проблемы приобретают глобальное значение). После ряда подобных спорадических опытов середины XX века в 1990-х годах произошел «дискурсивный взрыв» применения слова «глобализация». В общественных и академических дискуссиях стремились осмыслить важные социальные изменения. При этом, как отмечают вышеупомянутые авторы, ученые не претендовали на разработку особой теории глобализации. Они подходили к феномену глобализации с самых разных точек зрения. Их суждения имели эмпирический, описательный характер. И «не было первого гения, который придумал “глобализацию” – термин, который затем... стал частью здравого смысла эпохи» [2, с. 425]. Этот неологизм в начале 1990-х годов уже вырвался, словно джинн из бутылки, прежде чем хоть один конкретный человек смог бы его заарканить.

Взрывной рост интереса к теме глобализации наглядно показывают графики частотности использования слова «глобализация» в оцифрованных печатных источниках, полученные при помощи поискового онлайн-сервиса *Google Books Ngram Viewer* [1].

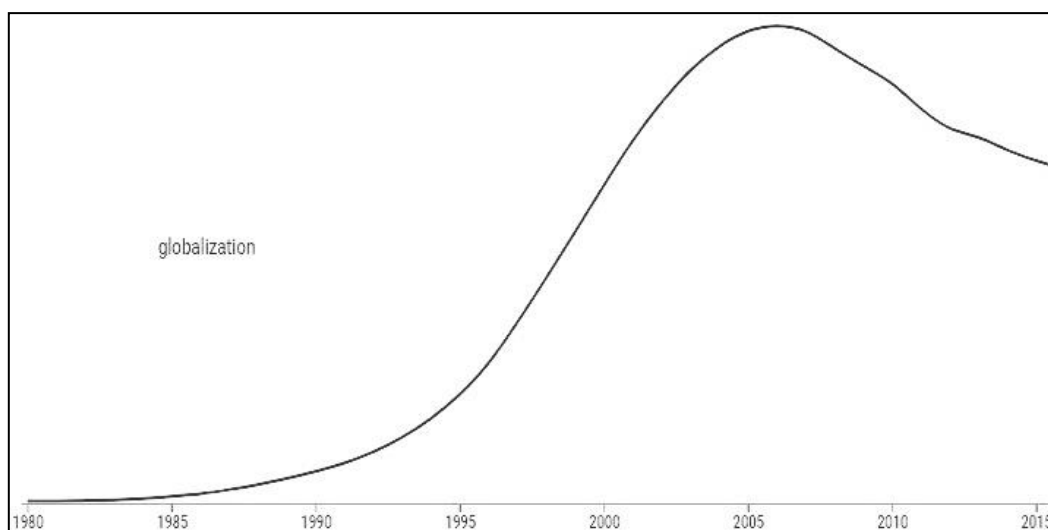

График 1. Частота использования слова «глобализация» в англоязычных оцифрованных печатных источниках с 1980 по 2019 год [1].

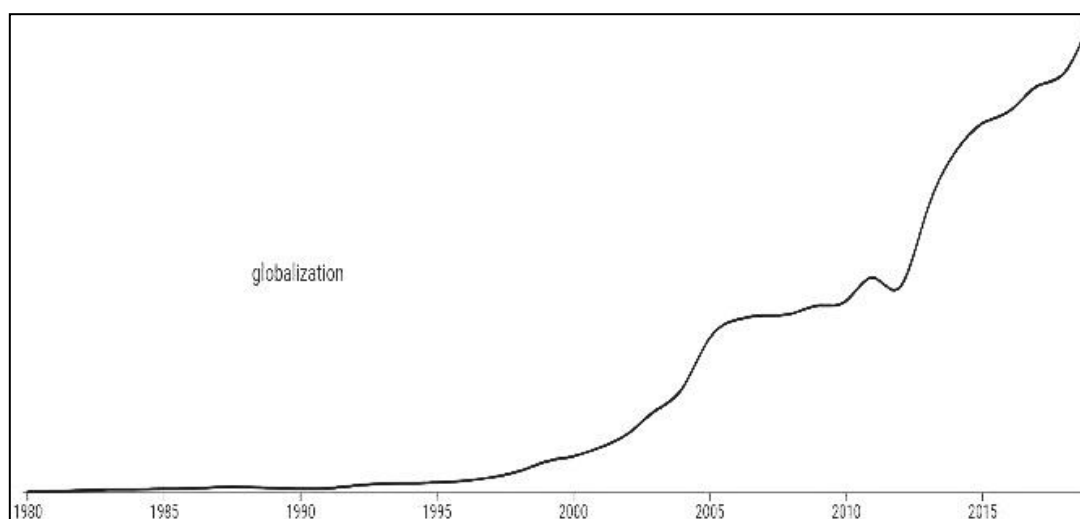

График 2. Частота использования слова «глобализация» в русскоязычных оцифрованных печатных источниках с 1980 по 2019 год [1].

И все же, несмотря на огромный интерес к феномену глобализации, содержание термина остается недостаточно определенным и однозначным. Легко убедиться в этом, сравнивая дефиниции в английской, немецкой и русской Википедиях. В первой из них *globalization* – «процесс взаимодействия и интеграции между людьми, компаниями и правительствами по всему миру». Во второй *Globalisierung* – «процесс увеличения глобальных переплетений во многих областях (экономика, политика, культура, окружающая среда, коммуникации), а именно между индивидами, обществами, институтами и государствами». В третьей *глобализация* – «процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации». В каждой версии имеются свои акценты и приоритеты.

В виду недостаточной определенности слова «глобализация» не хватает также и прочной основы для суждений о том, когда начался этот ис-

торический процесс, следует ли вести отсчет от завоеваний Александра Македонского, эпохи великих географических открытий, эпохи промышленного переворота, изобретения телеграфа, телефона, радио, паровоза, самолета, компьютера или еще чего-то в этом роде.

Существование государственной границы обусловлено существованием государства. Фактически (но не всегда теоретически и юридически) государственная граница совпадает с юрисдикцией конкретного государства; обозначенная пограничная линия, которую не в силах защитить государство, фактически не является государственной границей. Даже если территория государства не соприкасается с территориями других государств, но существует в окружении безгосударственных человеческих обществ, оно вынуждено устанавливать свою границу, чтобы обеспечивать законность в своих пределах. Демаркация государственных границ стала бы излишней лишь в том случае, если бы существовало единственное государство, распространяющее свою юрисдикцию на всю планету и ее человеческое население. Сформулированные здесь тезисы предполагают четкое разделение понятий государства и общества. Термин «государство» здесь обозначает не какое-либо общество в целом, но только его часть, а именно аппарат управления необозримым обществом, без которого необозримое общество существовать не способно (подробнее о различии общества и государства см.: [3; 4]).

Вышесказанное дает основание полагать, что государственные границы не могут постепенно «истончиться» и нечаянно исчезнуть в ходе некоей «глобализации», пока не вполне отчетливо представляемой. Государственные «границы в глобализирующемся мире» могут меняться не «постепенно», а «скачками» в результате осуществления государственной воли, ее решений, либо ее подавления и гибели.

Многие европейские государства путем взаимного изъявления своей воли и заключения договоров учредили Европейский союз, наделив его рядом атрибутов суверенного государства таких, как наличие органов власти законодательной (Совет ЕС, Европейская комиссия, Европарламент), исполнительной (Комиссия ЕС, Совет ЕС) и судебной (Суд ЕС). Это союзное государство подает пример продвижения к единому общечеловеческому государству, которое, если бы оно могло осуществиться, не нуждалось бы в государственных границах. Другое союзное «государство» – России и Беларуси – пока мало продвинулось к осуществлению действительно единого государства со всеми его атрибутами. Однако и у ЕС есть еще небольшие проблемы с достижением полноценной государственности. Пожалуй, это наиболее заметно в отсутствии у ЕС собственных вооруженных сил, которые подчинены НАТО.

Государственные границы в условиях глобализации могут меняться и путем силовых захватов чужих территорий, что сейчас «не модно» ввиду все шире распространяющегося «правосознания». Вместо силового вторжения вошли в обычай информационные вторжения, являющиеся

прямым коррелятом процесса глобализации. Уже более столетия работают «фабрики грез», а с конца XX столетия благодаря глобальной компьютеризации проведены по отношению к ряду стран интернет-интервенции-подстрекательства к «цветным революциям» – с меньшими затратами и с большими эффектами, чем от силовых захватов. Югославия, Ливия, Украина принадлежат к уже немалому числу жертв глобальной геополитики. Население стран «победивших революций» обычно становится поставщиком гастарбайтеров. Они выгодны хотя бы уже тем, что государства «подстрекатели-покровители» не обязаны предоставлять им гражданские права и социальные гарантии. Кстати, «казус Крыма» – совсем иного рода, здесь не было полноценного вторжения, ни силового, ни информационного, зато население получило полноценное гражданство и социальные гарантии.

Подведем итоги. Бытующие представления о том, что происходящая глобализация приведет естественным и непринужденным образом к единому миру без границ и войн, к гуманному и свободному единству всего человечества – несбыточные грезы, пока для этого не созреет воля каждого отдельного государства. А она, как представляется автору, не созреет до тех пор, пока во всем глобализирующемся мире господствующей формой производства является товарная форма производства со всеми ее достоинствами и изъянами (о ней см.: [5]). Товарная форма производства порождает конкуренцию товаропроизводителей, способную перерасти в «торговые войны», и каждое государство волей-неволей будет брать под покровительство своих товаропроизводителей, за счет которых оно существует.

Литература

1. Google Books Ngram Viewer [Electronic resource]. – Mode of access: <https://books.google.com/ngrams>. – Date of access: 30.09.2020.
2. James, P.A Genealogy of ‘Globalization’: The Career of a Concept / Paul James, Manfred B. Steger // Globalizations. – 2014. – Vol.11. – Issue 4. – P. 417–434.
3. Демидов, А.Б. Вопрос о различении государства и общества / А.Б. Демидов // История государства и права. – 2015. – №20. – С.39–43.
4. Демидов, А.Б. Двойственность понимания государства и проблема ее преодоления / А.Б. Демидов // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 11(78). – С. 90–95.
5. Демидов, А.Б. Коммунизм между невозможностью и неизбежностью / А.Б. Демидов // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т.28. – С. 98–111.

БЕЛОРУССИЯ–БЕЛАРУСЬ КАК КОНТАКТНАЯ ГРАНИЦА В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ЕВРАЗИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Каганский В.Л.,

*Институт географии Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация¹*

Следуя нашему различению границы в культурном ландшафте (далее – ландшафте) функционально подразделяются на барьерные и контактные [2]. В зрелом «полноценном» ландшафте последние более существенны и несут позитивную и интегративную функцию. Эта функция чаще реализуется при существенных различиях разграничиваемых районов, в частности стран (политическая реализация страны – государство). Важные типы (не исчерпывающие) различий: интенциональная включенность в разные объемлющие районы и сущностное тяготение к разным полюсам, ядам, центрам. Но именно различия порождают контакты и взаимодействия; однако частный их случай – конфликты.

Пограничное положение – положение в потенции диалогическое; на границе и посредством границы осуществляется диалог мест [4]. В свою очередь, культурно / символически значимая граница актуализирует и интенционализирован диалог. Более того, семантически определенная граница может и быть, по существу, и трактоваться как результат диалога смежных мест (районов). Со смежными районами сопряжены не только особенности и (иногда) интересы, но и позиции. Граница – еще и диалог позиций, что отчасти объясняет острую болезненность и даже (нередко) неразрешимость проблемы границ [1].

Известное различие границы и переходной зоны в данном случае несущественно, поскольку здесь границы имеют заведомо ненулевой размер и важнее их функциональный аспект. В функции (роли) границы может выступать и значительное ландшафтное тело, но тогда оно заведомо пространственно неоднородно и структурировано, в том числе и семантически.

Разнообразие в ландшафте и/или в культуре распределено закономерно неравномерно. Границы (некоторых типов) и сосредотачивают такое разнообразие и тем самым представляют особую ценность. В современном обществе разнообразие оказывается критически важным ресурсом практически любой деятельности. Прибегая к метафоре – ценность границ превращается в своего рода «спрос на границы». Происходит капитальная культурная инверсия [7]: граница становится не столько миром «тревоги и опасности» (ср. американский фронтьер хотя бы в его образе в вестернах), сколько средоточием разнообразия и богатых возможностей, источником

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания ФГБУН ИГ РАН № 0148-2019-0007 (НИОКТР АААА-А19-119021990093-8).

существенных ресурсов. Однако сгустки разнообразия (особенно несовместимо-конфликтных элементов) чреватны общественной, государственной, культурной, духовной опасностью. Граница в своей амбивалентности – и благо и бремя.

Согласно позиционному принципу [7] (в нашей интерпретации) пространственное положение места задает спектр его возможных функций, состояний и событийности его ландшафта; но не предопределяет. Из ситуации двунепринадлежности [1], непродуктивно-экстенсивного «промежуточного» положения, статуса восточно-европейской Внутренней Периферии [3] Беларусь (пока в потенции) становится контактной границей, зоной продуктивной двупринадлежности. Но контактная граница подобного типа не может не нести (опять-таки, в потенции) и функции центра и/или существенной части вмещающего целого. Внутренняя Периферия может быть конвертирована, обрести такие функции (примером чему в Западной Европе Швейцария) только и если только она сменит смысловую и функциональную определенность. Так, руины советского аграрного ландшафта все более становятся экологическими и даже культурными ядрами немалых территорий.

Выступая как выражение различия и разграничения, как место их актуализации ландшафтная граница оказывается сродни переводу (смыслов). В силу этого культурная среда и культурный ландшафт такого пространства обогащены иногда, казалось бы, разнородными элементами, отчего задача многоаспектного синтеза является составляющей полноценной жизни соответствующего пространства. Актуальна она и для Внутренней Периферии. Совмещение конкретной территорией страны Беларуси ситуаций погранично-переходной зоны, экотона, буфера, культурной границы высокого ранга, Внутренней Периферии (не только) делает страну интересной для жизни и исследования, хотя и несомненно очень трудной.

В определенном смысле известная общественная (и культурная, смысловая) событийность в Белоруссии августа-октября 2020 года – острое проявление диалогичного положения именно на границе – границе Европы (или на иной культурно значимой границе высокого ранга?) с концентрацией всех названных выше (и иных) различий больших пространств, меж которыми пребывает Беларусь. Территории бывшего Великого Княжества Литовского / Речи Посполитой, выращенных как общественно-государственные образования на диалоге культур с рубежно-пограничным положением и явили последнюю треть века острую продуктивную событийность. Нет нужды напоминать о роли Польши в «реевропезации» всей Восточной Европы в конце советского периода. Далее эта роль (ландшафтно-культурная миссия?) была ответственно принята на себя Литвой и позже Украиной [4]. Ныне в этот ряд встала и Беларусь. Выражаясь метафорически, опуская аргументы и памятуя, что проживание границы – атрибут самоопределения любого реального ландшафтного / культурного целого, следует заключить, что (в момент написания этого текста)

в Минске (как до того в Варшаве, Вильнюсе и Киеве) самоопределяется Европа в своей старо-новой драматичной и даже трагической границе. Беларусь не просто проживает свою ландшафтную и культурную двойственность и фундаментальную пограничность, она осуществляет эту Границу.

В завершение – пожелание Д.С. Лихачева. «На границах культур воспитывается их самосознание. Если граница сохраняется как зона общения – она обычно и зона творчества... Если граница – зона разобщения, она консервирует культуру, омертвляет ее, придает ей жесткие и упрощенные формы» [5, с. 98].

Данные кратчайшие тезисы могут быть развернуты в более пространственные тексты.

Литература

1. Границы и пограничность в культуре (тематический выпуск) // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 4.
2. Каганский В.Л. Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. – М.: МГУ. – 1982.
3. Каганский В.Л. Внутренняя Периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Сер. Геогр. – 2012. – № 6.
4. Каганский В.Л. Russia et Polonia // 7 искусств. – 2018. – № 3(96). <http://7i.7iskusstv.com/2018-nomer3-kagansky/>.
5. Каганский В.Л. Вопросение о пространстве диалога // Judaica Petropolitana, 2020 (в печати).
6. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1996.
7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – 272 с.
8. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. – М.-Смоленск – Ойкумена, 1999.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МИГРАЦИИ НА СОВРЕМЕННЫЙ СПОРТ

Копылова Е.А.,

*Белорусско-Российский университет, г. Могилев,
Республика Беларусь*

Глобализация является объективным процессом сближения, интернационализации, взаимозависимости во всех сферах жизни стран и народов нашей планеты.

В XXI веке глобализация отражает процессы мирового развития. Предпосылкой процесса глобализации в спорте явилась информационная

революция. Современный спорт превратился в мировое социально-культурное явление, стал профессиональной деятельностью.

В настоящее время спорт становится инструментом формирования положительного имиджа страны на международной арене, налаживания отношений между государствами. Спорт высших достижений является высококонкурентной областью человеческой деятельности и государственной политики.

Цель работы – исследовать влияние процессов глобализации и миграции на современный спорт.

Во всем мире вырос уровень внешней и внутренней миграции спортсменов, тренеров. Мигрируют лучшие представители в области спорта, уже сформировавшиеся личности, хорошо понимающие свой профессиональный потенциал и умеющие реально оценивать результаты своей работы.

Для экономически развитых стран характерна высокая управляемость миграционным процессом. Миграция становится все более дифференцированной по профессии, специальности, квалификации ее участников.

Решение мигрировать в другую страну обусловлено следующими причинами:

1. Денежные и материальные ресурсы.
2. Профессиональный рост.
3. Стабильность в стране, порядок, устойчивость.
4. Социально-бытовая инфраструктура.
5. Личностная культура.

Миграционные процессы в спорте связаны со свободой, социальной справедливостью и соблюдением правовых норм.

При выборе страны учитывается экономическая, социальная, политическая, экологическая, военная, этнокультурная безопасность. Если игнорируются важнейшие показатели успешной личностной самореализации, подлинная безопасность спортсмена или тренера не может быть обеспечена. Творческая активность, ум, приводящие к смелым, решительным, нестандартным действиям повышают ценность специалистов, они становятся более востребованными.

Миграция присуща тренерской элите, спортсменам и другим высококвалифицированным работникам данной отрасли. Благодаря этим людям осуществляется не только прогресс в спорте, но и активизация национальной экономики в области маркетинга профессионального спорта.

Мировой финансовый кризис отразился не только на экономике, но и на спорте. Материальные трудности способствуют образованию новой волны миграции атлетов из экономически менее развитых стран в те страны, где труд будет оплачиваться более высоко. Спортсмены переезжают из страны в страну, чтобы участвовать в соревнованиях, или надолго покидают страну, заключая выгодные контракты.

Для глобализации характерен мощный транснациональный рынок, включающий в себя миграционные процессы в спорте, спортивное оборудование и экипировку. Особенно велика роль информационного измерения: интернет, социальные сети, спутниковое телевидение, кино, периодические издания, радио способствуют распространению визуальных моделей, связанных со спортом по всей планете.

События, происходящие на Олимпийских играх и чемпионатах мира, посредством международного маркетинга вносят изменения в виды спорта в отдельных странах, перестраивая их к модели мирового спорта, как зрелища. Присутствует в глобализации и идеологическая составляющая. Риторика МОК (Международного Олимпийского комитета) основана на идее, что Олимпийские игры благоприятствуют распространению демократии и прав человека. Современную структуру мирового спорта можно рассматривать, как элемент новой фазы капитализма, основанный на тотальном потреблении и навязывающим свою культурную продукцию наиболее подвижным сообществам. Глобализация неотъемлема от открытия рынков и коммерциализации культуры.

Как повседневная жизнь отдельных людей, так и жизни наций на геополитическом уровне зависят от международных финансовых операций, связанных со спортом (ярким примером могут служить футбольный чемпионат мира или Лига Чемпионов).

Всемирно известные производители спортивных товаров (Adidas, Nike, Puma, Reebok и др.) заключают контракты со звездами мирового спорта, а также с командами для рекламы своей продукции, тем самым создавая дополнительный спрос на «престижную», «элитную» экипировку, используя достижения знаменитых спортсменов, что, безусловно, приводит к получению «сверхприбыли».

Миграция спортсменов, обусловленная процессом глобализации, выявила их социальное неравенство не только в расовом, но и в гендерном аспекте. Спортсменки из разных стран сталкиваются с проблемами, неизвестными мужчинам. Они подвергаются социальному и религиозному давлению. Это характерно для стран восточного региона.

Можно выделить следующие мотивы, побуждающие к миграции: стремление к лучшей жизни, миграция из зависти, стремление более полно реализовать свой спортивный, творческий, интеллектуальный потенциал.

Миграция – это проблема неудовлетворенных потребностей, энергия которых преобразуется в энергию перемещения.

Однако стоит отметить, что не всегда спортсмены едут за деньгами. Многие едут за шансом на реализацию своей мечты, амбиций, целей и возможностей. Доказать тем, кто не увидел в них потенциала дома, и вынес вердикт «бесперспективен». Немаловажный фактор – отсутствие личностного роста. Причиной могут стать изменения в семейном положении.

Время – важный ресурс для спортсменов, в особенности для возрастных. Его нельзя упускать.

Также спортсмены уезжают, если не попадают в национальную сборную команду своей страны, где существует высокая конкуренция в избранном виде спорта. Огромное желание выступить на Олимпийских играх способствует принятию решения поменять гражданство. Одной из причин миграции являются конфликты с федерацией по виду спорта, отсутствие взаимопонимания между спортсменами и тренерами.

В преддверии Олимпийских игр происходит наибольший рост миграции среди спортсменов. Страны, в которых отдельные виды спорта недостаточно развиты, натурализуют спортсменов из других стран для более успешного выступления в соревнованиях.

Серьезные практичные тренеры за рубежом не приглашают к себе всех подряд. В этом списке находятся титулованные, известные и подающие надежды спортсмены.

В последние годы активное развитие получает миграция талантливых молодых спортсменов, которые хотят получить высшее образование в США и странах западной Европы. Их привлекают уникальные методики тренировок известных специалистов, передовая спортивная медицина, научные разработки в области спорта, менеджмент.

Глобализация и миграция оказывают большое влияние на мир профессионального спорта, как часть социально-культурной жизни общества.

Литература

1. Иванюх И.В. Международная миграция как ресурс развития (замечания в связи с глобальной дискуссией) // Век глобализации. – 2011а. – № 1. – С. 67–79.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Козлов А.В.,

ВГАВМ, г. Витебск, Республика Беларусь

В современной глобалистике весьма популярна точка зрения о негативном влиянии транснационализации на современное социальное государство (Кузовков Ю., Платонов О.А., Харви Д., Стиглиц Дж. и др.). В частности, утверждается, что экономическая глобализация сокращает государственные расходы на социальные нужды. Впоследствии это отрицательно сказывается в политической и культурной сферах. Национальные социальные государства теряют монополию на принятие решений, что ве-

дет к снижению социальной защиты. Но у глобализации есть и позитивные моменты.

Цель – раскрыть гуманистический потенциал глобализации и определить пути его реализации социально ориентированными государствами.

Современный этап глобализации сопряжен с интеграцией экономических, политических, социальных и, как следствие, культурных систем мирового сообщества в единый взаимозависимый кластер. Транснационализация способствует унификации политических, экономических и социальных парадигм. Следовательно, начиная с экономических трансформаций интеграционные мировые процессы приводят к единому знаменателю практически все сферы общества. Социальные государства с момента зарождения сильно отличались политической системой, правовыми нормами и ценностными установками, а также политическими режимами. Глобализационные процессы вносят значительные изменения, и, по мнению автора, обладают гуманистическим потенциалом.

Принято считать, что экономическая глобализация неизменно ведет к сокращению государственного обеспечения социальной сферы. Это не совсем так. В связи с этим обратимся к работе «Глобализация и будущее государства всеобщего благосостояния» [6]. Исследование посвящено социальным расходам государств всеобщего благосостояния с разными системами и моделями социального патернализма. В качестве критерия использовался процент затраченных средств на социальные нужды (пенсии, пособия по безработице и инвалидности и др.) от ВВП. Исследование показало, что рост производительности повышается с увеличением глубины разделения труда в экономике, а глобализация непременно приводит к углублению специализации. Это развивает конкурентоспособность и укрепляет государство на мировом рынке производителей тех или иных благ. Стабилизация экономики способствует сохранению государственных затрат на социальное обеспечение, привлечению инвестиций, увеличению налогов в бюджет государства. Сокращение социального обеспечения в общемировой тенденции не происходит, социальные государства сохраняют его на прежнем уровне.

Одной из тенденций интернационализации является демократизация общества. Социальные государства способны существовать при различных политических режимах: авторитарных или демократических. Однако глобализация способствует внешнеэкономической либерализации, что в свою очередь стимулирует производство и повышает общий уровень жизни социума, приводит к спросу на демократические ценности и свободы в общественном сознании. Как отмечал С. Липсет, «чем богаче государство, тем выше вероятность того, что в нем будет поддерживаться демократия» [5, с. 24–25].

Интеграция мирового сообщества порождает взаимосвязь внутригосударственной и международной правовой системы и стандартизацию принципов в области прав человека [1]. Интернационализация трансфор-

мирует проблему прав человека из области внутригосударственных вопросов в проблему международной юрисдикции прав человека. Этому способствуют международные организации и объединения: ООН, ЮНЕСКО, МВФ, ВТО, ВОЗ, МОТ, ОЭСР и др. Именно благодаря деятельности перечисленных международных организаций были созданы международные законодательные инициативы: Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека 1966 г.; Европейские социальные хартии 1961 и 1996 гг., международные инициативы ООН – Глобальный договор ООН 1999 г. Подобные законодательные инициативы позволили определить социальные, экономические и культурные ценности, связать их с правами человека, спецификой бизнеса; разработать принципы устойчивого развития, свободы, равенства, братства и благополучия всех людей, экологической ответственности и борьбы с коррупцией [3, с. 71].

Одна из главных функций социально-ориентированного государства – минимизация антагонизма в обществе. В зависимости от вида социального государства, данная задача может решаться как гуманными, так антигуманными способами. Интернационализация способствует снятию или смягчению социальных противоречий цивилизованным путем, а также гарантирование более высокого уровня социальных благ гражданам [2, с. 88].

Всесторонние интеграционные связи государств способствуют также формированию единого образовательного пространства. Образование стремится быть конкурентоспособным и отвечать современным требованиям. Информатизация позволяет усовершенствовать этот процесс, адаптировать его к конкретным потребностям и нуждам.

В условиях тотальной глобализации и большие, и малые государства обеспокоены обострением экологических проблем. В достижении экологического равновесия заинтересованно все мировое сообщество. Любое социальное государство осознает ответственность за экологическую ситуацию, однако силами одного государства решить эту проблему нельзя. В рамках глобализации вырабатываются единые стандарты и подходы, определяются приоритетные цели и консолидируются средства для устранения опасностей [4].

Не стоит идеализировать процесс глобализации. Это противоречивый и неоднозначный исторический феномен планетарного масштаба. Транснационализация сопровождается возникновением новых проблем и вызовов как для социального государства, целью которого является обеспечение достойного уровня и условий жизни, так и для мирового сообщества. Однако глобализация имеет достоинства, которые могут использовать общества: способствует созданию единых международных стандартов и норм, требований к условиям труда, социальной ответственности, социальной защите и устойчивому развитию; повышению качества жизни,

снижению бедности в развивающихся странах, росту производительности труда и эффективности экономики, формированию цивилизованной конкурентной среды. Международные организации и объединения способны благоприятно влиять на социальную политику государств и обеспечивать поддержку и развитие гражданского общества.

Литература

1. Ауксина, В. В. Глобализация, права человека и обязанности государства / В. В. Ауксина // Известия Иркутской государственной экономической академии. – Иркутск, 2010. – № 6. – С.55–60.
2. Партугимов, В. В. Влияние глобализации на функции государства / В.В. Партугимов // Вестник ЧитГУ. – 2011. – № 1(68). – С.86–90.
3. Спиридонова, Н.В. Влияние глобализации на развитие моделей социальной политики / Н.В. Спиридонова // Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности. – № 6. – С. 70–75.
4. Целищев, Н. Н. Экология в условиях глобализации / Н.Н. Целищев // Аграрный вестник Урала. – № 11–2(106), 2012. – С. 40–42.
5. Чепель, С.Л. «Новые демократии» в условиях экономической глобализации: проблемы и перспективы развития / С.Л. Чепель // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение», 2018. – № 2 (12). – С. 21–38.
6. Chen, Yu-Fu Globalization and the Future of the Welfare State / Yu-Fu Chen [et al.]. – Bonn: IZA Policy Paper, 2014. – 21 p.

КРЕАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ «КРУГА М. БАХТИНА»

Никонов А.Н.,

ВГМУ, г. Витебск, Республика Беларусь

В последнее десятилетие тема границ привлекает все больше внимания со стороны представителей научного сообщества в области социально-гуманитарного знания. Практически все исследователи данной проблемы отмечают особый статус территории приграничья и наделяют его особыми значениями. Одно из доминирующих на сегодня представлений о приграничье заключается в том, что данную территорию необходимо рассматривать не как изолированное пространство, где утверждаются национально-культурные различия, а как место креативного культурного производства. Приграничье сегодня воспринимается большинством исследователей как своего рода центр культурной глобализации [1].

В качестве исторического примера креативного пространства трансграничности можно привести территорию современного белорусско-

российского пограничья (Витебская область Республики Беларусь и Псковская область Российской Федерации). Именно в этом регионе в начале XX в. происходило формирование уникального интеллектуального объединения, которое в научном сообществе получило название «круг М. Бахтина».

В конце 1910-х гг. находящиеся на этой территории города Витебск и Невель переживали творческий подъем. Особенно плодотворными для развития науки, искусства и образования стали 1918-1922 годы. В эти годы в данных городах в силу ряда исторических причин сошлись пути многих выдающихся деятелей науки и искусства, которые в будущем получили мировую известность и признание. Среди них был и уникальный мыслитель XX в. М. Бахтин. Именно здесь во многом произошло его интеллектуальное становление. Большую роль в этом процессе сыграли представители гуманитарно-интеллектуальной среды, которые входили в его ближайшее окружение. Этих людей впоследствии М. Бахтин и называл своим творческим «кругом». Путь формирования этого творческого союза проходил из Невеля в Витебск.

Начало данному творческому объединению было положено в г. Невель в 1918–1919 гг. В это время здесь одновременно проживали и работали три его ведущих представителя: М. Бахтин, Л. Пумпянский и М. Каган. Они и сформировали т.н. «невельский кружок», в собраниях которого часто принимали участие также М. Юдина, Б. Зубакин, В. Волошинов и другие деятели из интеллектуальной элиты города. Члены «кружка» активно занимались научной и просветительской работой, постоянно виделись и общались, обмениваясь своими идеями и взглядами [5]. Кроме этого «невельцы» посещали с лекциями и докладами другие города, в том числе и соседний губернский город Витебск, который в это время становится ареной деятельности выдающихся творцов в разных сферах культуры. В это время в Витебске трудился выдающийся научный деятель П. Медведев, который поставил перед собой целью создание в городе профессиональной гуманитарно-интеллектуальной среды. Именно П. Медведев сыграл огромную роль в дальнейшем процессе формирования «круга М. Бахтина».

С представителями «невельского кружка» М. Бахтиным, М. Каганом и Л. Пумпянским он, вероятнее всего, познакомился еще в Невеле, когда приезжал туда в 1918 году читать лекции. Схожесть идей П. Медведева и членов «невельского кружка» исследователи начинают отмечать уже с 1918г., когда он выступил с докладом «Тургенев как человек и писатель», где говорилось о взаимоотношении жизни и искусства. Почти через год в невельском альманахе «День искусства» по похожей проблематике напечатали свои статьи М. Бахтин и М. Каган [4].

«Невельский кружок» просуществовал недолго и стал распадаться в 1919 г., а его активные члены один за другим стали перебираться в г. Витебск. Летом 1919 г. из Невеля по просьбе П. Медведева на работу в витебский Пролетарский университет приезжает Л. Пумпянский, а осенью 1919 г. и М. Каган, который тоже стал лектором университета [3].

В 1920 г. в Витебск переезжает и сам М. Бахтин. Это произошло по инициативе Л. Пумпянского, который находился здесь с 1919 г. и принимал активное участие в научной и образовательной жизни города и за это время успел сблизиться с группой местной интеллигенции, среди которых были известные ученые, педагоги и деятели искусства. С момента переезда в Витебск М. Бахтин начинает читать публичные лекции, в том числе и по курсу русской художественной словесности. У него появляется группа постоянных слушателей, среди которых был и П. Медведев. Именно в этот период происходит их близкое знакомство и сближение [6, с. 53–54].

Со временем в круг знакомых М. Бахтина входит также и И. Соллертинский, который с 1919 г. жил в Витебске и работал в подотделе искусств разъездным инструктором. Именно эти люди, наравне с В. Волошиновым, Л. Пумпянским и М. Каганом, составили «витебский круг М.М. Бахтина».

Члены «кружка» вели активную научно-просветительскую, а также государственную работу. Их творчество оказалось объединено общими идеями и взглядами, а научные труды часто дополнялись материалами друг друга. В беседах этого круга, по словам М. Бахтина, и сформировалась общая для всех его членов идейная концепция. Постоянное общение М. Бахтина и его сподвижников с представителями различных социальных групп, которое происходило в форме диалога, постепенно углубляло и расширяло их осмысление философско-культурологических идей.

В этот же период в Витебске происходит изменение направления исследований самого М. Бахтина. Под непосредственным влиянием П. Медведева он уходит от изучения проблемы взаимосвязи и обусловленности искусства и жизни, и все больше внимания начинает уделять теории литературы и эстетике словесного творчества [2, с. 199].

С 1924 г. деятельность «круга М. Бахтина» перемещается в Петроград и получает дальнейшее развитие. Но именно в Невеле и Витебске в 1918–1924 гг. в период важнейших исторических изменений происходило формирование, развитие и истинное становление данного творческого объединения. Именно здесь на пограничье России и Беларуси возник этот уникальный культурный феномен, который в дальнейшем оказал огромное влияние на развитие всего современного гуманитарного знания.

Литература

1. Бредникова, О. Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) / О. Бредникова // Вестник Санкт-петербургского университета. – 2008. – Сер. 12. – Вып.4. – С. 492–497.
2. Козлов, А. Витебский период деятельности М. М. Бахтина /А. Козлов // Материалы докладов 50-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов, посвященной Году науки: в 2 т. // УО «ВГТУ». – Витебск, 2017. – Т. 1. – С. 53–56.

3. Медведев, Ю. Круг М. М. Бахтина. К обоснованию феномена [Электронный ресурс] / Ю. Медведев, Д. Медведева // Звезда. – Режим доступа: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1806>. – Дата доступа: 15.02.2020.

4. Медведев, Ю. Полифония круга. [Электронный ресурс] / Ю. Медведев, Д. Медведева, D. Shepherd // Nevmenandr.net. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/scientia/festschrift/medvedev.pdf>. – Дата доступа: 11.01.2020.

5. Михаил Бахтин [Электронный ресурс] // Наследие Земли Псковской/Культура и история. – Режим доступа: <http://www.culture.pskov.ru/ru/persons/object/43>. – Дата доступа: 20.02.2020.

6. Семенова, Н. Роль витебского периода в жизни и творчестве М. Бахтина / Н. Семенова // Психологический Vademecum: Витебщина М.М. Бахтина: сб. науч. ст. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 197–201.

НАЦИЯ, КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ВОЙНА ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Прудников П.Н., Рудович Н.И.,
БГЭУ, г. Минск, Республика Беларусь

Глобализация – массовое движение товаров, услуг капитала и финансов. Такое явление несет в себе как положительные, так и отрицательные черты. Помимо тех положительных сторон, как-то экономическая интеграция и производственная стабильность, а также и некоторые другие, глобализация несет в себе угрозу уничтожения наций, культур, политическую интервенцию [2, с. 127]. Непонимание опасностей, приносимых глобализацией, приводит к межкультурным столкновениям, войнам, которые являются адекватной реакцией территориальных образований и народов, живущих там. Экономическая сторона данного процесса является всего лишь одним из многочисленных последствий той экспансии, которая носит политико-культурный характер и имеет своей целью навязывание поведенческих, культурных, ценностных стереотипов и одинаковых моделей развития. Смывание национальных и культурных интересов чревато проблемами более серьезного характера: потерей нациями своего потенциала и особенностей, потеря разнообразия жизни в различных местах планеты, потеря человеческой индивидуальности, подчинение не разумным интересам и вкусам большинства. Вот что принесет «бомба», состоящая из глобализации и политико-культурной интервенции в их единстве и неотъемлемости друг от друга [1, с. 357]. И в таких условиях важно не потерять себя, не утратить своих отличительных черт и духовности. Ведь мир прекрасен и благодаря тому, что мы можем лицезреть богатую палитру, радугу

человеческих чувств, культур, традиций, истории. Человечество не должно переставать познавать себя и других.

Республика Беларусь является признанным субъектом международного права, суверенным и самостоятельным государством. Республика Беларусь признает приоритет норм международного права, если они не противоречат законодательству страны. Республика Беларусь имеет свою позицию по различным мировым вопросам, хотя позиция белорусской стороны иногда совпадает с позицией других стран. Республика Беларусь придерживается исключительно мирных способов решения конфликтов, правил честной конкуренции, невозможности вмешательства в дела иных государств [2, с. 255]. Наша страна активно выступает с пропагандой мира и всевозможных способов уклонения от военных конфликтов. Республика Беларусь взаимодействует с иными государствами в вопросах защиты экологии, профилактики любой формы бандитизма и запрете насилия в любых формах. Ущемление прав человека также не являются для нас чуждой проблемой.

Республика Беларусь оказывает посильную помощь в защите беженцев, социальных слоев населения с низким качеством жизни. Беларусь является местом спокойствия и защиты для многих людей. Все вышеизложенное является позицией нашей страны, отражением ее национальных интересов. Поскольку в современном мире для угроз и опасностей нет такого понятия как расстояние, каждый должен быть ответственным и активным. Никогда не была приемлема позиция: «После нас хоть потоп». Потому что «пробоина» в одном месте, может повлечь за собой потоп всего «корабля». Одной из отличительных черт внешней политики Республики Беларусь является неучастие вооруженных сил нашей страны в военных столкновениях в иных государствах, что еще раз подчеркивает мирный, демократический вектор развития Республики Беларусь и призыв к тем же мерам иных стран. Но не всегда тех же мер придерживаются наши соседи [1, с. 359].

Политические деятели нашей страны не позволяют себе вызывающих, а иногда и откровенно агрессивных высказываний в отношении других стран. Еще одним существенным отличием нашей страны является мирное сосуществование представителей различных народов, этносов и конфессий. Следствием этого есть стабильность внутри государства и возможность для его дальнейшего плодотворного развития. Республика Беларусь не приемлет дискриминации по вышеуказанным признакам, геноцида и всевозможных ущемлений. И здесь очень важно обратиться к причинам данного явления. Это один из ярких примеров, когда нахождение причин, условий формирования, является ключом к пониманию, и, как следствие, разрешению определенных проблем. Иные же государства, или иногда просто замалчивают данную проблему, или пытаются решить ее внутри государства, что зачастую приводит к конфликтам уже международного масштаба. Например, достаточно вспомнить конфликты в Российской Федерации между представителями азиатского этноса, что зачастую катализируется и религиозными противоречиями [2, с. 251]. Также подобное

можно наблюдать в США между черным и белым населением. Республика Беларусь стремится избежать ядерного конфликта и доказательством этого является добровольный отказ нашей страны от ядерного оружия. Помимо этого, к международным интересам и ценностям Беларуси относятся такие компоненты, как презумпция невиновности, равенство всех перед законом, демократичность и социальный характер ориентации внутренней и внешней политики Республики Беларусь. В данных компонентах позиция нашей страны схожа с позицией наших соседей и большинства стран мира. Беларусь всегда готова к открытому диалогу с другими странами.

Хотелось бы еще раз упомянуть об опасности смывания национальных особенностей и интересов, поскольку, если не будет нации, то и о национальных интересах и ценностях речь не может идти. Важно сохранить себя, свою идентичность, осознать свое место в мире, быть верным гражданином своей Родины. Различные культуры и народы складывают ту палитру мира, которую мы должны сохранить. Возможно, вспомнить слова великого Франтишки Богушевича: «Не пакідайце ж мовы беларускай, каб не умерлі». Мы должны преумножать нашу белорусскую культуру, ее традиции, защищать нашу нацию и ее историю. Мы должны стараться быть истинными гражданами своей страны, быть ее опорой, теми кто ее защитит и не пожалеет себя для ее блага. «Гражданин, который не устремляется на врага, когда его Родине грозит опасность, не гражданин, а обыватель», – Жан Жак Руссо.

Являясь полноценным членом международного сообщества, необходимо четко определить цели нашего великого государства. Найти и создать свою модель сильного общества, страны и нации. Республика Беларусь определила своим вектором развитие и создание информационного, постиндустриального общества. Вместе с другими субъектами международных отношений мы должны отстаивать свои интересы в мире, защищать интересы других. Мы должны избегать тех условий и стандартов, которые могут причинить вред нашему государству. Непозволительно позволять каким-либо образом оказывать на себя давление и быть объектом манипуляций. Стараться защищать от этого других. Чтобы быть государством с поистине многовекторной политикой, необходимо активное взаимодействие с другими государствами и народами в различных сферах деятельности и взаимообмена. Одной из главных целей нашего государства, да и мирового сообщества в том числе, является воспитание граждан готовых двигать мир вперед. Что же касается глобальных проблем, то недопустимыми являются противоправные, бесчеловечные и жестокие методы борьбы. Республика Беларусь против этого. Собственно же глобализация, хоть и имеет ряд существенных плюсов, все равно является одной из наиболее актуальных проблем современности, за которой стоит неизвестное. Современные прогностические теории рисуют далеко не радужную картину мира. Каким будет этот мир, кто будет жить в нем? В этих условиях важно не потерять себя.

Литература

1. Белякович, Н.Н. Политология: учебное пособие / Н.Н. Белякович. – М.: Издательство деловой и учебной литературы, 2007. – 407 с.
2. Божанов, В.А. Политология: мир современной политики: учебное пособие / В.А. Божанов. – М., 2005. – 256 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИМИТАРНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рудковский Э.И.,

ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Исторически граница всегда была важным условием самоидентификации этноса, фактором экономической, политической и военной безопасности страны, ее суверенитета. Недаром одним из основных принципов международного права является принцип нерушимости границ. Важно понимать, что границы обеспечивают безопасность людей, их существование в привычном и понятном мире. В этом – залог стабильности общества. Социум без всяких пределов и рубежей может потерять свою самость и, в конечном счете, сойти с исторической арены. Вместе с тем историческая лимитарность (граничность) не тождественна границе в привычном ее понимании. Она выступает как интегральный феномен, включающий в себя экономические, политические и социокультурные процессы.

Следует учитывать, что принцип нерушимости границ находится в известном противоречии с нарастающими интеграционными процессами в глобализирующемся мире. Происходит увеличение прозрачности границ, которые становятся все более размытыми. В условиях нарастающих массовых коммуникаций традиционные территориальные, экономические, культурные, религиозные границы все больше становятся явлением достаточно условным, подвергаются непрерывной трансгрессии. Меняется само понятие границы, его содержание и объем. Интеграционные процессы в экономике предполагают свободное передвижение людей, товаров, капиталов. В политическом плане суверенитет многих государств может быть обеспечен лишь вхождением в союзы и объединения. Но в рамках таких союзов границы становятся относительными. Этот процесс можно назвать детерриторизацией. В еще большей мере границы становятся условными в свете информационных процессов, которые идут поверх границ. Происходит диалог культур, сближение в языковой сфере, образе жизни, ценностных ориентациях. При этом, конечно, следует учитывать, что сам феномен границы не исчезает, с ним приходится считаться. К примеру, пандемия коронавируса показала, что в критических ситуациях многие страны

стали закрываться в своих национальных границах, национальные интересы ставили выше союзнических отношений.

Когда речь идет о трансформации феномена границы в современном глобализирующемся мире, следует учитывать, что здесь себя проявляют не только позитивные тенденции. Информационные технологии создают предпосылки стандартизации общественной и духовной жизни, нарастания манипуляционного воздействия на сознание людей, тотального наблюдения и изоциренного управления их поведением. Информация становится средством и ресурсом власти. Сегодня борьба за власть – это не борьба политических партий, идеологий, а борьба политических имиджей, создаваемых СМИ. Информационное общество привело к распространению неолиберальных духовных ценностей. Можно сказать, что «духовный коронавирус» поразил мировое сообщество.

Человек вступил во всеобщий гуманитарный, антропологический кризис: «...мы становимся свидетелями личностного дефицита, нравственной деформации общества, несформированности навыка рефлексии, эмпатии, совестливости. В тренде «одноразовые» отношения, разрушающие культ семьи, настоящей дружбы, общественной солидарности; лень мышления, поглощающего готовые мнения, оценки; безразличие к «вечным» философским вопросам; примитивизм авторитетов; космополитизм» [1, с. 20].

Подвергаются переоценке базовые ценности человеческого бытия: долг, честь, совесть, традиционные устои семьи, трудовая этика. Быть потребителем и бездельником сегодня не стыдно и не позорно. При помощи СМИ предпринимается политика ограничить человека узким горизонтом потребительских, конъюнктурно-прагматических интересов и отвлечь его от масштабных общественных процессов. Экспортируются, культивируются ценности изначально чуждые этническим общностям. Ревизии подвергаются христианские ценности. Кроме того, давно исчезло традиционное искусство, на его место пришли суррогаты, часто не имеющие с эстетическим вкусом ничего общего, философия постмодернизма с ее понятием и практикой деконструкции оказалась идейной основой деконструкции человеческой цивилизации.

Европейские политкорректные ценности (не путать с базовыми ценностями прав и свобод) в своей сути антинаучны и антигуманны. Законы без нравственности не могут обеспечить стабильность общества, предотвратить преступность. Недаром еще Гораций вопрошал: какая польза от законов, если в обществе нет нравственности.

Нельзя не обратить внимания еще на одно последствие глобализации: в условиях прозрачности границ, взаимозависимости стран и народов, растущей мобильности населения, у многих социальных групп, прежде всего молодежи, этническая идентичность становится все больше размытой. Мультикультурность противоестественна, как и другие фетиши политкорректности. Глобализация была борьбой за единый мир. Но в этой

борьбе в известном смысле проиграли все, так как писали правила, средства и цели борьбы только для себя. Риск стал неотъемлемой частью социального и культурного пространства, бытия человека. Культурный генофонд человечества в целом оказывается под угрозой, поскольку он состоит из национальных культур многих народов. Вот почему формирование представления о себе как нации, национальной идентичности очень важно для Беларуси. Оно означает наши усилия найти себя не только в прошлом, но и определить свое место в будущем мироустройстве, вектор дальнейшего развития белорусского социума.

Защита духовного достояния, цивилизационно-культурной самобытности и самоидентификации – первейшая задача общества. При этом, конечно, нельзя впадать в протекционизм и абсолютизацию культурной уникальности. Развитие культур происходит на границе духовных сред. Культурные границы влияют на духовный мир людей, процессы их самоидентификации, развитие и сохранение социокультурной матрицы. В то же время появление чего-то нового, креативного происходит в процессе выхода за пределы установившегося, привычного.

Литература

1. Кривоносова, Е.Э. Социокультурная среда перед лицом новых гуманитарных вызовов / Е.Э. Кривоносова // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: материалы Международной научно-практической online-конференции, Витебск, 6 декабря 2019 г. / ВГУ; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С.20–22.

ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ ГРАНИЦЫ НЕ ПРОШЛИ ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ГОЛОВЫ

Сенченков Н.П.,

СмолГУ, г. Смоленск, Российская Федерация

Мы исходим из того, что граница – это линия, определяющая пределы территории государства, и, соответственно, пределы действия государственного суверенитета [1]. Данное определение можно применить и к человеческим отношениям, когда подобная линия «очерчивает» суверенитет, субъектность конкретного человека или общности людей. В этом случае границами будут права и обязанности человека, а также традиции человеческого общежития. В случае человеческих общностей граница, в большей степени, представляет из себя в полном смысле пунктирную линию, где пробелы между черточками и есть доверие.

Говоря о прозрачности современной границы между народами России и Белоруссии (атаковая существовала формально и в СССР), мы должны понимать, что современная молодежь уже не застала ни СССР, ни социалистический уклад, ни советскую власть. По большому счету, и белорусская, и российская молодежь полностью является постсоветской. Старшие поколения по-прежнему продолжают считать, что наши государства как бывшие советские республики представляют некое единое, родственное во всех отношениях пространство, пропитанное многовековыми связями в культурной, духовной, экономической сферах. Но так ли это на самом деле? Можем ли мы быть уверенными в том, что наши связи «крепки и нерушимы». Нынешняя проблемная ситуация в Белоруссии, в том числе, в части молодежи – это, на наш взгляд, следствие постсоветского синдрома. И, конечно, и нынешним белорусским властям, и нашему российскому руководству необходимо принять срочные меры по интеграции наших стран не только в области экономики, но и в области истории, культуры, образования, науки, но, самое главное, в сфере мышления.

После распада СССР все союзные республики оказались в сложной ситуации, связанной с тем, что резкий вираж в социально-экономическом укладе жизни общества и государства сопровождался ярко выраженными трансформациями ценностного сознания. Случившиеся за 30 лет экономические катаклизмы, резко изменившиеся социальные гарантии определенных групп населения, в том числе и молодежи, привели к трансформации взглядов и ценностей, отражающих их позиции и ориентиры. Это в определенной степени и вызывает изменения в образах своей страны и ближайших соседей (у старшего поколения в меньшей мере, у молодежи – достаточно серьезные). Как отмечает В. Федоров, «сегодня весь мир лихорадит. В разных странах проходят уличные протесты, и, хотя причины у всех свои, можно увидеть некоторые общие мотивы: ...потребность в разрядке, выплеске негативной энергии, накопившейся за время локдауна. В США триггером, спусковым крючком протестов, стало убийство чернокожего, в Белоруссии – выборы президента, в результаты которых народ не поверил, в Хабаровске – арест популярного губернатора. Там, где такого триггера нет, нет и протестов – но это не повод для самоуспокоения. В нынешней ситуации власть должна быть более чувствительной и внимательной к настроениям людей, вести умную политику, постепенно давать возможность выхода негативной энергии без значительных потрясений общественного порядка. Людям сейчас и так тяжело, давать им дополнительные поводы для раздражения опасно – это видно на примере беспорядков в США, Сербии, Черногории, Белоруссии» [2].

Мы констатируем, что формирование образа сопредельного государства и его народа обусловлено рядом факторов – социокультурными традициями, менталитетом, языковой дистанцией, разделяющей этносы, степенью прозрачности государственных границ и развитости коммуникации,

деятельностью средств массовой информации. Исходя из данных факторов и было решено проверить, в каких оценках и ориентирах совпадает мнение у белорусских и российских студентов, и в чем проявились различия.

В данной статье мы используем результаты проведенного совместным исследовательским российско-белорусским коллективом опроса (руководитель проекта – профессор Смоленского госуниверситета А.Г. Егоров) в 2016 году. В опросе приняло участие 1812 белорусских и российских студентов. Белорусское студенчество (1007 чел.) было представлено столицей и областными центрами (координатор – профессор М.А. Можейко), российское (805 чел.) – вузами приграничных городов Брянска (координатор – профессор В.И. Гостенина) и Смоленска (координатор – доцент Е.Е. Сухова). Данный проект и был направлен на выявление образов наших стран в студенческой среде.

Полученные данные, а также их анализ, будут интересны и важны нынешнему руководству наших стран, соответствующих министерств и ректоратам вузов, прежде всего, в контексте текущих событий, актуальных повседневных практик и ценностных предпочтений, т.к. именно из недр сегодняшней учащейся молодежи формируются национальные и региональные, научно-технические и гуманитарные, политические и экономические элиты. Т.о., мир смысложизненных ориентаций и интенций нынешних студентов задает образы грядущей социальности, интеграции и, что очень важно и беспокоит, дезинтеграции.

В частности, студентов спросили: Что, на Ваш, взгляд, в определяющей степени объединяет русских и белорусов? Для российских студентов таким главным объединяющим началом является славянское происхождение (64,3%). У белорусских студентов отмечено фактически три преимущественных основания – наряду со славянским происхождением (29,1%), это христианская религия (25,8%) и схожесть психологических качеств (25,5%). В списке базовых объединяющих начал предлагались также «общие испытания и победы», «культура, язык», но не они оказались соответствующими доминантами объединения. Требуется глубокого анализа и ответ «вхождение в Союзное государство». Всего 3,5% респондентов – россиян выделили это как объединяющее начало, белорусские студенты вообще не выбрали этого ответа.

На вопрос: Как Вы воспринимаете историю Беларуси в первую очередь?, подавляющее большинство белорусских студентов (99,3%) ответили, что воспринимают ее как историю отдельной страны, впрочем и историю России белорусы воспринимают как историю отдельной страны (99,1%). Между тем, у российских студентов отмечается взгляд на историю Беларуси как на бывшую союзную республику (73,3%).

На вопрос: Что для Вас история Беларуси в целом?, 81,7% белорусских студентов ответили «история белорусского народа», 10,4% – «история Республики Беларусь», российские студенты – соответственно 51,3% и

29,2% на аналогичный вопрос: Что для Вас история России в целом?, россияне заявили «История русского народа» – 65,1%, «История Российской Федерации» – 26,3%. Интересно, что 79,2% белорусов ассоциируют историю России с историей русского народа и 11,5% – с историей Российской Федерации.

На вопрос: С историей какой страны, на Ваш взгляд, переплетается история Беларуси в наибольшей степени, белорусские студенты отметили соответственно Польша – 42,3%, Россия – 29%, Литва – 26,9%, для россиян история Беларуси в наибольшей степени переплетается с Россией (75,2%). При ответе на аналогичный вопрос, но касаемый истории России, 49,2% и 26,6% российских студентов ответили соответственно Беларусь и Украина, а 35,4%, 34,6% и 19,1% белорусов назвали Беларусь, Польшу и Литву соответственно.

Таким образом, историческое мироощущение современного и российского, и белорусского студента уже иное. Особенно это характерно для белорусов, которые ни Беларусь, ни Россию не ассоциируют с пребыванием в составе СССР. То, что в господствующей советской идеологии было центральным пунктом (расцвет и бурное развитие национальных республик), теперь отошло на периферию молодежного сознания. Поэтому для белорусской учащейся молодежи история Беларуси – это история отдельной страны, впрочем, как и история России. Между тем, у российских студентов присутствует взгляд на историю братской страны как на бывшую союзную республику. Современное студенчество, и белорусское, и российское, едины во мнении: история Беларуси – это история белорусского народа, а России – история русского народа. Такая этнофикация истории в молодежном сознании позволяет понять истоки следующих интерпретаций: белорусские студенты видят переплетения своей истории с Польшей, Россией и Литвой, для россиян – это Беларусь и Украина.

А вот каковы позиции студентов наших стран по вопросу: Для Вас Союзное государство – это, прежде всего, единый... Российские студенты видят в этом образовании «политический союз» (69,2%), «культурный союз» (57,9%) и «экономический союз» (57%), для белорусов – это «таможенный союз» (68,7%), «культурный союз» (61,4%) и «экономический союз» (59,2%). «Военный союз» видят в Союзном государстве только 14,3% российских студентов. Таким образом, представление Союзного государства у белорусов таможенно-культурное, а у россиян – политико-культурное. А это далеко не одно и то же. К тому же студенты Беларуси вообще не видят этот Союз военным.

Подводя итоги, подчеркнем, что выявленные позиции белорусского и российского студенчества необходимо рассматривать в динамике, потому что социальное позиционирование – это сложный процесс, требующий соответствующего мониторинга. Кроме того, для дальнейших исследований важно расширение как поля изучения (другие популяции молодежи:

старшеклассники, сельская молодежь, ценностные ориентации молодежи и факторы, влияющие на их формирование, например, СМИ, Интернет), так и использование более широкого арсенала методов исследований. Также важно на всех уровнях (от государства до семьи) целенаправленно вести работу в отношении фактора «общие испытания и победы» как важного объединительного аргумента для молодежи наших стран в год 75-летия Великой Победы.

Литература

1. Граница: понятия и термины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/granicza-ponyatie-i-terminy.html> (дата обращения: 29.09.20).
2. Цепляев В. Настроение по осени считают: интервью с главой ВЦИОМ В. Федоровым // Комсомольская правда. – 2020. – № 37. – С. 3.

ГРАНИЦЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Слемнев М.А., Табачков А.С.,

ВГУ имени П.М. Машиерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Начавшийся в конце минувшего века поворот политической и интеллектуальной жизни вправо, оформившийся, в том числе, в то, что принято называть глобализацией, закономерно вызвал регресс и в конце концов привел человечество к кризису. Его всеобщий характер и сущностную глубину сейчас, в 2020-м, отрицать уже невозможно. Этот кризис породил много новых и актуализировал ряд старых проблем как теоретического, так и практического плана. Одна из них – феномен границы не в отвлеченно-метафизическом, а в национально-культурном и отчасти государственном смыслах этого понятия является предметом предлагаемого исследования.

Становится очевидным, что речь сегодня идет не только, а в складывающихся необычных исторических обстоятельствах, и не столько о чем-то унаследованном и устаревающем – о границах как препонах общения, понимания и взаимодействия народов, как препятствиях развития, рубежах конфронтации властных сил и ими направляемых и индоктринируемых масс, – но и о чем-то ином, предполагающем отнюдь не только негативное прочтение.

Ходом реакционного и регрессивного движения реальности национальные и национально-культурные границы оказались противопоставлены не миру уходящих в прошлое государств-машин классово обоснованного господства, но, наоборот, разрастающемуся и укрепляющемуся государству всемирному – государству финансового капитала, монополистических корпораций и обслуживающего их интересы гипертрофированного

аппарата насилия, физического и интеллектуального, почти избавившегося к настоящему моменту от любого контроля со стороны находящегося вне олигархической касты большинства общества. Не классический интернационализм, а крепнущий интернационал позднекапиталистических властей имущих оказался противопоставленным границе.

И ничто из действительно страшных сторон прежнего мира, неоспариваемого примата национальных государств не ушло с усилением господства этого нового-старого порядка в прошлое, но, напротив, усилилось, включая войны, преследования инакомыслящих, коррупцию элит. Более того, вернулись к максимумам столетней давности даже явления, немыслимые для ранних адептов якобы обещающей вот-вот состояться глобалистской идиллии – шовинизм и религиозная рознь, крайний милитаризм и территориальные захваты, возрожденная, но теперь начисто лишенная смысла и во многом имитационная, но, тем не менее, вредная и опасная «холодная война» или даже несколько таковых одновременно. К недоброму старому было добавлено новое вроде полупризнаваемых экстратерриториальных политических тюрем, не прекращающихся десятилетия рейдов телеуправляемой авиации, в виде экономики безоглядных биржевых спекуляций и произвольной эмиссии денег, превращенной в гротескную самопародию публичной политики. Темный, безбудущный мир культивируемых глупости и жестокости, ложных и плоских псевдообщественных «агенд» и обострившегося классового угнетения становится на наших глазах результатом самоутверждения этого порядка.

Смысл границ зачастую прочитывается односторонне и поверхностно. В них видится лишь линия отчуждающего разграничения культурно-исторического плана, предмет политического спора, результат войны и до конца не осознается, свидетельством и следствием чего они являются на самом деле. Хотя давно известно о силе взаимовлияния различного, диалектика национального/ интернационального так и осталась во многом не разработанной. Никто не отрицает, что, к примеру, Толстой, Гегель, при всем общемировом значении ими сделанного, еще и ярчайшие представители своих для них национальных вариантов культуры и истории. Однако при этом не учитывается, что если позднекапиталистическая глобализация когда-нибудь окончательно преуспеет, будущим подобного масштаба гениям просто негде будет первоначально состояться и неоткуда будет прийти в мир. Добавим, как предположение, что в этом может и состоять цель сил, стоящих за глобализацией и озабоченных своим выживанием и сохранением своей антиисторической и антикультурной власти.

Следует признать, что национальные границы являются конститутивными, генетическими и генеративными по своей природе структурами культурно-исторического мира. Запечатлев по-своему историю развития уникальных частей человечества, они продолжают играть и в дальнейшем историческом движении важную и многогранную роль. Их наличие есть

свидетельство того, что мир еще не редуцирован к «одноклеточному социальному организму».

Разрушение социально-политической и культурно-исторической топологии мира закономерным образом ведет к дистопии, все ускоряющееся движение к которой мы и можем наблюдать сейчас. Граница как результат качественной и временной автономии самобытного и суверенного развития есть, в значительной мере, следствие самой историчности последнего.

Объединенное человечество и человечество унифицированное для удобства и безопасности бессмысленного исторически и бесплодного бытийно господства позднекапиталистических элит – если само это имя, «человечество», в последнем случае все еще будет уместно – совершенно различные по своей гуманистической природе. Первое, прежде всего, предполагает благую общую цель и дальнейшее развитие: новое общество свободных и творчески реализующих себя людей, не нуждающихся более ни в национальном, ни в любом ином государстве, как представлял это коммунизм, а также, как верил космизм, превращение Земли в некую планетарную метрополию или даже в дальнюю прародину людей, быть может, в место духовно-исторического паломничества. И только для тех, уже, так или иначе, космических людей, созидających новые миры человечества, Земля действительно будет чем-то единым.

Границы укоренены в самой онтологии истории, они могут быть оставлены лишь с изменением самого ее бытия, с достижением нового исторического и культурного возраста человечества. Понятно, что позднекапиталистический порядок никоим образом справиться с этим не может и не видит подобное своей задачей. Ведь не покончить с собой политико-историческим образом пытается он в конце концов. Поэтому, думая о границах, мы должны в первую очередь представлять – кому и чем они, как и наши различия, в данный момент мешают [1, с. 7–18].

Границы связаны с историзмом развития и непосредственным, жизненным образом: к примеру, произвольная или, тем более, организованная в форме массовой компании миграция (вроде той, что идет с 2015 года в Европу), то есть дисфункция границ, прямо посягает на социокультурное и социальноэкономическое наследие коренного населения. Вопреки приторной риторике, в подобном нет ни грана прогрессивности и гуманизма. И, разумеется, это не интернационализм, но нечто ему совершенно противоположное.

Деструкция национальных границ при существующих условиях окажется, по сути, изъятием важнейшего уровня организации исторического бытия человека. В хорошо известных терминах философии Гегеля это станет отменой уровня объективного духа. В итоге дух субъективный, лишенный этой страты национально-культурной самоорганизации и конституирования содержательной уникальности своего исторического *особенного*, окажется один на один с глобальной властью – социально и интеллектуально атомизированным и политически беззащитным.

Помимо решения своих текущих задач таким «вавилонским» способом глобализм, точнее, позднекапиталистическая мировая элита, хочет деинтеллектуализировать, де-спиритуализировать человечество до уровня гарантированного невозникновения нового идеологического и революционного усилия. Так, через разрушение национально-культурной суверенности и прерывание традиций, она хочет обезопасить свою власть надолго, по возможности, навсегда.

С некоторым упрощением можно считать, что глобализация представляет собой попытку полного вытеснения национально-культурного различия различием социально-классовым. И то, что стоящие за этим силы иногда в ходе этого тактически инструментализируют мелкобуржуазный национализм, не должно никого вводить в заблуждение. Все идущее дальше этого, перешагивающее через фольклорное самолюбование и соседскую ксенофобию к действительно национальному, даже если оно – вполне правого толка, – вызывает деятельное противодействие глобалистских сил. Обструкция ими современных Польши и Венгрии тому пример. Это так потому, что за границами националистического и шовинистического уже начинается путь к умному самопониманию, а от него – к такому же пониманию других народов, к не пустому и нивелирующему, но содержательному интернационализму и в итоге к пониманию сути человека и культуры, самого смысла прогресса истории, несовместимого, разумеется, с претензиями глобалистского порядка.

Следует понимать, что заключенное внутри национально-культурной границы есть средство передвижения в истории, при помощи которого мы, пусть со многими трудностями и трагедиями, добрались от пещер к границам космоса – и, так или иначе, продвинулись к свободе и состоялись как собственно люди истории.

Характерно, что к настоящему времени антиисторизм стоящих за описываемым здесь сил сделался непосредственным, буквальным – с разрушением памятников, агрессивной цензурой пытающихся защищать правду истории оппонентов, с заменой знания о действительно бывшем историографически нелепыми измышлениями и выраженно извращенной критикой произведений культуры, направленной на деструкцию памятников уже и ее истории [2, с. 59–64].

Обобщая все эти усилия позднекапиталистического порядка, можно сказать, что они в целом антибытийны и направлены против исторического человека как такового. Совокупный спектр этих усилий – затрагивающих и предшествующее, и, неизбежно, будущее становление истории, и этому становлению причастные национально-культурную и национально-политическую структуры мира представляет собой целенаправленно враждебную человечеству деятельность, мотивированное приумножение зла на планете.

Дело, по-видимому, в том, что произволом исторических случайностей намного переживший свой срок общественный строй, – а капитализм вышел полуживым еще из окопов Первой мировой, – начинает пребывать как бы против хода бытия-времени, наперекор онтологически закономерным векторам исторического движения, с тем инвертируя для себя, в подвластной ему реальности, и всю пирамиду эйдосов.

Исторически-мертвому позднекапиталистическому порядку просто нельзя к благу, к свету разума, это окончательно отправит его в небытие. Поэтому гомогенизация мира и остановка его развития, необходимая для этого деструкция уже созданного культурой – вполне закономерные для него инициативы, которые, конечно, ни в коем случае не должны быть приняты.

Учитывая все вышесказанное, прогрессивные политико-идеологические, интеллектуально-просветительские движения должны, во-первых, четко отграничивать себя от псевдоинтернационализма глобалистских сил, во-вторых, всячески способствуя международному сотрудничеству и солидарности, тем не менее, направляться и на защиту и оправдание существования национальных границ и национально-культурных различий, на выяснение и разъяснение их значения и роли на данном этапе борьбы за возвращение к прогрессивному историческому развитию, борьбы за свободу и будущее человека.

Литература

1. Табачков, А.С. Унификация и стандартизация социального бытия в условиях глобализации: угроза утраты различий / А.С. Табачков // Глобализация, регионализация, пограничье: монография / П.А. Водопьянов [и др.]; под науч. ред. М.А. Слемнева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 216 с. – Гл. 1. – С. 7–18.

2. Слемнев, М.А. Разрушение символов культуры как проявление регресса истории / М.А. Слемнев, А.С. Табачков // Искусство и культура. – 2020. – № 1 (37). – С. 59–64.

ПРОБЛЕМА НЕСОВПАДЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ГРАНИЦ ГОСУДАРСТВ

Смирнов В.А.,

НовГУ, г. Великий Новгород, Российская Федерация

Понятие границы является очень важным в современных международных отношениях. Стоит различать государственную границу как реальные пределы определенной территории (в которой действует определенный государственный суверенитет) и государственную границу как

идеологический конструкт. При этом первая и вторая могут зачастую не совпадать, что порождает политические и военные конфликты.

Давайте возьмем несколько наиболее красноречивых примеров такого несовпадения географической и идеологической границы. Начнем с Турции. В настоящее время неофициальной идейной доктриной Турции является пантюркистская идеология «Великого Турана». Карта «Великого Турана» охватывает территории от Балкан до Тихого океана, и от Урала до Ближнего Востока. В зоне своих интересов сторонники объединения тюркских народов видят Крым, Поволжье, республики Северного Кавказа, всю Центральную Азию, восток Закавказья, включая часть Армении и Грузии, север Ирака. Карта Турана занимает площадь размером в Россию. Растущее политическое, экономическое, гуманитарное, а порой и военное присутствие Турции в Азербайджане и странах Центральной Азии позволяет говорить о том, что данная идея не является просто пропагандистской фикцией. 22 августа 2012 года 4 крупнейших тюркоязычных государства – Азербайджан, Турция, Казахстан и Киргизия – создали т.н. Тюркский совет и приняли единый флаг. Для единого флага взяты символы всех 4 государств, он является вторым обязательным флагом после национальных. Министр иностранных дел Турции Ахмед Давудоглу заявил, что эта организация будет по своим целям напоминать Евросоюз. В турецких СМИ очень часто вместо слов «узбек», «киргиз», «татарин», «азербайджанец» употребляют словосочетания узбекский, киргизский, крымский, азербайджанский турок. В турецком языке даже появилось новое понятие – «внешние турки». Чем опасны идеи «Великого Турана» для РФ? Сторонники пантюркизма считают, что российские Северный Кавказ, регион «Волга-Урал» (Татарстан и Башкирия), Якутия должны стать частью Великого Турана, поскольку там проживают преимущественно тюркоязычные народы. Не стоит забывать, что Россия и Турция всегда были геополитическими соперниками, и только крупных войн между нашими странами насчитывается около двадцати (больше, чем с кем бы то ни было). Во времена правления Эрдогана Анкара осуществила резкий поворот в своей внешней политике – теперь вместо того, чтобы быть бедным родственником на задворках Европы, который напрасно стучится в закрытые двери ЕС, Турция сделала ставку на то, чтобы стать самодостаточной и мощной региональной державой. Темпы роста экономики находятся на уровне примерно 8-10% в год, что позволяет говорить о Турции как о «Китае Евросоюза». Экономические успехи подкрепляются и растущей военной мощью. Уже сейчас численность ВС Турции равна 720 тысячам человек, это второе место в НАТО после США (около 1,4 млн. человек).

Еще одним интересным примером несовпадения границ является идея «Великой Финляндии», согласно которой в рамках одного государства должны быть объединены все финно-угорские народы под патронажем Хельсинки (так называемая концепция «трех перешейков»). Наиболее

радикальные сторонники «панфинлянизма» полагают, что восточной границы «Великой Финляндии» должны быть Уральские горы. Характерно, что Финляндия за всего лишь сто лет своей государственности пыталась провести три войны в попытке реализации этой идеи (в 1918, в 1939–1940 и в 1941–1944).

Примером еще одной страны, у которой реальные границы не совпадают с «желаемыми» является Китай. К слову, вскоре после провозглашения Китайской Республики в 1932 гг. появились книги, основной идеей которых стало «возвращение утраченных территорий». С точки зрения китайских историков, во времена слабости Китая (Империя Цин), колониальные хищники в лице России, Японии, и западных стран, оккупировавших Индокитай и Индию, отторгли от Китая значительную часть его исконных территорий. В 60-е гг. «отец Китая» Мао Цзэдун открыто говорил о том, что цель КНР – «покорение мира и возвращение утраченных земель». К таковым, помимо прочих, он относил Дальний Восток до Охотска и все российское Забайкалье до озера Байкал. В наше время эти претензии на внешнеполитической арене открыто не декларируются, но озвучиваются внутри страны. Кстати, Китай – это единственное государство, которое имеет территориальные претензии ко всем своим соседям без исключения. В 1960–1970-е гг. Китай провел четыре войны с сопредельными государствами, чтобы решить эти вопросы (с Индией, Вьетнамом и СССР), но все их проиграл.

Из всего этого следует вывод: очень многие войны и конфликты современности порождаются стремлением государств приблизить свои реальные границы к идеологическим.

НА ГРАНИЦЕ: ВСТРЕЧА С РОССИЙСКИМИ ТАМОЖЕННИКАМИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Тихонова А.В.,

СмолГУ, г. Смоленск, Российская Федерация

Первыми, кто встречал европейских путешественников на границе Российской империи, были представители пограничной стражи и таможни. Выбор пункта пересечения границы зависел от маршрута: если иностранец избирал водный путь, то пограничные пункты располагались на острове Эккере (из состава Аландских островов Великого княжества Финляндского), в Архангельске, Риге, Ревеле, Либаве, Кронштадте (близ Петербурга), Одессе, если сухопутный путь, то в Радзивилове в Волынской губернии [5, л. 186 об., 229; 6, л. 33 об.; 7, л. 134; 8, л. 67, 216, 331 об.; 9, л. 256, 280, 308].

«В отвращении побегов через границу... и входа в империю людей безпаспортных» в 1811 г. было принято Положение об устройстве погра-

ничной стражи [12, т. XXXI, № 24480], в том же году ее подчинили Департаменту внешней торговли Министерства финансов [16, с. 109], и было создано 11 таможенных округов с таможенными заставами [12, т. XXXI, № 24684]. 14 декабря 1819 г. император утвердил «Таможенный устав по европейской торговле» [12, т. XXXVI, № 28030], который «впервые законодательно закреплял за таможенными органами проверку паспортов всех категорий лиц при пропуске их через границу» [16, с. 109]. Уставом было введено деление таможен на четыре класса и учреждено 12 таможенных округов. Осуществляя паспортный контроль (помимо досмотра багажа), таможенники выполняли еще и полицейские функции [16, с. 109].

В 1822 г., с целью укрепления охраны границы и лучшего исполнения «Таможенного устава по европейской торговле», последовало Высочайшее утверждение записки министра финансов «Об устройстве таможенной стражи по сухопутной Европейской границе» [12, т. XXXVIII, № 29067]. Реорганизация таможенных округов и закрепление за ними соответствующих бригад, полубригад и рот были проведены согласно принятому в 1827 г. Положению об устройстве таможенной стражи [13, т. II, № 1282]. В том же 1827 г. последовал указ о введении особого мундира зеленого сукна для чиновников таможенной службы (прежде они носили губернские мундиры) [13, т. II, № 1317]. Таможенной страже разрешено было применять оружие в случае сопротивления законным требованиям и бегству, а также для воспрепятствования провозу оружия и контрабанды [13, т. IV, № 2754]. В результате Высочайшего утверждения новой записки министра финансов о пограничной страже на европейской границе в 1846 г. [13, т. XXI, № 20636], статус этой стражи «стал практически идентичным армейскому» [10, с. 46].

Отправляясь в путешествие по Российской империи, европеец должен был оформить паспорт, чтобы благополучно пересечь границу. Паспорт следовало получить в российской миссии или консульстве за границей, в случае же их отсутствия – «от Губернаторов тех мест или главных Начальников» (согласно Именному данному Сенату Указу от 7 мая 1804 г. [12, т. XXVIII, № 21284]). В соответствии с правилами «пропуска в Россию иностранцев и отпуска их обратно за границу» с 1 января 1808 г. иностранец обязан был иметь паспорт от российского министра иностранных дел, выданный «по представлению Министров и Консулов Наших, в разных местах пребывающих» [12, т. XXIX, № 22593]. Требование паспорта, получаемого от российских миссий за рубежом, было повторено и в Именном указе Правительствующему Сенату от 13 февраля 1817 г. («О правилах для пропуска чрез границы России иностранцев и разного звания людей, как приезжающих, так и отъезжающих») [2, л. 43].

При выдаче документа чиновники посольств и миссий должны были убедиться, «нет ли какого-либо подлога в именах, желающих в Россию приехать», по какой причине иностранцы хотят побывать в империи

(«по торговым делам или же к поездке сей побуждает одно любопытство»), «нет ли сомнений в нравственности» («не отвержен ли к партии пронырливой и вредной») [2, л. 28об.]. Списки лиц, получивших право въезда, отсылались в Министерство иностранных дел каждые 2 недели [2, л. 30].

С созданием в 1826 г. III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии в его ведение были переданы «все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел Государства прибывающих и из оного выезжающих» [13, т. I, № 449, п. 7]. Сюда передавались национальные паспорта иностранцев, которые прежде оставались в губернских правлениях, тех российских губерний, где они проживали. Это положение было отражено затем и в Своде законов Российской империи [15, т. XIV, гл. 4, ст. 343]. С 1844 г. передаче в III Отделение подлежали только паспорта, выданные российскими миссиями, национальные же паспорта у иностранцев теперь не отбирались (Указ от 15 марта 1844 г. «О порядке предъявления паспортов приезжающими в Россию иностранцами») [13, т. XIX, № 17734].

Анализируя записки и воспоминания европейских путешественников, посетивших в первой половине XIX века Российскую империю (женивца Э. Дюмона [4], итальянца Ф. Фаньяни [17], англичан Э. Мортон [19] и Дж. Александера [1], баварца Э. Хесса [18], француза А. де Кюстина [11]), можно отметить объединяющее всех негативное отношение к организации и проведению таможенного досмотра и паспортного контроля, сопровождаемого длительным допросом. Избежать последнего удалось только Э. Хессу, который сопровождал своего отца-художника, приглашенного в Россию самим императором. В память европейцев врезались «картинки» нерасторопности или напротив излишней дотошности российских чиновников. Многие из мемуаристов отметили склонность к коррупции таможенников, облеченных властью. Характерно, что такая оценка подтверждается и «Нравственно-политическим отчетом за 1843 год», подготовленным III Отделением для государя Николая I. Отмеченные недостатки не только были названы, но и подкреплялись конкретными примерами.

Стоит отметить, что у многих иностранцев негативное впечатление от первой встречи с российскими реалиями в дальнейшем было скрашено яркими и интересными знакомствами, запоминающимися видами природы, осмотром достопримечательностей. Однако в отличие от других европейцев для А. де Кюстина полученный опыт общения с пограничной службой России послужил своеобразным камертоном при создании им достаточно язвительной книги о России, местами напоминающей политический памфлет.

Литература

1. Александер Дж. Россия глазами иностранца / пер. А. Базилевича. — М.: Аграф, 2008. — 304 с.

2. Архив внешней политики Российской политики (далее АВПРИ). Ф. 1. Разряд II. Оп. 23. Д. 7. 1817 г.
3. АВПРИ. Ф. 161. II-6. Оп. 80. Д. 97. 1847 г.
4. Дюмон Э. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. [Излож. и отрывки С. Горяинова] // Голос минувшего. – 1913. – № 2. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 87.
6. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 94.
7. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 122.
8. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 7.
9. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 8.
10. Карлина О.Н. Организация таможенного контроля на западной границе Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Волынской губернии) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 9 / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск: БГУ, 2014. – С. 39–49.
11. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / пер. с фр. О. Гринберг и др. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (далее ПСЗ-1). СПб. : Тип. II отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830–1851.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. (далее ПСЗ-2). СПб. : Тип. II отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830–1885.
14. «Россия под надзором»: отчеты III Отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры, Российский Архив, 2006. – 706 с.
15. Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857–1868.
16. Ульянич А.М. Развитие пограничного и таможенного контроля на границах Российской империи в XIX в. // Власть. 2010. – № 1. – С. 108–112.
17. Фаньяни Ф. Письма из Петербурга 1810-1811 годов / пер. И. Константиновой. – СПб.: Лики России, 2009. – 296 с.
18. Хесс Э. Русский дневник / пер. Б.И. Асварища. – СПб.: Аxioma, 2007. – 214 с.
19. Morton E. Travels in Russia, and a residence at St. Petersburg and Odesa in years 1827–1829; intended to give some account of Russia as it is and as it is represented to be &&. by Edward Morton. London : printed for Longman, Rees, Orme, Brown and Green paternosterrow., 1830. XI, 486 p.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Чикиндин М.А.,

ВГАВМ, г. Витебск, Республика Беларусь

Глобализация (от лат. *globus* – земной шар) определяется как процесс увеличения экономической, политической, культурной взаимозависимости стран мира вследствие все более тесной интеграции их национальных рынков, услуг и капиталов, активной миграции людей и движения информационных потоков за пределы национальных границ [1, с.66]. С увеличением темпов глобализационного развития ставится вопрос об управлении и контроле в рамках организационно-технологических процессов, происходящих в современном мире. Глубокие изменения происходят в сфере применения силы на международном уровне, которая диверсифицируется и обретает новые очертания в руках новых акторов, не поддающихся пониманию и контролю в рамках прежних концепций войны и мира. В данном исследовании мы сосредоточим внимание на экономических аспектах глобализации, так как политическая интеграция стран становится слабее, а большинство международных взаимодействий обусловлены прежде всего экономическими связями. Мы наблюдаем происходящие процессы образования межгосударственных объединений, предусматривающих в качестве основной своей задачи создание благоприятных условий для развития экономических связей между странами-участниками. При этом все большую роль играют транснациональные корпорации, что является результатом глобализации.

Основным следствием процесса глобализации является мировое разделение труда, миграция капитала в масштабах всей планеты, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение культур разных стран. Развитие глобализации обусловлено поиском путей наиболее эффективного ведения бизнеса, что приводит к новым процессам и формам финансово-экономических отношений. Глобализация стимулирует процессы социальной мобильности. Сегодня многие развитые страны столкнулись с проблемами на фоне увеличивающихся миграционных процессов. Прежняя острая необходимость в рабочей силе сошла на нет, что привело к обострению кризиса занятости. Ментальные характеристики, образ жизни и система культурных ценностей прибывающего населения создают дополнительные трудности во взаимоотношениях с коренным населением.

Сам термин «глобализация» начинает активно применяться с 1983 года, в тот же самый год, когда появляется термин «виртуальная реальность», что весьма символично, так как без научно-технической революции в сфере развития информационных технологий процесс глобализации

осуществиться не мог. Действительно, понятие «расстояние» – это не объективная безличная физическая «данность», а социальный продукт; его протяженность зависит от скорости, с которой мы его преодолеваем (а в монетарной экономике – еще и от того, во сколько обходится такая скорость). С 1980-х гг. продолжается снижение стоимости международных перевозок, связи и финансовых расчетов, которые теперь можно оформлять виртуально – в результате этого происходит размещение производственного процесса в других странах. Капитал начинает превращаться в электронный сигнал, тем самым полностью освобождаясь от локальных и территориальных ограничений. Неуклонно и последовательно разрабатывались технические средства, позволявшие перемещаться информации независимо от ее физических носителей, а также от объектов, о которых эта информация сообщала: освобождению означавшего от привязки к означаемому. Отделение движения информации от перемещения ее носителей и объектов привело, в свою очередь, к дифференциации скорости их передвижения; передача информации набирала скорость темпами, недостижимыми для перемещения физических тел или изменения ситуаций, о которых эта информация сообщала [2, с. 27]. Появление компьютерной «всемирной паутины» положило конец – в том, что касается информации, – самому понятию «перемещения» и «расстояния», которое необходимо преодолеть, сделав информацию, как в теории, так и на практике, моментально доступной по всему Земному шару. На этих примерах мы видим протекающие процессы регионализации экономических отношений, выражающейся в формировании почти на всех континентах межгосударственных объединений, предусматривающих создание благоприятных условий для развития экономических связей между странами-участниками. В рамках глобализации постепенно образуется единая экономическая система и общий рынок, которые, в отличие от национальных рынков, регулируемых местными правительствами и законами, становятся саморегулирующимися системами в рамках рыночной экономики. Кроме того, единая экономическая система более устойчива к различным кризисным проявлениям. Экономическая глобализация обуславливает глобализацию производства, услуг и торговли.

Усиление влияния крупных предприятий и корпораций на политику доказывает и то, что сейчас в большинстве развитых стран мира становится уже не так значимо, какая партия находится у власти. Например, не так уж важно для внутренней и внешней политики США Демократическая или Республиканская партия находится у власти. Так как любая из этих партий все равно защищает, прежде всего, экономические интересы крупных корпораций. Постепенно уменьшается и экономическое господство государства над собственными подданными, так как темпы трудовой миграции населения постоянно возрастают, что приводит к свободному перемещению граждан ЕС в рамках Союза. Это плюс для населения развивающихся стран Европейского Союза, но очень серьезный минус для населения

наиболее экономически развитых стран Евросоюза (Германия, Франция), так как приток дешевой рабочей силы приводит к росту безработицы среди коренного населения развитых стран. Более того, по Уставу ЕС развитые страны должны помогать развивающимся странам и подтягивать их до приемлемого уровня, в том числе и за счет средств МВФ. Перманентные кризисы в развивающихся странах (Болгария, Румыния, Греция, Хорватия) ложатся тяжким бременем на лидеров ЕС.

Процессы миграции капитала обуславливаются и переносом производства в новые регионы с целью уменьшения затрат. Но быстрое перемещение капиталов таит в себе угрозу разрушения устойчивости социальных систем. Все более увеличивается доля трансконтинентальных компаний, на долю которых уже сейчас приходится более 50% мирового промышленного производства и 70% мировой торговли.

Таким образом, экономическая глобализация имеет положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, такого рода взаимодействие позволяет населению многих стран воспользоваться передовыми достижениями человечества и стимулирует технический и технологический прогресс. Глобализационные процессы позволяют успешно осваивать новые рынки сбыта и увеличивать объемы экспорта-импорта. В то же самое время глобализация не приводит к созданию единого и неделимого экономического пространства. По-прежнему существует развитый «Центр» и отстающая «Периферия», которая является базой ресурсов, «сборочным» цехом и источником дешевой рабочей силы для развитых государств. Глобализация приводит к повышению роли сферы услуг, что является одной из важнейших характеристик информационного общества. Для нивелирования отрицательных тенденций в экономике необходимо проводить международную экономическую политику на основе солидарности между народами. Уважение национального суверенитета каждого народа, его прав и культурной самобытности – основа строительства многополярного мира с несколькими сильными центрами, которые обеспечивали бы новое равновесие сил и интересов в мировой экономической политике.

Литература

1. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 318 с.
2. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕСТИНАЦИИ

Янкевич Е.М.,

БГЭУ, г. Минск, Республика Беларусь

Региональная дестинация формирует определенные социально-экономические эффекты, которые отражаются в показателях развития района. Именно туристическая сфера влечет за собой наличие прямых и косвенных эффектов региональной дестинации. Регион, являющийся центром притяжения туристов и экскурсантов, способствует росту транспортных услуг, объему розничного товарооборота, товарообороту общественного питания, выручки от реализации и других показателей.

Целью данного исследования является определение закономерности и взаимосвязи между показателями пассажирооборота, розничного товарооборота, товарооборота общественного питания, выручки по регионам Витебской области. Для исследования используются статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Потенциалом Витебской области и преимуществом перед другими регионами является то, что она граничит с тремя областями своей страны и с тремя государствами. Население области имеет возможность перемещаться с различными целями географически, используя различные виды транспорта. Согласно данным статистического ежегодника Витебской области [1, с. 337] перевозки пассажиров по всем видам транспорта с 2010 г. снижаются, однако, темпы их снижения замедляются. В 2018 г. по отношению к 2017 г. перевозки пассажиров снизились на 6 591,1 тыс. чел., что составило 96,8%. Выявлено, что пассажирами области больше всего востребован автомобильный (автобусный) вид транспорта. Так же, следует отметить одновременное увеличение числа транспортных средств в личной собственности граждан на 2,3% в 2018 г. по отношению к 2017 г. [1, с. 333]. Пассажирооборот за период с 2010 по 2017 г. снижался, и только в 2017 г. возрос на 47 млн. пассажиро-километров за счет автобусного вида транспорта. Однако, в 2018 г. по отношению к прошлому году, перевозки пассажиров автомобильным (автобусным) транспортом по городам и районам Витебской области снизились на 4459,7 тыс. чел. (134 074,4 – 138 534,1) или на – 3,2%. Наибольшее число пассажиров использовало автомобильный вид транспорта в г. Витебске – 56 131,3 тыс. чел., в г. Новополоцк – 21 476,1 тыс. чел., в Полоцком районе – 18 054,5, Оршанском – 17 526,4 тыс. чел. Резкое снижение численности пассажиров у следующих районов: Глубокский – 2427,2 тыс. чел., Поставский – 2335,9 тыс. чел., Лепельский – 1104,3 тыс. чел. Аутсайдерами по перевозке пассажирским автомобильным транспортом считаются районы, тыс. чел: Миорский – 109,0, Россонский – 182,2, Шумилинский – 206,4, Докшицкий – 241,0, Лиозненский – 267,6,

Ушачский – 296,3. Показатели пассажирооборота автомобильного транспорта по городам и районам Витебской области выше всего (в млн. пасс.-км.) в г. Витебске – 488,0; Полоцком районе – 184,7 в г. Новополоцк – 178,3, в Оршанском районе – 145,3, далее по убыванию – Поставский, Глубокский, Сенненский, Витебский, Браславский. Самый низкий пассажирооборот в 2018 г. в Шумилинском районе – 1,8, Докшицком – 3,2, Миорском – 4,0, Бешенковичском – 4,5, Шарковщинском, Россонском, Дубровенском. Данная ситуация, в сфере перевозки пассажиров автотранспортом в районах, может свидетельствовать о низкой степени мобильности населения, об отсутствии свободного времени для перемещения и путешествий, о недостаточном совокупном доходе населения, удовлетворением потребностей и получением благ в регионе проживания или наличием собственных транспортных средств, чьи поездки в статистике не учтены.

Для сравнения, в январе-июле 2020 г. пассажирооборот транспорта Витебской области составил 710,1 млн. пассажиро-километров, или 80,9% к уровню января-июля 2019 г., объем перевозок пассажиров – 93,3 млн. человек (85,8%), в связи с эпидемиологической ситуацией.

Необходимо подчеркнуть, что перемещение населения по регионам с использованием автомобильного (автобусного) транспорта влекут за собой изменения розничного товарооборота (шоппинг), товарооборота общественного питания и выручки от реализации товаров, работ, услуг.

Поездка в другую дестинацию относится к внутреннему туризму и предполагает не только покупку сувениров, но и шопинг. В области наблюдается рост поездок перед началом учебного года. Так, розничный товарооборот в 2018 г. по отношению к 2017г. по Витебской области, вырос на 568,5 млн. руб. (прирост 12,9%) и составил 4979,3 млн. руб. К сведению, индекс цен за данный период к прошлому году составил 8,8%. Численность розничных торговых объектов в области на конец 2018 г. составляет 7891 ед. Из них только в г. Витебске – 2214 ед., в Оршанском районе – 1044 ед., в Полоцком – 704 ед., в г. Новополоцк – 524 объекта. Меньше всего розничных торговых объектов в Россонском районе – 65 ед. Размер розничного товарооборота самый высокий в г. Витебске – 1990,2 млн. руб., Оршанский район – 647,3 млн. руб., Полоцкий район – 541,6 млн. руб., г. Новополоцк – 418,9 млн. руб., Поставский – 130,0 млн. руб., Глубокский – 128,8, Лепельский – 125,9 Чашникский – 122,0, Браславский – 104,4, Докшицкий – 81,6 млн.руб. Самым низким оказался размер розничного товарооборота в Россонском районе – 24,3 млн. руб.

Товарооборот общественного питания по городам и районам Витебской области в 2018г. по отношению к предыдущему увеличился на 25,9 млн. руб. или на 113,5% и составил 217,4 млн. руб. Высок товарооборот общественного питания (млн. руб): в г. Витебске – 96,0, г. Новополоцк – 23,2, Полоцкий район – 22,1, Оршанский район – 18,6, Лепельский – 10,9, Докшицкий – 4,5, Витебский – 4,1, Верхнедвинский, Глубокский, Поставский.

Менее востребованными оказались услуги общественного питания в Шарковщинском (0,9), Миорском (1,1), Россонском (1,2), Шумилинском (1,3), Сенненском (1,6), Лиозненском (1,6), Ушачском (1,8) районах. Из 1698 объектов общественного питания в Витебской области в 2018 г. в г. Витебске – 525 ед., Оршанском районе – 200 ед. Число мест в объектах общественного питания за 2018 г. выше всего в тех дестинациях, где высокими темпами развивается туристическая деятельность, так из 90815 ед. в г. Витебске – 25697 ед., Оршанский – 11142 ед., Полоцкий – 8631 ед., г. Новополоцк – 7347 ед., Лепельский район – 4438 ед., Браславский – 3136 ед.

Результатом деятельности хозяйствующих субъектов является выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг, которая по городам и районам Витебской области в 2018 г. по отношению к 2017 г. возросла на 3912,1 млн. руб. или на 16,1% и составила 28263,8 млн. руб. На первом месте г. Витебск – 11768,9 млн. руб., далее г. Новополоцк – 9966,9 млн. руб., Оршанский район – 1555,1 млн. руб., Полоцкий район – 1520,9 млн. руб., Витебский, Глубокский, Поставский. Низкий размер выручки от реализации в Россонском, Шарковщинском, Ушачском, Лиозненском, Браславском, Шумилинском районах.

Изложенное выше позволяет заключить следующее: что увеличение пассажирооборота влечет за собой прямые положительные и явно выраженные социально-экономические эффекты, связанные с ростом розничного товарооборота, оборота общественного питания, выручки от реализации продукции региональной дестинации. Как свидетельствуют проведенные исследования, повышение интенсивности автомобильных потоков (пассажирооборота) в г. Витебске, в г. Новополоцке и в Оршанском, Полоцком, Поставском, Глубокском и Лепельском районе способствует росту розничного товарооборота, что в свою очередь увеличивает товарооборот общественного питания и как следствие ведет к росту выручки от реализации в этих же регионах и так же в Витебском районе. Выявлена неравномерность регионального развития. Успешно развивающиеся региональные дестинации дают импульс и возможности образования различных социально-экономических эффектов. Таким образом, проблема формирования социально-экономических эффектов и поиск инструментов для выравнивания динамичности процессов регионализации для Витебской области остается актуальной.

Литература

1. Статистический ежегодник Витебской области, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vitebsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/public/>. – Дата доступа: 30.08.2020.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА И ЕЕ ГРАНИЦЫ

Янчук В.А.,

ВГУ имени П.М. Машиерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Экономическая свобода предполагает выбор, осуществляемый каким-либо субъектом, вариантов поведения, включающих три группы вероятных альтернатив: двух противоположных; двух противоположных и множества промежуточных; оптимального варианта из множества возможных альтернатив. В экономической теории такие ситуации иллюстрируются кривой производственных возможностей [3, с. 23–24].

Теоретически целесообразным, на наш взгляд, является выделение идеальной и реальной экономических свобод. Идеальная экономическая свобода ограничений у субъекта в выборе вариантов поведения не допускает, реальная же, наоборот, их предполагает. Это обстоятельство исследователи экономики, как правило, не учитывают. Между тем реальная свобода реализуется посредством предоставления субъекту определенных прав, на которые накладывается ряд ограничений. Совокупность ограничений, например, в предпринимательской деятельности состоит из трех составляющих: обязанностей, ответственности и ресурсов, без которых реальная экономическая свобода предпринимателя не может быть реализована на практике. Предприниматель имеет право нанимать работников в соответствии с действующим законодательством и трудовым договором (контрактом). Вместе с тем он обязан заключать договора (контракты) с гражданами, принимаемыми на работу по найму. В случае же нарушения действующего законодательства и договоров (контрактов) он несет имущественную ответственность. Понятно и то, что предпринимательская деятельность предусматривает использование соответствующих ресурсов. Для реализации права на свободу передвижения, приведем пример, субъекту необходимо использовать транспортные средства. Нет свободы вообще, каждая свобода имеет границы реализации. Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Свобода отдельного гражданина заканчивается там, где начинается свобода другого. Если, к примеру, определенная социальная группа людей занимает проезжую часть и препятствует передвижению водителей и пассажиров различных транспортных средств, то она обязана освободить проезжую часть улицы и должна быть наказана в соответствии с действующим законодательством.

Определенные ограничения в экономических отношениях между людьми накладываются и действием закона обмена эквивалентов, согласно которому одни товары обмениваются на другие товары или на определенное количество денег тогда, когда они являются эквивалентами по стоимости (цене), но отличаются по потребительной стоимости или по полезности [2, с. 115–119].

Закон обмена эквивалентов действует не только в экономике, но и в межличностных отношениях вообще. Американские социальные психологи Р. Хьюсман и Д. Хэтфилд пришли к выводу о том, что в отношениях между людьми действует *закон равенства вклада и отдачи*, который, на наш взгляд, представляет собой частный случай закона обмена эквивалентов [3, с. 65–67]. «Золотое» правило отношений состоит в том, чтобы «делать для других то, что ты бы хотел, чтобы другие делали для тебя». Неэквивалентность вклада и отдачи приводят к двум противоположным последствиям: переоценка вклада вызывает чувство вины, а недооценка заставляет людей испытывать обиду. Хорошему менеджеру без этого правила не обойтись. Об этом же писал А. Смит еще в XVIII веке: «Дай мне то, что хочу я, и ты получишь, что хочешь ты». В основе закона вклада и отдачи лежат три аксиомы социальной справедливости:

- Люди обладают способностью оценивать вклад и отдачу в своих отношениях и, в зависимости от ситуации, приходят к трем выводам: их вклад в экономическую деятельность переоценивается, недооценивается, оценивается справедливо.

- Неэквивалентность вклада и отдачи приводит к внутреннему беспокойству и переживаниям. Переоценка вызывает чувство вины, а недооценка – обиды.

- При низкой оценке их отдачи люди стремятся восстановить социальную справедливость: одни уменьшают вклад, другие его увеличивают, а третьи увольняются.

Суть этих аксиом состоит в том, что люди хотят справедливости при любых взаимоотношениях: с руководством предприятия и наемными работниками, супругами и детьми, с друзьями и т.д.

Практика, однако, показывает, что не все люди руководствуются аксиомами справедливости. Чувствительность к справедливости у людей может быть разная. Исключения составляют две группы людей: одних мы назовем альтруистами, а других – эгоистами. Альтруисты готовы отдавать больше, чем получать. Их можно назвать вкладчиками. Эгоистов будем считать получателями, которые стремятся больше получить, чем вкладывают в результаты какой-либо деятельности. Парадокс заключается в том, что большая часть эгоистов, как показывают некоторые исследования, вырастает у родителей-альтруистов, которые занимаются экономической деятельностью для того, чтобы обеспечить своим детям лучшую жизнь, чем прожили они сами. Абсолютное же большинство людей стремятся к равенству их вклада и отдачи в человеческие отношения.

В реальной действительности в поведении людей возможно раздвоение. Есть и люди, которые, например, могут быть альтруистами на работе и эгоистами дома.

Добиться справедливости означает научиться управлять восприятием людей, восприятием того, что они вкладывают и что получают взамен.

Влияние людей на экономику можно оценить и на основе закона единства и борьбы противоположностей. В качестве иллюстрации предположим, что одна социальная группа людей стремится сохранить *позитивную стабильность* в стране и выступает против: революционной нестабильности, разрушительной деятельности людей, незаконного захвата власти, нанесения ущерба экономике. Другая же социальная группа хочет *перемен* и выбирает такие средства движения «вперед», как: незаконный захват власти любой ценой, откровенно провокационное поведение, разрушение экономики путем усиления забастовочного движения, неуплата налогов и жилищно-коммунальных услуг. В этом случае возникает антагонистическое противоречие между стабильностью и разрушающими экономiku и государство переменами. При этом единство между стабильностью и переменами нарушается, и экономика и государство в целом разрушаются. Однако этого можно избежать и сохранить диалектическое равновесие, если перемены будут прогрессивными: через внесение изменений в Конституцию Республики Беларусь, формирование влиятельных партий социалистической направленности, гармонизации интересов всех социальных слоев общества, ускорение всесторонней интеграции с Российской Федерацией.

Проведенное нами исследование позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, любая реальная экономическая свобода различных хозяйствующих субъектов реализуется через использование прав, обязанностей, ответственности и ресурсов.

Во-вторых, закон обмена эквивалентов может быть реализован, как закон вклада и отдачи в отношениях между людьми.

В-третьих, неэквивалентность вклада и отдачи приводит к двум противоположным последствиям, проявляемым в форме переоценки вклада или его недооценки.

В-четвертых, стабильность и перемены в обществе могут находиться, как противоположности, в диалектическом единстве, либо в антагонистическом противоречии, разрушающем экономiku и общество.

Литература

1. Хьюсман, Р. Фактор справедливости, или «И это после всего, что я для тебя сделал...»: пер. с англ. / Р. Хьюсман, Д. Хатфилд. – М.: Знание, 1992. – 95 с.
2. Янчук, В.А. Азбука экономики: Пособие для учителей общеобразовательных школ / В.А. Янчук. – Минск: Беларусь, 2002. – 152 с.
3. Янчук, В. А. Экономическая теория: курс лекций / В.А. Янчук. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2019. – 238 с.

II. ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ЧЕЛОВЕК В ПОГРАНИЧЬЕ КУЛЬТУР

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вонсович Л.В.,
БГУФК, г. Минск, Республика Беларусь

Процессы глобализации в современном мире, уверенно набирающие темп и пространственные параметры, стирают государственные границы, сближают народы и культуры. Они оказывают существенное влияние на развитие тесных глубинных связей, способствуют установлению взаимных контактов, приводят к взаимозависимости этносов. С одной стороны, безусловно, есть позитивные моменты у подобных процессов. Но есть и обратная сторона. Дело в том, что в глобализирующемся мире государства находятся на различных ступенях развития, народы имеют свои национальные культуры и традиционную систему ценностей, свои религиозные пристрастия и убеждения. Это порождает ряд проблем, и даже конфликтов, связанных со стремлением отдельных народов сохранить свою национально-культурную идентичность, свою самобытность, а значит и многообразие человеческой цивилизации.

Указанная выше проблема касается и Республики Беларусь. Будучи европейским государством, она подвержена влиянию западной цивилизации. С другой стороны, активны контакты с Российской Федерацией, с так называемым русским миром. Это ставит на повестку дня вопрос о сохранении исторической памяти белорусского народа, традиций, обычаев, менталитета, национального характера, всего того, что способствует преемственности поколений. Народ, не помнящий своей истории – обречен. Отрицание того, что было сделано предыдущими поколениями – преступно. «Дикость, подлость и невежество не уважают прошлого, а лишь пресмыкаются перед настоящим» [2, с. 147]. В условиях современного мира, пронизанного нитями информационных потоков, влияющих на сознание людей, прошлое и настоящее должно представлять собой единое целое. Память о прошлом помогает народу понимать свое историческое предназначение, осознавать национальные интересы и двигаться вперед по пути социального прогресса.

Национально-культурная идентичность народа базируется на его мировоззрении, в основе которого должна лежать система исторически сло-

жившихся традиционных ценностей. Именно в них сконцентрировано все самое важное, что было собрано народом на протяжении многовековой истории, прошло испытание многочисленными войнами и политикой уничтожения национальных черт белорусов другими государствами. Духовно-нравственные ценности белорусов формировались в контексте европейской цивилизации, в рамках восточнославянского менталитета, балансируя на грани между западным миром и Россией. Белорусская ментальность имеет отпечаток двоякого миропонимания православия и католицизма, конформизм униатской веры, воздержанность протестантизма. Белорусы толерантны, доброжелательны, миролюбивы, они не приемлют насилия в любом варианте, исходящего от какой бы то ни было политической силы, ориентированы на поиск справедливости. В представителях белорусского этноса фактически не развито чувство национального превосходства над другими народами, в их душе терпимое отношение к представителям разных социальных, национальных, конфессиональных и других групп. Именно эти черты следует культивировать у молодого поколения белорусов, воспитывать в них стремление осознавать себя титульной нацией, способной с высоко поднятой головой отстаивать свои интересы.

Одной из основополагающих ценностей белорусского народа является Ценность Родины, с которой сопряжено понимание и реализация принципа патриотизма [1, с. 252]. В эпоху глобализации процесс размывания национальных границ настоятельно требует найти ответ на вопрос: нужен ли патриотизм в современном мире? Ответ однозначный – да. Патриотизм как раз и способствует сохранению национально-культурной идентичности народа. Именно любовь к своему Отечеству, преданность ему, гордость за его свершения, горечь за его утраты и в прошлом и сегодня подталкивает белорусов к защите интересов родной земли. На нынешнем очень непростом этапе развития Республики Беларусь патриотизм приобрел особую значимость. Он стал символом объединения всех прогрессивных сил страны в единое целое по решению задач демократического реформирования государства, построению гражданского общества, возрождению и обогащению национальных традиций, культуры народа. Именно преданность своей Родине консолидирует общество, укрепляет фундамент государственности, является гарантией национальной безопасности, утверждает мир и согласие.

Отдельные современные государства, которые в геополитическом измерении являются своеобразными центрами силы, речь идет, прежде всего, о США, России, Китае, пользуются своим положением и стараются навязать миру свою систему ценностей, свое видение происходящих процессов и явлений. Они продвигают теорию подвижных границ, воплотившуюся в политику открытых дверей в глобальном масштабе. Это часто неприкрытое, наглое навязывание своих идеалов и целей вызывает соответствующую ответную реакцию со стороны многих народов, к сожалению,

иногда и в насильственном варианте. Подобная реакция понятна. Она направлена на защиту уникальности своей культуры, своей национальной идентичности, на создание благоприятного климата для собственного прогрессивного развития.

Республике Беларусь тоже приходится реагировать на подробные геополитические вызовы. США, Россия, Европейский союз создают перманентные каналы влияния с целью втягивания белорусского народа в фарватер своей политики. Вмешательство в дела суверенной Беларуси требует определенных защитных мер. Одной из таких мер и является развитие патриотизма. Именно патриотизм современных белорусов не дал возможности растворения наших национальных интересов в глобальном пространстве великих держав, а положил начало истинному осмыслению приоритетов нашей страны. Белорусский народ отказался от простого копирования определенного пути развития, заимствования чужой системы ценностей, поскольку осознал, что это не является залогом процветания и благополучия. Очевидным является тот факт, что добиться высокого уровня развития возможно используя позитивный опыт отдельных стран, внедряя высокие гуманистические ценности и жизненные идеалы, отрицая идеи разрушения, уничтожения и принуждения других народов. При этом ориентация идет на сохранение своих культурных ценностей, своей национальной идентичности, своего образа жизни.

В современной Беларуси доминируют принципы взаимопомощи, взаимной поддержки, коллективизма, но не в коммунистической интерпретации этого термина. И в прошлом и сегодня белорусы сопереживают друг другу, оказывают безвозмездную помощь. Белорусская культура сегодня – это культура высоких идеалов и устремлений, культура высоких ценностей. Она дает возможность человеку сопереживать, сочувствовать, помогать тем, кто рядом. Это и есть традиционная для белорусов система норм и ориентаций, способная сохранить белорусов как самостоятельный народ со своими убеждениями, миропониманием, стремлением к лучшей доле для себя и своих детей. В этом и есть смысл осознания своей национально-культурной уникальности, значимости своего существования в глобальном пространстве современного мира. Это осознание должно передаваться и новому молодому поколению белорусов посредством конкретных ценностных и значимых ориентиров и долговременной обоснованной стратегии воспитания.

Литература

1. Вонсович Л.В. Роль христианских ценностей в духовно-нравственном воспитании личности / Л.В. Вонсович // Религия и общество – 13 : сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 251–253.
2. Жукова Н.Г. Глобализация и сохранение национальной идентичности / Н.Г. Жукова // Философия и общество. – 2006. – № 2. – С. 146–153.

РАЗМЫВАНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК УГРОЗА СОХРАНЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Далимаева Е.О.,

ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Глобализирующийся мир неизбежно ставит перед обществом новые проблемы. Эйфория 90-х годов, когда в глобализации видели едва ли не панацею от всех социальных язв, постепенно сменяется разочарованием от того пути, по которому происходят изменения в масштабах человеческого сообщества. В центре внимания идеологов, и, как следствие, социологов и политологов, отрабатывающих социальный заказ, оказывается проблема сохранения национально-культурной идентичности. Как писал Э. Гидденс, глобализация является причиной возрождения местной культурной идентичности во многих регионах мира [2, с. 59]. В Республике Беларусь данная проблема достаточно давно находится в поле зрения социальных наук, в первую очередь в связи с языковой ситуацией, поскольку большинство граждан, самоидентифицирующих себя как белорусов, для повседневного общения используют русский язык. Однако куда большее значение, с нашей точки зрения, в размывании национального самосознания имеет ситуация, связанная со своеобразным «дефолтом» символического капитала белорусской идентичности.

Актуальность темы исследования связана с недостаточным учетом значения и влияния символического капитала на содержание и осмысление поведенческих практик в современном обществе.

Цель исследования заключается в описании и анализе феномена «символического капитала» применительно к проблеме сохранения национально-культурной идентичности в глобализирующемся мире.

Материал и методы. Материалом для написания данной работы послужили эмпирические наблюдения автора, результаты опроса студентов, а также публикации в СМИ, посвященные проблеме формирования патриотизма и сохранения национальной идентичности. Использованы общенаучные методы эмпирического описания, сравнительного анализа, общелогические методы анализа и синтеза, классифицирования, сравнения, аналогии, обобщения.

Результаты и их обсуждение. Во второй половине XX века стало очевидным, что в постиндустриальной экономике основным ресурсом, определяющим социальное процветание и экономический рост, является человеческий капитал. В 60-х годах XX века мы наблюдаем взрывной рост исследований, посвященных человеческому фактору и человеческому капиталу. Экономисты обращали внимание, что основным источником благосостояния для современного человека являются знания, причем «знание-

вый» капитал более эффективен, чем традиционный экономический, включающий в себя такие ресурсы, как труд, земля, капитал, предпринимательские способности.

При этом исследователи подчеркивали, что знания как нематериальный ресурс обладают рядом принципиальных отличий от традиционных материальных ресурсов. Во-первых, это неотделимость знаний от личности их, так сказать, владельца. При этом любой вид материального капитала можно отнять или уничтожить, человека же образованного в принципе невозможно лишить его капитала. Во-вторых, получить материальный капитал может практически любой человек, даже не прилагая к этому существенных усилий, например, через наследование или выигрыш в лотерею и т.д. Приобрести знания можно только самостоятельно, в результате упорного труда, причем сделать это может далеко не каждый. Таким образом, в обществе приобретает существенное значение неравенство интеллектуальное. «Знаниевый» капитал делает человека уникальным и сложнозаменяемым, ведь даже люди, получившие одинаковое образование, значительно отличаются друг от друга эффективностью применения полученных знаний. В тоже время, как и другие виды капитала, знания подвержены инфляции, моральной амортизации. Чем быстрее движется развитие науки, чем стремительнее социальные изменения, тем быстрее устаревают полученные знания, однако не умение их приобретать и использовать.

Однако в начале XXI века ресурсом, который оказывает определяющее влияние на развитие общества, стал, с нашей точки зрения, не человеческий капитал, а символический. Под символическим капиталом подразумевается все, что оказывает влияние на успешность социального субъекта: его связи, репутация, известность, кредит доверия, авторитет и т.д. Частично символический капитал смыкается с человеческим, поскольку включает в себя и образование, и принадлежность к тому или иному сообществу. П. Бурдьё в лекции, прочитанной в Университете Сан Диего в марте 1986 года, говорит: «Диплом о среднем или высшем образовании представляет собой частицу общепризнанного и гарантированного символического капитала, действительного на любом рынке. Подтверждая официальную идентичность, диплом освобождает своего обладателя от участия в символической войне всех против всех и открывает перед ним общепринятый путь продвижения вверх» [1]. В экономике под символическим капиталом понимается оценка товаров или услуг, приписывающая последним дополнительную культурную значимость для повышения прибавочной стоимости. Особенную важность символический капитал приобрел после перехода большей части рабочей силы в сферу сервиса, оказания услуг. Если при производстве и продаже материальных товаров символический капитал минимален, и реализуется только через создание определенной репутации производителя, то в производстве информационного или культурного продукта символический капитал имеет преимущественное значение. Никто не пойдет на выставку малоизвестного художника,

и даже на выставку известного живописца, до тех пор, пока с этим именем не будет связана определенная символическая составляющая в виде моды или скандала. Можно сказать, что в современном мире схема К. Маркса об определяющем социальную надстройку экономическим базисом скорее перевернута наоборот: символический капитал доминирует над экономическим, надстройка определяет базис. И это надстройкой является узнаваемость, представленность объектов или идей в духовном пространстве общества и отдельного индивида. К сожалению, следует отметить, что в Республике Беларусь слабо производится символический капитал относительно культурных реалий и национальных героев, в основном, мы его импортируем. Проводя занятия со студентами, мы неоднократно сталкивались с банальным незнанием современной культурной ситуации в Беларуси. Существенная часть студентов не в состоянии назвать современных белорусских поэтов, писателей или художников. Классиков, которых проходили в школе, называют легко, однако приблизительно с 90-х гг. XX века – большое белое пятно. Еще большее недоумение у студентов вызывает просьба назвать имена белорусских ученых или рассказать о достижениях отечественной науки. Если какие-то имена и называют, то они, как правило, не повторяются. Это значит, что в сфере науки или культуры у нас символический капитал не производится. Из имеющих статус члена союза писателей или академика большая часть широкой публике неизвестна. Чуть лучше дело обстоит с именами белорусских спортсменов или музыкантов, особенно, к сожалению, если эти имена связаны с каким-то медийным скандалом. То есть фактически с творческой или интеллектуальной средой намечается ситуация символического дефолта.

Заключение. Поскольку идентичность подразумевает идентификацию с кем-то или чем-то, а в Беларуси эта символическая ниша заполнена именами иностранных творцов, относящихся, чаще всего, к массовой культуре не очень высокого качества, то с прискорбием следует отметить отсутствие прочного фундамента под попытками осуществлять патриотическое воспитание, и столь же разочаровывающие получаемые результаты. Не следует считать, что патриотическое воспитание – это наследие советского прошлого. Любое развитое государство стремится к формированию ответственной гражданской позиции, в первую очередь, у молодежи, понимая, что от успешности этой деятельности во многом зависит национальная безопасность.

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smartpowerjournal.ru/social-space-and-symbolical-power/>. – Дата доступа 23.09.2020
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – 120 с.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАРОДНОСТИ СЕТО

Глущенко О.А.,

ПсковГУ, г. Псков, Российская Федерация

В течение многих столетий в приграничных районах эстонской и русских земель проживал небольшой народ сето, этническая история которого до конца не раскрыта. Данные археологии и топонимики свидетельствуют, что в начале новой эры на северо-западе уже жили прибалтийско-финские племена. Об этом пишет готский историк Иордан. Его сведения относятся к первой половине 6-го века. Среди восточно-европейских племен Иордан называет «чюдос», что соответствует «чюди» русских летописей и высказывает предположение, что сету сформировались к середине 9-го века на основе чудского субстрата.

По мнению В.В. Седова, следами проживания прибалтийско-финского населения на Псковщине являются названия многих рек и озер. В середине 1-го тысячелетия при расселении славян на территории, входящей в бассейны Ильменя и Псковского озера, часть аборигенов ушла за пределы. Но более значительная группа местных финно-угорцев не покинула мест своего обитания. Возникновение Сетумаа (земли сето) исследователи относят к 13 веку, после установления политической границы между Тартуским католическим епископством и Псковским княжеством, разделившим родственные южно-эстонские племена. Часть их осталась жить на Псковской земле. Существует также мнение, что сету – потомки эстов, бежавших из Лифляндии, начиная с 14-го века, от Ливонского ига на Псковщину. В этногенезе сето также участвовали нынешние южные эстонцы, убегавшие от гнета немецкого владычества.

Земля, заселенная предками сето, стала пограничной территорией между зонами влияния разных конфессий. Впервые о сето в 1815 г. написал немецкий путешественник О. Шлегель. Ф. Крейцвальд высоко ценил самобытную культуру сето, призывая собирать и изучать их напевы и сказания. Научные публикации о сето появились во второй половине 19-го века. В 1890 г. Ю. Труусман отмечал в своих исследованиях, что граница поселений сето совпадает с западной границей Псковской губернии, начиная с Выбовки на реке Воо и при впадении в Пейпус (Псковское озеро) и переходя по реке Меде, к югу к реке Пимже и затем, по ней к западу и югу до Новгородка (Нейгаузен). Наконец, отсюда, несколько южнее Псковского шоссе. С юга граница, начиная с Паниковичей до Изборска, идет несколько севернее шоссе. Восточной границы не существует, потому что население сильно смешано с русским. Ю. Труусман приходит к выводу, что сето являются аборигенами, последней эмиграционной ветвью финского племени, некогда занимавшего большую часть Псковской губернии.

На земле сету с давних времен чудские племена соседствовали со славянами-кривичами. В тяжелые периоды истории сюда приходили и с востока, и с запада. Балтийская комплексная этнографо-антропологическая экспедиция Академии наук СССР в начале 50-х годов установила, что сето веками жили в юго-западной части Псковщины и в течение длительного времени находились в политическом объединении с русским народом, сначала в составе Новгородского, а позднее Московского государства. Решающую роль в формировании духовной и культурной специфики сетоского народа в 16 веке должно отнести игумену Псково-Печорского монастыря Корнилию (1529–1570), закрепившему здесь православную веру. Сету добровольно принимали православие, однако следует заметить о сохранении некоторых языческих верований и обрядов. Так, приношение во время праздников молочных продуктов не только в церковь, но и к священным камням, местам бывших поклонений. У сету был отмечаем культ бога земледелия и плодородия Пеко. Во время посевных работ фигурку Пеко вывозили на поля, чтобы освятить землю.

Активное этнографическое изучение сету началось в конце 19-го века, что связано с оживлением общественной жизни в России и с интересом к народам ее населяющим. Так, Русское Географическое общество частично финансировало издание трех томов «Песни сету» финского исследователя Я. Хурта. Впервые сетуские песни записал в 1877 году финский ученый А.А. Борениус – Ляхтенкорва. По мнению ученых, язык сето принадлежит к прибалтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи вместе с вепсами, водью, ижорой, карелами, ливами, финнами, эстонцами. И в настоящее время пристальное внимание ученых историков, археологов, фольклористов, этнографов привлекает сохранение архаичных черт духовной культуры сету. Занимавшему приграничное местоположение народу сето был присущ патриархальный уклад. Они занимались земледелием, выращивали лен, были искусны в его обработке. Женщины сето отличались в прядении, ткачестве, вязании и вышивке. Традиционная одежда сетуской женщины состоит из головного убора – линника, рубахи с ткаными рукавами, украшенной тканым орнаментом, сарафаном-сукманом, поясом, ярким передником и обилием металлических украшений, где центральное место занимает конусообразная фибула. В большинстве своем украшения, цепочки, монеты выполнены из серебра.

Сету (также сетукезы, сето, псковская чудь, полуверцы) – малочисленная финно-угорская этническая группа, проживающая в Печорском районе Псковской области (с 1920 по 1940 г. – в уезде Петсери Эстонской Республики) и прилегающих районах Эстонии (уезды Вырумаа и Пылвамаа). Веками центром сближения народов являлся Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь. 28 августа, день Успения Богородицы, отмечается у сето особо. Они посещают праздничную службу

в монастыре, а также проводят свой праздник Кирмаш. Местные русские, проживающие рядом с сето, называют их «полуверцами», что возможно означает «не в полной мере христианами», так как сето заимствовали религию, но говорят на своем особом языке. Сету не имели письменного перевода Библии на своем языке. В Эстонии язык сето считается вырусским диалектом эстонского языка. Сами сето сегодня считают свой язык самостоятельным, по обе стороны границы в Эстонии и России преподается язык сето, на нем выходит журнал общины сето «Peko Helü». Язык сету включен в 2009 году ЮНЕСКО в Атлас исчезающих языков мира как «находящийся под угрозой исчезновения». По обе стороны границы сето имеют свои культурно-просветительские центры. В Российской Федерации находится музей-усадьба народа сето в деревне Сигово Печорского района. Фонды музея содержат более ста предметов быта и культуры сето. В частном музее подвижницы культуры сето Т.Н. Огаревой, расположенном там же (Сигово), каждая вещь напоминает о создателях и владельцах высокохудожественных изделий – вязание, ткачество, вышивка, народная одежда. Оригинальность данного музея заключается в том, что он хранит память о конкретных людях и расположен в своей исконной исторической и природной среде. История сетоского населения Печорского края весьма полно представлена в фондах Изборского музея-заповедника и его филиала Печорского музея. В Эстонии музей сето находится в деревне Обиница. В Печорском районе функционирует этнокультурное общество сето (ЭКОС), зарегистрированное в отделе юстиции Псковской области за № 73 от 18.11.93 г.

В эпоху глобализации в мире проходят процессы сближения государств и культур в силу экономических и политических причин. В этот неоднозначный процесс вовлечены многие народы, которые имеют разные уровни развития, свои национальные культуры и языки. Особой заботой должны быть окружены малые народности и этнические группы, которые в силу своей малочисленности нуждаются в особом подходе для сохранения идентичности; веры, языка и традиций.

Литература

1. Википедия URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сету> (дата обращения 12.04.2019).
2. Глущенко О.А. Сохранение национальной идентичности Сето. Язык и межкультурная коммуникация. Сборник научных трудов. – Псков: Псковский государственный университет, 2019. – 284 с. – С. 98–101.
3. Жукова Н.Г. Глобализация и сохранение национальной идентичности. Философия и общество. Выпуск № 2(43) / 2006. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/253435/> (дата обращения 11.04.2019).

4. Левин Н. Святости и древности Псковского уезда. – Псков: Дом печати, 2006.
5. Моисеенко Ю. Сето... Чтобы помнили. – Псков: «Панорама», 2000. – № 39.
6. Серов С. Сету. Институт этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. «Наука и жизнь». – 1990. – № 12.
7. Труусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края. 1890 г. (ENSV Kirjandusmuuseumi Arhiivigaamatukogu 19770).
8. Устав К. Тайловский приход. «Псковские епархиальные ведомости». 1913. – № 11.

ГРАНИЦЫ ОДНОМАНДАТНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОКРУГОВ КАК СПОСОБ УГЛУБЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ РАЗДЕЛЕНИЙ В АВТОНОМНОМ КРАЕ ВОЕВОДИНА (РЕСПУБЛИКА СЕРБИЯ)

Джокич А.П.,
РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Балканские общества этнически, культурно и религиозно разделены. Эти разделения являются продуктом длительных исторических процессов, и их почти невозможно преодолеть за короткий период времени, используя доступные политические инструменты. С другой стороны, данные разделения можно углубить неподходящими институциональными решениями. Избирательная система является одним из таких инструментов, который может оказать как положительное, так и отрицательное влияние на этно-религиозные разделения на Балканах. Положительное влияние определяется как организация социо-политических процессов, которые способствуют укреплению стабильности в отдельном балканском государстве. Отрицательное влияние определяется как институциональное устройство, которое углубляет упомянутые конфликты тем, что способствует этническим, культурным и религиозным разделениям в балканских обществах.

Современные дискуссии в рамках теории политической науки, особенно ее части, которая исследует проблему избирательных систем, ведутся десятилетиями. Суть полемики заключается в том, какой тип избирательной системы является самым эффективным, самым справедливым или самым репрезентативным. Актуальная политическая наука в данной области давно ушла от базового разделения на мажоритарные и пропорциональные избирательные системы. Согласно теории голландского ученого Аренда Лейпхарта пропорциональная система больше всего подходит этнически разделенным обществам, таким как на Балканах. Суть его учения в представленности всех этнических групп в соответствии с их долей в этническом составе в определенном обществе. Практически это значит, что,

если в Сербии проживает 3 процента венгров, сербский парламент должен содержать 3 процента депутатов, которые представляют венгерское нацменьшинство. Если какая-то этническая группа недостаточно представлена, то есть в процентном соотношении их представителей в национальном или региональном парламенте меньше, чем их числится в переписи населения, это считается генератором межэтнической нестабильности, которая может привести к резким конфликтам в обществе и даже гражданской войне.

Противоположная теория американского ученого Дональда Горовица утверждает, что избирательная система не должна обязательно зеркально отражать этнический состав общества, потому что это автоматически не значит, что в данном государстве межэтническая стабильность не будет под угрозой. Главная причина этого в том, что теория Лейпхарта не учитывает качества партий нацменьшинств, то есть являются ли они радикальными националистическими партиями или умеренными партиями, готовыми к участию в политической системе. На практике, особенно в балканском регионе, самые влиятельные партии нацменьшинств достаточно радикальные, иногда на грани сепаратизма. Культурные границы в данном регионе конвертируются в политические барьеры, чему способствует определенный тип избирательной системы. Поэтому Горовиц предлагает заменить пропорциональную или смешанную избирательную систему на тип альтернативного преференциального голосования. Суть его теории заключается в том, чтобы предоставить избирателям, которые принадлежат к нацменьшинствам, а при этом не являются радикальными националистами, выбор в пользу умеренных партий, даже если они не являются партиями нацменьшинств. Это можно сделать путем голосования, на котором представлены бюллетени со списком предпочтительных партий, которым избиратели готов выразить доверие. Если первая в списке партия не проходит избирательный порог, тогда его голос передается второй партии в списке, и так далее. Данный тип избирательной системы должен вытеснить самые радикальные партии нацменьшинств из партийной системы балканских государств.

В качестве конкретного примера данного исследования выбран автономный край Воеводина, который входит в состав Республики Сербия. Данная административная область интересна для исследования потому, что ее этнический состав разнороден, хотя большинство составляют этнические сербы – их около 70%. Кроме сербов, в этой области проживает еще 13% венгров и другие этнические группы: словаки, румыны, хорваты и русины. С распадом Югославии и введением многопартийности в 1992 году выборы в региональный парламент Воеводины проводились по мажоритарной системе. Границы одномандатных избирательных округов мимикрировали и поддерживали существующие этнические разделения. Это привело к ситуации, в которой сербы и венгры во многом жили в культур-

ной изоляции друг от друга, даже не умея общаться на одном языке. Свою роль в этом сыграла и система образования, по которой венгерские дети учились в школах на венгерском языке, а сербы посещали отдельные школы на сербском языке. Тем не менее избирательные границы стали усиливать неформальные культурные границы между сербами и венграми. С 2004 года в Воеводине введена смешанная мажоритарно-пропорциональная система, но одномандатные округа сохранены. Только с 2016 года была введена чистая пропорциональная система и отменены избирательные границы, которые совпадали с этническими. Описанные изменения произошли не с целью понизить интенсивность этнических конфликтов в Воеводине, а по соображениям правящей партии в Сербии, чьим интересам больше отвечает пропорциональная система в данном крае.

Самая влиятельная венгерская партия в Воеводине, Союз воеводинских венгров, выступала против данной реформы, но получила гарантии от правящей Сербской прогрессивной партии, что ее привилегии будут сохранены. Основная гипотеза данного исследования состоит в том, что система преференциального голосования может способствовать смягчению культурных разделений в Воеводине, а существование избирательных границ на протяжении нескольких десятилетий углубило уже существующие разделения. В данном случае границы играют отрицательную роль и являются фактором дестабилизации сербского государства.

Литература

1. Benoit-Rohmer, Florence and Hilde Hardeman. The Representation of Minorities in the Parliaments of Central and Eastern Europe // *International Journal on Group Rights*, 1994, № 2, pp. 91–111.
2. Bieber, Florian. Power Sharing as Ethnic Representation in Postconflict Societies. The Cases of Bosnia, Macedonia, and Kosovo // Alina Mungiu-Pippidi, Ivan Krastev (eds). *Nationalism after Communism. Lessons Learned*. Budapest: CEU Press, 2004, pp. 229–246.
3. Flores Juberías, Carlos. Post-Communist Electoral Systems and National Minorities: A Dilemma in Five Paradigms // In Jonathan P. Stein (ed). *The Politics of National Minority Participation in Post-Communist Europe: State-Building, Democracy, and Ethnic Mobilization*. Armonk: M.E. Sharpe, 2000, pp. 31–64.
4. Hesli, Vicki L. Political Institutions and Democratic Governance in Divided Societies // In Robert D. Grey (ed). *Democratic theory and Post-Communist Change*. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1997, pp. 190–216.
5. Horowitz, Donald. *Democracy in Divided Societies* // In Larry Diamond and Marc F. Plattner (eds). *Nationalism, Ethnic Conflict, and Democracy*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994, pp. 35–55.

6. Ishiyama, John. Ethnopolitical Parties and Democratic Consolidation in Post-Communist Eastern Europe // Nationalism & Ethnic Politics, № 7, 2001, pp. 25–45.

7. Lijphart, Arend. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990 // Oxford: Oxford University Press, 1994.

8. Norris, Pippa. Ballots not Bullets: Testing Consociational theories of Ethnic Conflict, Electoral Systems, and Democratization // In Andrew Reynolds (ed). The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 206–247.

9. Reilly, Ben. Democracy in Divided Societies: Electoral Engineering for Conflict Management // Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

АГУЛЬНЫЯ ТРАДЫЦЫІ АФАРМЛЕННЯ ПАЛЕСКІХ ЗАКЛАДНЫХ РУЧНІКОЎ НА БЕЛАРУСКА-ЎКРАЇНСКІМ ПАМЕЖЖЫ

Кляпоўская А.А.,

ВДУ імя П.М. Маішэрава, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь

Беларуска-ўкраінскае памежжа з'яўляецца зонай этнакультурных кантактаў, якая ўмоўна вызначана раёнамі адзінага геаграфічнага арэала Палесся ў басейне ракі Прыпяць, дзе ў канцы XIX – першай палове XX ст. быў распаўсюджаны тып узорнага ручніка ў тэхніцы закладнога ткацтва, пад агульнай назвай «завеска» – дэкаратыўнага і сакральнага прызначэння для ўпрыгожвання абразоў. Палескі арэал бытавання закладных ручнікоў падзелены дзяржаўнай мяжой паміж Беларуссю і Украінай. На Беларусі ўжыванне гэтай тэхнікі ткацтва для ўпрыгожвання тэкстыльных прадметаў народнага касцюма і ручнікоў было распаўсюджана ў зоне Усходняга Палесся: Столінскі, Ганцавіцкі раёны Брэсцкай вобласці, Лоеўскі, Лельчыцкі, Жыткавіцкі, Мазырскі, Брагінскі, Ельскі, Нараўлянскі раёны Гомельскай вобласці і Сярэдняга Падняпроўя: Рагачоўскі, Чачэрскі, Буда-Кашалёўскі, Веткаўскі раёны Гомельскай вобласці [4, с. 207]. А на Украіне закладныя ручнікі існавалі на тэрыторыі Сярэдняга Палесся: Оўруцкі, Народыцкі, Алэўскі, Малінскі, Радамышльскі, Корасценскі, Лугінскі, Наваград-Валынскі раёны Жытомірскай вобласці, Чарнобыльскі, Палескі, Іванкоўскі, Макароўскі, Барадзянскі, Вышгарадцкі раёны Кіеўскай вобласці, у некаторых раёнах Ровенскай вобласці, Чарнігаўшчыне [1; 3; 5].

Экспедыцыі беларускіх і ўкраінскіх навукоўцаў выявілі ў Чарнобыльскай зоне значную колькасць узораў ручнікоў у тэхніцы закладнога ткацтва. Традыцыі закладных ручнікоў і іх арнаментальныя матывы вывучалі беларускія навукоўцы В. Лабачэўская [4], Г. Нячаева [2],

а ўкраінскі – Л. Булгакава [21], Р. Захарчук-Чугай [3], Л. Арол [5], С. Сыдаровіч [6] і др.

Мэта даследавання – выяўленне агульных мастацкіх традыцый афармлення палескіх ручнікоў у тэхніцы закладнога ткацтва на беларуска-ўкраінскім памежжы.

Закладное ткацтва – адна з самых старажытных тэхнік узорнага ткацтва, якая выкарыстоўвалася ў Вавілоне, Кітаі, Асірыі, Персіі, Старажытным Егіпце, у балгараў, фінаў Паволжа, паўднёвых велікарусаў, народаў Сярэдняй Азіі і цюркамоўных народаў Усходняй Еўропы. У этнаграфічнай беларускай і ўкраінскай літаратуры адзначана, што на сумежных тэрыторыях Беларусі з Украінай падобныя закладныя ручнікі па кампазіцыі і арнаменце носяць назву «кілімавыя ручнікі», што паказвае на іх узаемасувязь з дывановым ткацтвам [4, с. 216; 6, с. 15–16]. Многія даследчыкі не выключалі таго, што тэхніка была занесеная старажытнымі ўсходнімі качавымі цюркскімі народамі ў стэпавыя раёны Украіны, а потым – на ўсходнія рубяжы Беларусі [2, с. 183]. Кіеўская Русь запазычала спосаб тэкстыльнай арнаментальнасці ў закладной тэхніцы ад Візантыі. Украінскія даследчыкі адзначаюць, што дыван («ковёр») згадваецца ў летапісах X–XII стагоддзяў (Лаўрэнцьеўскага летапісу 977 года), дзе іх выкарыстоўвалі ў пахавальным абрадзе князёў [5, с. 47]. Тэхніка закладнога ткацтва была перанятая казацкай культурай (XV–XVI стст.), якое было тым сацыяльным пластам насельніцтва, што фармаваў попыт на імпортныя кілімы ўсходняга паходжання. Асноўнае фарміраванне на Беларусі і Украіне ўзорных ручнікоў у тэхніцы закладнога ткацтва адносіцца да XVII–XIX стст., якія склаліся пад уплывам імпартаваных дываноў з краін Усходу, іх мануфактурнай вытворчасці на тэрыторыі беларуска-ўкраінскага памежжа, Кралявецкага промыслу на Сумшчыне Украіны [4, с. 217; 6, с. 44–46].

На беларуска-ўкраінскім памежжы Палесся ў канцы XIX – першай палове XX ст. ручніковыя палотны, вытканыя закладной тэхнікай, былі не шырокія (вузкія) – 35 см, але доўгія – 300–600 см. На Беларусі такія ручнікі называлі: «набразнікі», «абразны ручнік», «накутнікі», «набожныя платкі», «закладныя набожнікі»; а на Украіне – «завескі», «занавеси», «завіскі», «в пераклад», «покутнікі», «образнікі», «божнікі», «набожнікі», «горінкові рушнікі», «красні» – святочныя ручнікі або «закладні» (веска Ласкы Народыцкага раёна Жытомірскай вобласці) [3, с. 299]. Для іх характэрна агульная кампазіцыя, якая складалася з прылеглых адзін да аднаго графічна выразных арнаментальных бардзюраў рознай шырыні і чаргавання [1, с. 333]. Гарызантальныя паласы ўвасаблялі семантыку парадку і мяжы, несучы ў сабе вобраз разоры зямлі, пачатку і канца, абумоўленую дзейнасцю палешукоў – земляробствам. Папярочнае размяшчэнне бардзюраў звязана і з самой тэхналогіяй ткацкага рамяства. Для арнаменту закладных ручнікоў характэрныя ўзбуйненыя

простыя геаметрычныя элементы і выяўленчыя матывы ў бардзюрах або яны размяшчаліся ў шахматным парадку. У бардзюрных кампазіцыях ручнікоў чаргуюцца белафонавыя і чырвонафонавыя ўзорныя палосы з простымі (ромбы, прамавугольнікі, трохкутнікі, радкі, кропкі, рысачкі, хвалі-зігзагі, прыступкавыя слупкі, стрэлы), і больш складанымі матывамі (геаметрычныя ромбы, крыжападобныя фігуры і ўзоры, ромба-геаметрычныя матывы, васьмікутныя разеткі, зоркі), цэнтрычныя кампазіцыі з геаметрызаванымі манументальнымі фігурамі (вазоны, трохсвечнікі, «дрэва жыцця»), часам схематызаваныя выявы птушак або двухгаловага арла з каронай. Геаметрычны і ромба-геаметрычны арнаменты з'яўляюцца адной з галоўных прыкмет беларускага тэкстыльнага канону [4, с. 109–112]. Геаметрычная арнаментация ўзыходзіць да старажытных традыцый родаплемянных саюзаў рассялення ўсходніх славян, якія пражывалі на тэрыторыі Палесся, а ромба-геаметрычныя арнаменты ўбудаваны ў структуру тэкстыльнага канону менавіта ў аграрных культурах усходніх славян (дрыгавічоў і драўлян), што абумоўлівае агульнасць арнаментальнай традыцыі на беларуска-ўкраінскім памежжы. Гэта сведчыць аб агульнасці этнагенетычных каранёў традыцыйнай культуры рэгіёна Палесся. Каляровае вырашэнне закладных ручнікоў абмежаванае бела-чырвона-чорным спалучэннем, пры гэтым маса чырвонага колеру заўсёды больш значная, а белы і чорны колеры мелі рытмічнае паўтарэнне. Перавага белага колеру ўзмацняла графічную актыўнасць арнаменту, ці наадварот пры суцэльным чырвоным, губляліся белыя тонкія прабелы, што рабіла ручнік манументальна выразным. Чорны колер быў дадатковым і графічна вылучаў асобныя элементы арнаменту. Выкарыстоўвалася льяная або баваўняная пражэ: «горынь», «запалач», «заболоть», «забалаць» (бел.); «лучка», «горіна», «горинь», «заполоч» (укр.). У закладным ткацтве ўжывалася два ці большая колькасць рознакаляровых уткоў, кожным з якіх тэчацца пэўная частка ўзору. У месцах стыку ўткоў рознага колеру ўтворацца прасвет, так як тут яны не перакрываюць агульныя ніткі асновы. Усе канцы нітак утка закладваліся ў парадку чарговасці. Перапляценне было палатнянае, чым і тлумачылася гладкая фактура тканіны. Такія палотны мелі аднолькавы ўзор на твар і на выварат і характэрныя зазоры паміж вертыкальнымі ўступамі ўзору. Закладное ткацтва дазваляе атрымліваць геаметрычны арнамент сапрыступкавымі контурамі ўзору, у сувязі з чым трохкутныя, рабінныя, крыжападобныя фігуры і іх спалучэнне набывалі фантастычныя формы. На беларуска-ўкраінскім памежжы сустракаліся ручнікі, дзе ўзоры закладнога ткацтва перамяжоўваліся з нешырокімі гладкімі чырвонымі палосамі, а часам – з арнаментальнымі бардзюрамі, выкананымі ў тэхніцы бранага або пераборнага ткацтва. Канцы ручнікоў часта ўпрыгожвалі вязанымі або плеченымі карункамі.

Такім чынам, на беларуска-ўкраінскім памежжы ў канцы XIX – першай палове XX ст., у гісторыка-этнаграфічных рэгіёнах Усходняга Палесся Беларусі і Сярэднім Палессі Украіны, сфарміраваўся арыгінальны тып ручнікоў у тэхніцы закладнога ткацтва («завеска»), які робіць уражанне фрагмента ўзорнага дывана. Выяўлена агульнасць мастацкага канону палескіх закладных ручнікоў у іх кампазіцыі, значнасці метрычных характарыстык, асартыменце арнаментаў і мастацка-дэкаратыўных матываў, трыядзе бела-чырвона-чорнага каляровага рашэння, тэхналагічным прыёме іх вырабу. Распаўсюджванню закладной тэхнікі ткацтва і фарміраванню агульнага асартыменту арнаментальных матываў на ручніковых палотнах спрыялі ўплыў традыцый усходніх качавых народаў на тэрыторыі Беларусі і Украіны, кантакты Кіеўскай Русі з Візантыяй, экспарт кілімаў з Усходу, распаўсюджванне казацкіх культурных традыцый, уплыў з канца XVII ст. на народнае ткацтва вытворчасці мануфактур і саматужнай прамысловасці на беларуска-ўкраінскім памежжы. У цэлым агульныя мастацкія традыцыі афармлення гэтых ручнікоў абумоўлены этнакультурным узаемадзеяннем беларусаў і ўкраінцаў. Назвы ручнікоў паказваюць на лакальнае багацце дыялектнай культуры Палесся. Гэтая праблема патрабуе больш глыбокага вывучэння і з'яўляецца актуальнай для аб'ектўнага асвятлення этнічнай культуры беларуска-ўкраінскага памежжа.

Літаратура

1. Булгакова, Л. Поліський рушник XX ст. // Полісся України: матеріали історико-етнографічного дослідження / За ред. С. Павлюка, М. Глушка. – Львів: Інститут народознавства НАН України, 1999. Вип. 2 Овручина. 1995. – С. 329–364.
2. Голоса ушедших деревень / Г.Г. Нечаева [и др.]; под общ. ред. Г.Г. Нечаевой, фото Д.В. Галкина, П.Н. Анансона. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 342 с.
3. Захарчук-Чугай, Р. Народне декоративне мистецтво // Полісся України: матеріали історико-етнографічного дослідження / За ред. С. Павлюка, М. Глушка. – Львів: Інститут народознавства НАН України, 1999. Вип. 2 Овручина. – 1995. – С. 293–328.
4. Лобачевская, О. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации / О.А. Лобачевская. – Минск: Беларуская навука, 2013. – 530 с.
5. Орел, Л. Українське Полісся. Те, що не забувається / Л.Г. Орел. – Київ: Наш час, 2010. – 271 с.
6. Сидорович, С. Художня тканина західних областей УРСР: [монографія] / С. Сидорович; АН УРСР, Музей етнографії та худож. промислу. – Київ: Наук. думка, 1979. – 153 с.

БЕЛОРУСЫ СМОЛЕНЩИНЫ В ЭПОХУ БЕЛОРУСИЗАЦИИ (1920-е ГОДЫ)*

Кодин Е.В.,

СмолГУ, г. Смоленск, Российская Федерация

Кобец О.В.,

СГАФКСТ, г. Смоленск, Российская Федерация

Практическое разрешение национального вопроса в Советской России ведет свое начало с решений X съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1921 г. В резолюции съезда «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» ставилась задача добиваться доверия угнетенных наций, развивать на их родном языке органы власти, общеобразовательные и профессионально-технические школы, культурно-просветительные учреждения, прессу и т.д. [5, с. 603–604]. Через два года, в апреле 1923 г., XII съезд партии большевиков определит конкретные мероприятия в национальном вопросе, особенно обратив внимание на формирование органов власти национальных республик из числа местных жителей, владеющих родным языком, знающих быт и обычаи народов [4, с. 696].

После принятия второй сессией ЦИК БССР 15 июля 1924 г. постановления «О практических мероприятиях по проведению национальной политики», белорусизация станет в республике государственной политикой. Однако одновременно требования по белорусизации будут распространены и на российские территории с компактным проживанием белорусов. Это, в первую очередь, относилось и к Смоленщине, которая на протяжении веков имела самое непосредственное отношение к Белоруссии, а в апреле 1918г. Смоленск даже стал административным центром Западной области, в состав которой к тому времени входили Витебская, Могилевская и Минская губернии. И именно здесь 1 января 1919 г. была провозглашена Социалистическая Советская Республика Белоруссия.

Как отнеслись к этой политике смоленские белорусы? В целом без какого-либо воодушевления. Нередко даже враждебно. Почему? По многим причинам.

В Смоленской губернии по данным переписи 1920 г., т.е. накануне решений X съезда РКП(б), проживало 54700 белорусов, что составляло 2,62% жителей губернии [3, л. 24]. Белорусы являлись второй по численности группой населения губернии. При этом какого-либо особого внимания к белорусской проблематике в губернии никогда не ощущалось. Мест-

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №20-59-00001/20 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

ное население в значительной степени воспринимало белорусов как часть русского народа, говорящую на «несколько особом русском языке».

В это время все еще нередко высказывалась и точка зрения о том, что не существовало не только отдельного белорусского языка, но и вообще не было белорусской нации, с чем категорически не согласился Сталин, отвечая на записку одного из делегатов X съезда РКП(б) об «искусственности насаждения белорусской нации» [5, с. 213].

Главным проводником политики белорусизации на основе установок партийного съезда на территории РСФСР станет Народный комиссариат просвещения, коллегия которого весной 1922 г. приняла постановление о введении белорусского языка в школах первой ступени и курса белорусоведения в школах второй ступени. Данное требование начала белорусизации школ напрямую относилось и к Смоленщине. Однако назвать эти задачи адекватными реальной ситуации в школьной системе региона того времени было вряд ли возможно. Именно с лета 1922 г. в губернии начинается существенное сокращение численности школ. Только в сельской местности одномоментно произошло сокращение школ первой ступени с 2637 до 1700, в которых могли обучаться лишь меньше половины детей школьного возраста, остальные были «осуждены на безграмотность» [6, 19 января]. В целом сеть школ первой ступени сократилась до уровня 1914 г.

Но и к середине 1920-х годов общая картина школьной сети все еще оставалась плачевной. В 1926 г. школам губернии все еще давалась такого рода характеристика: «Потрепанные за последнее десятилетие школьные здания, изношенный инвентарь, недостаток учебников и пособий, неудовлетворение местным бюджетом нужд народного образования – такова «база» нашей школы» [7, 18 июня].

Понимая всю сложность ситуации, бюро национальных меньшинств губернского отдела народного образования в июле 1923 г., формально действуя в русле установок Наркомпроса и отмечая важность сохранения белорусской самобытности и необходимость перевода сельских школ на белорусский язык, все же замечает, что делать это надо было «с выявлением воли самого населения в каждом отдельном случае» [1, л. 22]. Чего, как раз и не наблюдалось в среде даже самого белорусского населения губернии. К середине 1920-х годов белорусское население Смоленщины «уже настолько обрусело, что оно не придавало белорусизации никакого значения» [3, л. 278].

Это наглядно подтверждала перепись населения 1926 г.: белорусы губернии «передвинулись» по численности на третье место, уступив второе евреям, составив всего 20408 человек [2, л. 67]. Конечно, это объяснялось и механическим зачислением полностью обрусевших белорусов в разряд великороссов во время переписи, [3, л. 278], и передачей Могилевской губернии смоленских Мстиславского и Горецкого уездов. Но главная причина, очевидно, была в другом. Более существенным основанием к

наметившемуся снижению численности смоленских белорусов в середине 1920-х годов стало стремление последних более активно включаться в начавшиеся индустриально- и социально-модернизационные процессы, которые гораздо значительнее проявлялись как раз в российских, а не в белорусских регионах и предоставляли существенно больше возможностей белорусскому крестьянству для их социального лифта. Особенно это касалось подрастающего поколения.

Именно поэтому, читаем в документе, само белорусское население относилось к школе на родном языке «безразлично, а нередко и враждебно». Родители вполне обоснованно считали, что для будущей жизни, а тем более в России, детям нужен будет именно русский, а не белорусский язык. Даже та часть белорусского населения губернии, которая проживала на границе с Белоруссией, и которая поддерживала экономические связи с этнической родиной, требовала от учителей, чтобы они «преподавали белорусский язык» (но не на белорусском языке вели все предметы. — *Е.К., О.К.*) [3, л. 315 об.].

Все это не могло не сказываться и на численности белорусского населения губернии. Оно будет сокращаться на всем протяжении двадцатых годов XX столетия. При этом речь будет идти не о физическом сокращении численности белорусов, а об их самозачислении в состав русского этноса путем саморуссификации и предпочтения родного белорусского языка общесоюзному языку русскому.

Литература

1. Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО), ф. Р-19, оп. 1, д. 3093.
2. ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4746.
3. ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4748.
4. Двенадцатый съезд РКП /б/. 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1968. — 921 с.
5. Десятый съезд РКП/б/. Март 1921 года. Стенографический отчет. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. — 937 с.
6. Рабочий путь (газета Смоленского Губкома Р.К.П. и Губисполкома), 1922, 19 января.
7. «Рабочий путь», 1926, 18 июня.

ПРОБЛЕМА ВЕНГЕРСКОГО МЕНЬШИНСТВА В УКРАИНЕ В ОФИЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БУДАПЕШТА (2017–2020 гг.)

Казак О.Г.,
БГЭУ, г. Минск, Республика Беларусь

В политическом дискурсе современной Венгрии высказывания о «национальной трагедии» после окончания мировых войн, об ответственности за судьбу соотечественников, живущих за рубежом, занимают значительное место. Особенно отчетливо данный феномен прослеживался в период деятельности в Венгрии правоконсервативных кабинетов, в т.ч. правительства В. Орбана (1998–2002 гг., 2010 г. – н.в.). Численность венгерского населения Украины составляет 156 тыс. человек (более 12% населения Закарпатской области, в которой проживают почти все венгры Украины). В 2015 / 2016 учебном году школы в Закарпатье посещали более 157,4 тыс. детей, более 16,2 тыс. из них обучались на венгерском языке. При этом от 15 до 30% закарпатских венгров в период существования независимой Украины не имели возможности получить образование на родном языке [2, 292. old.]. После принятия в Украине осенью 2017 г. Закона об образовании, отдающего приоритет обучению на государственном языке, отношения между Киевом и Будапештом резко ухудшились, а проблема ущемления в правах членов диаспоры в Украине заняла одно из центральных мест в политическом дискурсе Венгрии.

Министр иностранных дел и внешней торговли Венгрии П. Сийярто после консультаций с лидерами венгерской диаспоры в Украине 9 октября 2017 г. заявил, что «Закон об образовании ставит венгров и другие меньшинства в худшее положение, чем то, в котором они пребывали в годы СССР». По мнению министра, действия киевских властей не соответствовали духу Соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной, которое вступило в силу за несколько дней до голосования в Верховной Раде по скандальному законопроекту. П. Сийярто подчеркнул, что у Венгрии «нет другого выхода, кроме усиления международного давления на Украину в рамках европейских форумов» [4]. Венгрия последовательно блокирует инициативы проведения Совета Украина – НАТО. П. Сийярто на заседании Национального собрания в марте 2020 г. отметил: «Блокада заседаний Совета Украина – НАТО будет продолжаться до тех пор, пока мы не сможем договориться о восстановлении утраченных прав меньшинств». При этом политик подчеркнул, что ситуация, при которой часть венгероязычного населения Закарпатья не понимает государственный (украинский) язык, обусловлена низким качеством украинской системы образования: «В Украине те, кто получают образование на венгерском языке, изучают украинский язык семь часов в неделю. Если процесс обучения организован

на надлежащем уровне, этого достаточно, чтобы хорошо выучить украинский язык, но венгры не говорят на нем хорошо. Причина в том, что преподавание украинского языка как государственного не отвечает требованиям, поэтому уровень преподавания должен быть повышен, и Венгрия готова финансировать подобные мероприятия» [3].

В марте 2018 г. на сайте «PestiSrácok.hu» и портале Правительства Венгрии было опубликовано программное интервью министра юстиции Л. Трочани «Обращаем пристальный взор на Закарпатье». Министр называл политику Киева в отношении меньшинств националистической, сетовал на недостаточную реакцию на нее стран Запада, приводил в качестве примера позитивного решения национального вопроса ситуацию в Бельгии. Показательно, что Л. Трочани, ссылаясь на опыт контактов с преподавателями Ужгородского национального университета, отмечал различия в политической культуре столичных и региональных закарпатских элит: «Мышление в Закарпатье более открытое, чем в Киеве. Они (региональные элиты – О.К.) также не согласны с радикальными националистами в Украине, которые угрожают миру в регионе. Я вижу, что все проблемы на самом деле оттуда, а не из Ужгорода, Мукачево или Берегово. Закарпатские украинцы ближе к Венгрии, и для них важны хорошие отношения с Венгрией. Многие украинцы начали изучать венгерский язык, потому что понимают, что знание венгерского языка можно использовать в приграничном сотрудничестве» [6].

Венгерское правительство финансирует многочисленные проекты (в сферах образования, здравоохранения, малого предпринимательства, туризма, экологии, культуры и др.), направленные на поддержку диаспоры в Украине. При этом приоритет отдается образовательным инициативам. Так, курировавший реализацию инфраструктурных проектов в Закарпатье И. Грежа (официальная должность – «уполномоченный правительства, ответственный за развитие сотрудничества медье Сабольтч-Сатмар-Берег и Закарпатской области») регулярно посещал Закарпатье. В октябре 2017 г. на пресс-конференции в с. Великая Добронь, посвященной открытию после ремонта шести венгероязычных детских садов, И. Грежа заявил, что правительство Венгрии выделило в общей сложности 4,5 млрд. форинтов на строительство и модернизацию детских садов для венгерских детей. На пресс-конференции отмечалось, что материальная база учреждений образования данного типа в Закарпатье до начала реализации проекта была в плачевном состоянии [5]. Правительство Венгрии оказывает значительную поддержку Закарпатскому венгерскому институту им. Ференца Ракоци II – венгероязычному учреждению высшего образования, функционирующему в Берегово и осуществляющему подготовку педагогов, экономистов, социальных работников, специалистов в сфере туризма. Уполномоченный министра по национальной политике П. Силадьи, выступая в феврале 2019 г. перед выпускниками института, подчеркнул особую роль учебного заведе-

ния: «Здесь к студентам относятся по-особому, преподаватели вооружают их не только знаниями, но и венгерской культурой и венгерской идентичностью, студенты получают не только информацию в стенах лекционных залов, но и возможность чувствовать себя венграми» [1].

Таким образом, официальный Будапешт использует фактор венгерской диаспоры в Украине для подчеркивания своей миссии по сохранению традиционных национальных ценностей в глобализующемся мире. Данный подход, определяющий контуры политического курса В. Орбана, значительно осложняет отношения между государствами. С другой стороны, реализация национальной и языковой политики в Украине дает основания для обоснованной критики со стороны властей Венгрии.

Литература

1. A Rákóczi-főiskola őrzi a magyarság fényét Beregszászban és Kárpátalján [Electronic resource] // Magyarország Kormánya. – Access mode: <https://www.kormany.hu/hu/a-miniszterelnok-helyettes/nemzetpolitikaert-felelos-allamtitkar/hirek/a-rakoczi-foiskola-orzi-a-magyarsag-fenyet-beregszaszban-es-karpataljan>. – Access date: 21.09.2020.

2. Fedinec, Cs. A 2017-es ukrainai oktatási kerettörvény: a szöveg keletkezéstörténete és tartalma / Cs. Fedinec, I. Csernicskó // Regio. – 2017. – № 3. – 278–300. old.

3. Magyarország blokkolja a NATO – Ukrajna tanácsuléseket, amíg nincs megállapodás a kisebbségi jogokról [Electronic resource] // Magyarország Kormánya. – Access mode: <https://www.kormany.hu/hu/kulgaszdasagi-es-kulugyminiszterium/hirek/magyarorszag-blokkolja-a-nato-ukrajna-tanacsuleseket-amig-nincs-megallapodas-a-kisebbségi-jogokrol>. – Access date: 21.09.2020.

4. Magyarország kezdeményezni fogja az EU – ukrán társulási megállapodás felülvizsgálatát [Electronic resource] // Magyarország Kormánya. – Access mode: <https://www.kormany.hu/hu/kulgaszdasagi-es-kulugyminiszterium/hirek/magyarorszag-kezdemenyezni-fogja-az-eu-ukran-tarsulasi-megallapodas-felulvizsgalatat>. – Access date: 21.09.2020.

5. Magyarországi támogatásból felújított hat magyar óvodát adtak át Kárpátalján [Electronic resource] // Magyarország Kormánya. – Access mode: <https://www.kormany.hu/hu/a-miniszterelnok-helyettes/nemzetpolitikaert-felelos-allamtitkar/hirek/magyarorszag-tamogatasbol-felujitott-hat-magyar-ovodat-adtak-at-karpataljan>. – Access date: 21.09.2020.

6. Vigyázó szemünket Kárpátaljára vetjük [Electronic resource] // Magyarország Kormánya. – Access mode: <https://www.kormany.hu/hu/igazsagugyi-miniszterium/a-miniszter/beszedekek-publikaciok-interjuk/vigyazo-szemunket-karpataljara-vetjuk>. – Access date: 21.09.2020.

ПОПЫТКИ РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Козлов О.В.,

СмолГУ, г. Смоленск, Российская Федерация

Идеи введения всеобщего начального образования активно обсуждались земскими деятелями на рубеже XIX–XX вв. Постановлением Смоленского губернского собрания 10 января 1896 г. губернской земской управе было предложено «разработать план организации всеобщего начального обучения, собрав для этого надлежащие сведения и обратив при этом особое внимание на изыскание средств к привлечению в школы возможно большего количества девочек» [1, с. 1]. Управа попросила год для подготовки проекта и планировала за это время получить от всех уездных земств разработанные ими собственные проекты [1, с. 3].

1 марта 1897 г. доклад губернской земской управы «По вопросу о проектировке школьной сети, обеспечивающей доступность начального обучения возможно большему количеству детей сельского населения губернии» был представлен вниманию Смоленского губернского земского собрания [1, с. 4–5]. Вопрос о введении всеобщего начального обучения управа признала преждевременным, приняв «во внимание низкий уровень благосостояния населения» [1, с. 5]. Речь могла идти лишь о расширении школьной сети. При этом «нормальною продолжительностью курса обучения в начальной одноклассной школе» был признан «трехлетний период» [1, с. 5]. В качестве обоснования в докладе приводились следующие подсчеты: число оканчивающих курс в среднем для всех 33-х земских губерний не превышало 9,2% комплекта учащихся. При этом подавляющее большинство (86,2%) оставляло школу «после пребывания в ней в течение одного года или двух лет», а «после 3-х лет – 11,7%, после 4-х летнего хождения 1,8% и после хождения в течении 5 и 6 лет 0,3%». Таким образом, земцы делали вывод о том, что «почти 90% детей, вступающих в школу, предъявляют спрос на посещение ее в течение лишь двух лет» [1, с. 6].

Радиус нормального школьного района на Смоленщине должен был составить три версты. Отмечалось, что только в густонаселенной Курской губернии школьная сеть проектируется на основании районов 2-х верстного радиуса. В Московской губернии, где радиусы школьных районов, «по возможности», не должны превышать трех верст, выяснилось, что селения, имеющие школы, и находящиеся от последних на расстоянии не более одной версты, принимают 57% учащихся; «селения же, отстоящие от школы до 2 верст, дают уже только 21% учащихся, свыше 2-х верст – 15%» [1, с. 8].

В своем докладе Смоленская губернская управа указала на факт переполненности почти каждой новой школы «с самого дня ее открытия».

Подобное явление «наблюдалось уже издавна и при том почти повсеместно» [1, с. 11]. По мнению земских деятелей, «крайне разнообразный возрастной состав учащихся в начальных школах» (фактически от 7 до 16 лет) при общем подсчете нуждающихся в начальном обучении привел к тому, что цифры, положенные «в основание расчетов по всеобщему обучению, поражали своею громадною и разрушали всякую надежду на достижение этой цели ранее конца XX века» [1, с. 14–15].

Члены Смоленской губернской управы полагали, что средний по губернии комплект мальчиков на одну земскую школу составляет 58 учеников. Следовательно, в губернии необходимо «сверх тех 860 школ, которыми вполне удовлетворялась бы потребность в обучении всех мальчиков первой категории (9–11 лет. – *О.К.*), еще 620 школ для удовлетворения второй категории (учащихся вне этого учебного возраста, вплоть до 16 лет. – *О.К.*)». При этом упомянутые 620 школ, вероятно, будут нужны на 5–6 лет для того, чтобы в течение данного срока урегулировать возрастной состав учащихся [1, с. 15].

В докладе пояснялось, что в уездах Смоленской губернии в соответствии с инструкциями, составленными Советами уездных училищ, возраст поступления в школу обычно был 8–9 лет, но на практике встречались и 6–7 летние ученики. Особое мнение по этому вопросу высказали представители Гжатского отделения Авраамиевского Братства. Они считали, что наилучший возраст приема в школу – 9 лет, в то время как «семилетки между учащимися составляют положительное зло для школы, а восьмилетки нежелательны» [1, с. 17–18]. Для девочек возраст понижался до 8 лет: «как в виду более раннего развития детей этого пола, *так и в виду хозяйственной необходимости для крестьян заканчивать обучение девочек в более раннем возрасте*» [1, с. 18]. Отмечалось, что население «принадлежащее к более развитому торговому или ремесленному классу, является и более склонным к обучению девочек» [1, с. 21–22].

Смоленская губернская управа предполагала для проектируемых школ наличие комплекта учащихся от 40 до 120 человек. При этом один учитель должен был обучать не более 60 учеников, при увеличении их числа до 90 преподавателю полагался помощник, а свыше 90 человек – второй учитель. На каждого обучающегося в классной комнате по норме предусматривалась площадь в 2 квадратных аршина (1,01 м²). В густонаселенных местностях предпочтение отдавалось строительству «одной большой школы устройству двух малых» [1, с. 23]. Селения же, расположенные изолированно и не имеющие минимума учащихся (40 человек), не включались в школьную сеть. Для них следовало предусмотреть создание так называемых межуездных школ [1, с. 31].

С целью лучшего понимания ситуации были составлены таблицы с указанием существующих и проектируемых школ, а также карта губернии

с из обозначением [1, с. 42]. В проект были «внесены 384 школы, удовлетворяющие принятой норме (в 3 версты. – *О.К.*), и 247 школ, ей неудовлетворяющих» [1, с. 38]. При этом выяснилась существенная разница между уездами, и уездным управам было предложено провести обсуждение проекта сети в каждом уезде для внесения изменений в губернский вариант [1, с. 39–42].

Проблема, обсуждаемая в Смоленске, волновала и общественность приграничных белорусских губерний. Попытки реализации проекта всеобщего обучения нашли отражение в «Журнале совещания инспекторов народных училищ Могилевской губернии по вопросам начального народного образования от 28 ноября – 3 декабря 1913 г.». Вопрос о выполнении решений по всеобучу был традиционным на подобных совещаниях. Было признано, что учебный год в начальных училищах должен продолжаться не менее 6 месяцев, не считая праздников [2, с. 2]. Однако в реальности учебное время составляло от 160 дней в Чериковском, до 129 дней в Оршанском уездах [2, с. 1–2]. Учителя объясняли подобное явление «невозможностью сбора учеников к учебным занятиям с 1 сентября по причине продолжающихся в деревнях полевых работ и укоренившегося среди сельского населения обыкновения задерживать определение детей в школы» [2, с. 2].

Учителя отметили и то, что «теперь сельские школы заполняются детьми вполне добровольно, а не по принуждению. Как это практиковалось в старые годы». На совещании инспекторов народных училищ Могилевской губернии было предложено «ужесточить контроль за посещаемостью школ через уездные училищные советы» [2, с. 4]. Вина за неаккуратное посещение занятий возлагалась на родителей, была признана необходимость устройства ночлежных изб [2, с. 4–5]. Причинами закрытия школ нередко становились частые болезни детей «трахомою, тифом, скарлатиною» и т.д. По этой причине, только в 1913г. в уездах Могилевской губернии было закрыто 16 школ. Совещание решило «возбудить чрез управление Виленского учебного округа вопрос об учреждении института школьных врачей для неземских училищ в городах и сельской местности губернии» [2, с. 6].

Традиционно инспекторами поднимались вопросы о религиозно-нравственном и патриотическом воспитании для привлечения детей в школу. Предлагалось чаще проводить «чтение в классах статей о выдающихся событиях, устраивать школьные праздники, народные чтения, выдачу каждому оканчивающему курс обучения в начальной школе портретов Их Величеств...». За денежными средствами для осуществления этих мероприятий учителям предлагалось обращаться «в те учреждения, которые субсидируют начальные школы в их хозяйственных и библиотечных нуждах» [2, с. 12]. На совещании также звучали предложения о необходимости лучшего финансирования и комплектования школьных библиотек [2, с. 40], о необходимости роста числа воскресных школ для взрослых [2, с. 41–42].

Мотивируя тем, что с 1906 г. в Могилевской губернии увеличивается число начальных школ, инспекторы планировали провести среди учащихся

губернии анкету «О школьной сети для обеспечения общедоступности начального обучения в Могилевской губернии». К 1918 г. было намечено выполнение проекта школьной сети, принятого Могилевским губернским земским собранием и одобренного Министерством народного просвещения. На совещании указывалось, что ежегодно в пределах губернии должно создаваться по 130 новых школьных комплектов с жалованием учителям, выплачиваемым из казны, и обеспечением хозяйственными средствами – из земских сборов. Инспекторы выразили надежду на то, что в будущем Могилевская губерния войдет в число тех губерний империи, в которых будет обеспечена общедоступность первоначального обучения детей. В то же время, члены совещания осознавали реальные трудности на этом пути, признавая, что «количество начальных училищ в Могилевской губернии за последние годы вовсе не увеличивается» [2, с. 44].

Таким образом, строя планы о предоставлении населению всеобщего начального образования, и смоленские, и могилевские деятели народного просвещения понимали, что реализовать идею к указанным конкретным датам будет трудновыполнимо. К тому же, Первая мировая война превратит эти благие пожелания в прожекты, оставшиеся лишь на бумаге.

Литература

1. Доклад № 18. Смоленской губернской земской управе чрезвычайному Смоленскому губернскому земскому собранию. 1 марта 1897 года // Журналы XXXII очередного Смоленского губернского земского собрания заседаний с 12-го по 21 декабря 1896 г. и чрезвычайного с 1-го по 4-е марта 1897 года с приложениями. Смоленск, 1897.

2. Журнал совещания инспекторов народных училищ Могилевской губернии по вопросам начального народного образования от 28 ноября – 3 декабря 1913 г. Могилев: губернская типография, 1914.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мядель А.П.,

ВГТУ, г. Витебск, Республика Беларусь

Вопросы сохранения национальной культуры и укрепления национально-культурной идентичности имеют особую актуальность для государств постсоветского пространства. Крушение тоталитарной идеологии открыло, с одной стороны, широкие перспективы для национального культуротворчества, но с другой – привнесло новые риски и угрозы, обусловленные процессом глобализации. Определение конкретной личностью смысла своего бытия в мире и приоритетов личностного роста происходит

не на пустом месте, а на основе опыта предшествующих поколений, который аккумулирует национальная культура. Потеря индивидом чувства причастности к национальному наследию дезориентирует личность и превращает ее в объект манипулирования со стороны самых разных деструктивных сил [3, с. 42]. В качестве последних могут выступать религиозно-экстремистские и радикально-националистические сообщества.

Особенностью современного этапа развития “всемирной паутины” является рост социальных сетей и увеличения числа их участников. Политические активисты и независимые журналисты публикуют аналитические материалы о различных событиях политической жизни своей страны, активно делятся своим контентом с другими. Однако социальные сети активно используют и экстремисты, оказывая сильное влияние на умы и поведение людей посредством распространения вредоносной информации. Информационные технологии, существенно преобразившие мир, актуализировали проблему унификации духовных запросов, стимулировали рост меркантилизма и потребительского отношения к жизни. Следствием этого стало нарастание противоречий между ценностями традиционной культуры и навязываемыми извне стереотипами западного образа жизни. Данная аксиологическая коллизия может разрешаться либо однозначным отказом от собственных культурных корней, либо герметизацией в пределах собственной культурной традиции. Безусловно, налицо две крайности. Задача состоит в том, чтобы несомненные преимущества новых средств межкультурной коммуникации обратить в сторону обогащения собственной культуры достижениями культур других народов. Признавая несомненную ущербность практики культурной самоизоляции, нельзя не отметить и ее определенный позитивный потенциал как средства противодействия деструктивным аспектам глобализации.

В информационном отношении все народы мира независимо от их географической удаленности и культурных различий соединены с одними и теми же источниками культурной информации. В информационном обществе пространство и время как бы сжимаются, поскольку удаленные объекты становятся доступными почти мгновенно, а это приводит к колоссальной экономии социального времени. В то же время далеко не все члены информационного общества могут практически использовать эти новые возможности, что обусловлено, главным образом, гуманитарными факторами: лингвистической культурой, информационной компетентностью, образованностью и ориентацией индивида на развитие своего интеллекта. В процессе образования новых социальных связей, которые выстраиваются в рамках глобальных информационно-коммуникационных сетей, культурная идентичность характеризуется динамизмом и нестабильностью.

Национально-культурная идентичность представляет собой сложный комплекс социальных, политических, психологических, этнических, религиозных связей и отношений. Закономерно, что ее исследование предпола-

гает соответствующий комплексный подход. Исследование культурной матрицы определенного социума предполагает анализ национально-культурной идентичности конкретных личностей, которые его составляют. Каждый индивид является носителем определенных культурных маркеров, которые обусловлены местом проживания, образом жизни, профессиональной деятельностью, конфессиональной принадлежностью и т.д. [2, с. 658]. Необходим также учет особенностей исторических судеб разных народов. Последнее обстоятельство позволяет определять выбор оптимальных вариантов практик осуществления межкультурного взаимодействия. Условием его успеха является опора на общечеловеческие ценности и идеалы гуманизма.

Виртуальная реальность, трансформируя современный мир в «мировую деревню», не устраняет существенных различий в экономическом, политическом и культурном уровне развития разных народов. Эти различия предопределяют мозаичный характер идентичности. Соответственно, насущной задачей выступает необходимость выработки интегрирующего дискурса, обеспечивающего социальную стабильность и культурную аутентичность социума.

Категория «национально-культурная идентичность» в настоящее время в значительной степени остается кантовской «вещью в себе». Обращение к данному понятию представителей разных отраслей общественно-научного знания порождает смысловую полифонию и затрудняет формирование адекватной дефиниции. Традиционные исследовательские подходы в изучении национально-культурных особенностей различных социальных образований отражают реалии индустриальной эпохи и оказываются малопродуктивными перед вызовами глобализации.

Одним из ключевых моментов формирования представления о национально-культурной идентичности выступает феномен нации. Если для развитых государств Запаदा процессы образования наций и национальных государств завершились еще в позапрошлом веке, то национальное становление постсоветских государственных образований осуществляется в принципиально новых исторических условиях.

Показателен в этом отношении пример Республики Беларусь. Ее географическое положение на цивилизационном разломе между Западом и Востоком, многовековое отсутствие собственной государственности, поликонфессиональность социума, сохранение элементов советской ментальности у определенной части белорусского этноса, а также ряд других факторов серьезно замедлили процесс национального строительства. Они же во многом способствовали возникновению множества нарративов, безапелляционно претендующих на определение национального характера белорусов: от «русских со знаком качества» до «литвино-балтов». Подобный плюрализм мнений отрицательно влияет на выбор вектора цивилизационного развития молодого белорусского государства, провоцирует по-

литическое противостояние различных социальных групп и общественных течений, затрудняет формирование общенациональных идеалов и выработку долгосрочной стратегии успешного социального развития страны.

Таким образом, изучение национально-культурной идентичности Беларуси в контексте развернувшихся процессов глобализации и сопутствующей ей информационной революции представляется актуальным и принципиально важным для обеспечения социальной стабильности и гражданского мира, для понимания и прогноза дальнейшего национально-государственного строительства и модернизации белорусского общества. «Именно национальная идентичность во взаимосвязи с гражданской есть сущностная основа сохранения идентичности страны и одновременно важнейший ресурс ее конкурентоспособности» [1, с. 79].

Литература

1. Бабосов, Е.М. Идентичность как фактор консолидации / Е.М. Бабосов // *Беларуская думка*. – 2013. – № 3. – С. 74–79.
2. Швецова, А.В. Национальная идентичность: социально-культурный и гражданско-политический аспекты / А.В. Швецова // *Обсерватория культуры*. – 2017. – Т. 14, № 6. – С. 653–661.
3. Шубин, Ю.А. Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии / Ю.А. Шубин // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. – 2011. – № 4(42). – С. 42–47.

ОПЫТ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ФЕНОМЕНА «ПОГРАНИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Наумова А.В.,

БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Поиск решения возникающих в обществе проблем культурного и цивилизационного пограничья чаще всего осуществляется на актуально-политическом, поверхностном уровне, что бывает обусловлено сиюминутной необходимостью. Однако долгосрочное прогнозирование и успешный поиск адекватных ответов на вызовы становится возможным, лишь если к проблемам пограничья подходить системно, с разных сторон и в междисциплинарном аспекте.

Общая типология исторических закономерностей обуславливает интерес белорусов к другим славянским народам – в частности, к сербской истории, культуре и литературе. Сербские земли на протяжении веков не раз захватывались, находились в составе различных государственных образований (прежде всего, Османской империи и Австро-Венгрии), а в новейшей истории сербы пережили сложнейшие коллизии межэтнического

взаимодействия, ставшие причиной кровопролитных войн и до сегодняшнего дня во многом не разрешенные. История сербов важна для анализа феномена границы как в общественно-политическом, так и историософском ключе, в том числе и в художественной литературе. «Идею судьбы может сообщить только художник – портретом, трагедией, музыкой» [6, с. 182], – писал Освальд Шпенглер, доказывая то, что одним лишь «механизирующим интеллектом» точных наук нельзя добиться того, что можно постичь через художественное произведение, «впитавшее» в себя душу культуры. Арнольд Тойнби, характеризуя свой подход к изучению истории, говорил: «...Поскольку наклон травинки действительно показывает, в какую сторону дует ветер, наблюдения сатирика могут оказаться хорошим руководством для историка» [5, с. 397]. Таким образом, в самой сути исследований локальных цивилизаций заложен интерес к различным формам искусства как богатой базе мировоззренческих ориентиров и культурного опыта.

Выделим ряд аспектов, в которых, по нашему мнению, сербская литература достигла особенно значимых результатов, ценных в контексте рассмотрения феномена границы.

Первый из них связан с осмыслением Косовского завета как центральной идеи сербского национального мировоззрения. Эта идея имеет конкретно-историческое происхождение. В 1389 году состоялась Косовская битва, исход которой трудно оценить однозначно: в ее ходе погибли оба предводителя (и турецкий султан Мурад I, и сербский царь Лазарь), обе армии понесли огромные потери. Однако именно с нее начинается турецкий этап сербской истории, длившийся более пяти веков и оставивший неизгладимые последствия. С этого момента устанавливаются многочисленные линии разделения на Балканах – между Западом и Востоком, «своим» человеком и «потурченцем», христианством и исламом, славным прошлым и унижительным настоящим, реальным и идеальным. С Косовской битвой также связано одно важное для сербов предание, запечатленное в фольклоре и церковных житиях: перед битвой царь Лазарь вынужден был сделать выбор между царством земным и Царством Небесным [4, с. 55]. Выбрав первое, он бы выиграл битву и обеспечил благоденствие своему государству. Однако царь Лазарь предпочел Царство Небесное: проиграл сражение, но указал своему народу путь к вечной жизни.

Битва на Косовом поле состоялась в XIV веке, ее прямые последствия давно в прошлом, однако общий комплекс идей того времени заложил фундамент сербского менталитета. Трагедия 1389 года определила историческую миссию сербских земель – стать пограничьем между Западом и Востоком. Более того, данные обстоятельства посеяли семя раздора среди самих сербов. Многие из них приняли ислам, что породило братоубийственные конфликты в стране.

Наиболее ярко суть завета представлена в сербских эпических песнях, в творчестве черногорского поэта Петра Петровича Негоша, а также

сербского писателя и святителя Николая Велимировича, но в той или иной форме свое отражение она находит практически во всем корпусе сербской литературы.

Как отмечал уже в XX веке сербский писатель, Нобелевский лауреат Иво Андрич, для Негоша и его соотечественников «могущественное Османское царство было действительным воплощением ада на земле, олицетворенным принципом Зла, с которым должно бороться без колебания, без примирения, более того – *безо всякой надежды* на победу» [2, с. 89]. Косовский завет – это абсолютная вера без земного утешения. Носители Косовской идеи «живут распятые между своей «землепашеской», рабской реальностью и героической обиличевской мыслью» [2, с. 83]. Этот народ так и не смирился с поражением на Косовом поле, он живет образами прошлого, которое в его сознании сливается с желанным будущим – светлым и героическим. На первый взгляд необоснованная, эфемерная, но крепкая и безусловная вера в победу добра и справедливости движет сербами на протяжении всей их истории, и одновременно разрывает их души пополам, ибо два мира – реальный и идеальный – никогда не соединятся: «Пускай будет борьба непрестанной, / Пускай будет то, чего быть не может!» [3, с. 37].

Таким образом, Косовский завет – источник естественной противоречивости сербской души, стремящейся преодолеть в себе пропасть между царством земным и Царством Небесным, действительностью и идеалом, Западом и Востоком. Перед нами трагизм существования в ситуации безальтернативного выбора; двойственность, которую представителю сербского народа удастся соединять в своей душе.

Второй аспект связан с осмыслением психологии пограничного человека и трагизма его бытия в целом. Наиболее яркие образы созданы Иво Андричем, который в своей исторической прозе исследует духовную разделенность внутри человека, «обнажая» многочисленные границы между «своим» и «чужим» в душах героев. Писатель создает рельефные образы «ничьих» людей, сопровождая их детализированной и достоверной мотивировкой поведения и характера. По Андричу, «пограничным» человек может стать как в результате осознанного выбора («потурченцы» – религиозные конвертиты, сменившие веру ради материального благополучия; левантинцы), так и в силу непреодолимых обстоятельств (дети христиан, разлученные с семьями и отправленные в Турцию; евреи-сефарды, изгнанные с Пиренейского полуострова и поселившиеся в Боснии). Все они «жертвы фатального разделения человечества», «вечные толмачи и посредники, однако души их самих полны неясного и недоговоренного; прекрасные знатоки Востока и Запада, их обычаев и верований, но одинаково презируемые и подозреваемые обеими сторонами» [1, с. 239–240].

Таким образом, в творчестве сербских авторов в силу объективных внелитературных причин особенно плодотворно осмыслялись проблемы пограничья, типологически важные для сравнения с восточнославянской

ситуацией. Важно понимать, что всякая противоречивость носит амбивалентный характер. Неустойчивое пограничье и «пограничный» человек, с одной стороны, несут печать трагизма, с другой – предрасположены к рождению новых смыслов и созданию прогрессивных идейных инноваций.

Литература

1. Андрич, И. Травницкая хроника. Мост на Дрине / И. Андрич. – М. : Художественная литература, 1974. – 686 с.
2. Андрић, И. Сабрана дела у двадест књига / Иво Андрић. – Београд : Штампар Макарије ; Подгорица : Нова књига, 2011. – Т.15 : Есеји и критике 2. – 359 с.
3. Његош, П.П. Горски вијенац / П.П. Његош. – Нови Сад : Српска књижара Браће М. Поповића, 1885. – 144 с.
4. Српска књижевност. Антологија текстова. Књ. I. / ред. И.А. Чарота. – Минск : БГУ, 2002. – 170 с.
5. Тойнби, А.Д. Постигание истории: избранное / А. Тойнби. – Москва: Айрис-пресс, 2010. – 637 с.
6. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск : Наука, 1993. – 584 с.

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Радевич Е.В.,

БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Современный опыт жизнедеятельности, осуществляемый поверх культурных границ, означает, с одной стороны, потерю традиционных символических форм, но и создание новых культурных смыслов с другой. Глобализация культуры способствует значительному расширению сознания людей, когда понятие «национальное сообщество» устаревает и начинает дополняться усилением глобального мировоззрения. Такое глобальное мировоззрение предполагает активное культурное взаимодействие, в рамках которого возрастает межкультурный диалог.

Усиление глобализационных процессов порождает активизацию усилий по сохранению, возрождению и укреплению национальных, этнических и других форм коллективной идентичности. Такого мнения, в частности, придерживается Дуглас Келлнер в своей книге «Медиа культура». «Стремление к идентичности, – пишет Д. Келлнер – возможно более интенсивное в настоящий момент, чем когда-либо» [1, р. 256]. Автор соглашается с тем, что идентичность в современной постмодернистской ситуации, наиболее сильно подвержена изменениям и наименее устойчива и едина, чем

прежде. В некоторой степени это является результатом разрушительного воздействия медиа культуры. «Реклама, мода, телевидение и средства массовой информации постоянно дестабилизируют идентичность и вносят свой вклад в производство более нестабильной, подвижной и постоянно изменяющейся идентичности на современной культурной сцене» [1, р. 256].

В то же самое время в различных частях современного мира можно заметить признаки возвращения к трайбализму и различным формам коллективной идентичности: национальной, этнической, религиозной. Это не означает, что национальная идентичность стала или скоро станет реликтом прошлого. Как раз, наоборот, многие исследователи этого вопроса считают, что национальная идентичность для большинства людей мира остается одной из важнейших форм коллективной идентичности. Э. Смит в своей книге «Национальная идентичность» говорит о ее принципиальной значимости, по ряду причин: во-первых, подчеркивается ее вездесущий характер; во-вторых, национальная идентичность широко распространена и глобальна (нет ни одной сферы деятельности, которая не была бы затронута национальными мотивами); в-третьих, существует огромное количество народов и национальных идентичностей, поэтому национальные аспекты манифестируются в социальных, политических и идеологических движениях, течениях и направлениях» [2, р. 143].

Учитывая сложность глобальных культурных процессов, вполне ожидаемо проявление их неравномерных и противоречивых последствий. В определенных условиях эти глобальные культурные потоки могут изменить традиционное проявление национальной идентичности в сторону некоторой гомогенности. В других случаях, они могут способствовать выражению нового культурного партикуляризма; в-третьих – могут поощрять формы культурной «гибридности». В связи с этим, следует отметить, что, несмотря на наличие процессов американизации, обезличивающих другие культуры, о которых говорят многие исследователи, в современном мире едва ли можно встретить общество, обладающее своей аутентичной, самодостаточной культурой. В то же время, тем мыслителям, которые поддерживают идеологию вестернизации и распространение консьюмеризма, не следует забывать о негативных последствиях этих процессов – массовизация культуры, резкое сокращение традиционных особенностей, а также коммерциализация природы и общества.

Потеря идентичности ведет к маргинализации, усилению партикулярных тенденций и нарушению фундаментальных связей в культуре. Кризис идентичности затрагивает все ее возможные индивидуальные и групповые формы – начиная от национальной и этнической, вплоть до такой формы идентичности, которая всегда мыслилась как примордиальный феномен – гендерная принадлежность. Вопрос национальной, политической, культурной и религиозной идентичности становится наиболее актуальным в виду существенной трансформации социальных структур под

воздействием современных глобальных ИКТ. Сетевые сообщества людей, которые формируются в виртуальном пространстве, существенным образом нарушают традиционные механизмы идентификации.

Проблема самоопределения человека или даже целой группы людей также очень остро встала на постсоветском пространстве. После распада СССР транзитивным обществам предстояло обрести свое политическое и культурное самоопределение. Становление глобального мирового сообщества продиктовало определенные условия для стран переходного периода, которые также не могли избежать на себе влияния идеологии консьюмеризма и массовой культуры. Новая форма гражданской идентификации «замещается феноменом так называемого “культурного гражданства”, основанного на общности потребления, – отмечает Н. Стивенсон. – Сегодня гражданство оказывается в меньшей степени связанным с формальными правами и обязанностями и в большей – с потреблением экзотических продуктов, голливудских фильмов, популярной музыки или австралийских вин. Исключение из потребления этих продуктов означает исключение из гражданства в западном обществе» [3, с. 5].

Для так называемых транзитивных обществ весьма актуальным на сегодняшний день становится построение своей модели развития, аккумулируя опыт западных стран. Страны переходного типа, к которым относятся и Беларусь, постепенно меняют свои ценностно-мировоззренческие ориентации, приоритеты социокультурной динамики под влиянием процессов глобализации. Поэтому первостепенная задача для них на сегодняшний день – вписаться в формирующееся глобальное социокультурное пространство, избежать вытеснения на культурную периферию, но, в то же время, сохранить свою собственную уникальность и не раствориться на культурологической карте мира.

Литература

1. Kellner, D. Media culture: cultural studies, identity and politics between the modern and post-modern / D. Kellner. – London ; New York : Routledge, 2000. – IX. – 357 p.
2. Smith, A. National identity / A. Smith. – London : Penguin Books, 1991. – IX. – 226 p.
3. Стивенсон, Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство / Н. Стивенсон // Глобализация: контуры XXI века : реф. сб. : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Горбачев-фонд ; редкол.: Ю. Н. Игрицкий (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – Ч. 3. – С. 5–12.

АСАБЛІВАСЦІ НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАГА ЖЫЦЦЯ БЕЛАРУСАЎ ЗАМЕЖЖА Ў СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ

Слямнёў М.А., Важгурава А.У.,

ВДУ імя П.М. Машэрава, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь

Тэма «беларусы замежжа» – аб’ект даследавання прапанаванага паведамлення – прадстаўляе цікавасць як у навуковым, так і практычна-прыкладным, прагматычным плане. Навукоўцаў у першую чаргу цікавіць, якія якасныя змены адбываюцца ў нацыянальна-культурным жыцці нашых суайчыннікаў, асабліва ў кантэксце глабалізацыі сучаснага грамадства. Практыкаў (палітыкаў, эканамістаў, прадпрымальнікаў і г.д.) – магчымасці выкарыстання беларускай дыяспары для развіцця міжнароднага супрацоўніцтва, павышэння іміджа Беларусі ў краінах яе існавання і інш.

Спачатку адзначым, што па прыблізных падліках у цяперашні час у далёкім і бліжнім замежжы жыве каля 3 млн, як іх часам абцякальна называюць, «выхадцаў з Беларусі», якія з’яўляюцца, умоўна кажучы, альбо нашымі «братамі па крыві (этнічныя беларусы), альбо «па глебе» (яны самі або іх продкі ў свой час «укараніліся» ў беларускую зямлю, далучыліся да традыцый і звычаяў народа, мовы і культуры, а затым з’ехалі ў іншыя краіны).

Прычыны перасялення як першай, так і другой катэгорый асоб у чужыя краі – тэма спецыяльнага разгляду. Але калі здзейсніць кароткі экскурс у параўнальна недалёкае гістарычнае мінулае, то гэта, перш за ўсё, наступствы эканамічнага і ваенна-палітычнага крызісу Расіі ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя, Сталыпінскія рэформы, Першая Сусветная вайна, Кастрычніцкая рэвалюцыя і наступная за ёй грамадзянская вайна, рэпрэсіі 30-х гадоў, Вялікая Айчынная вайна, будоўлі сацыялізму і камунізму, пасля завяршэння якіх многія працавітыя беларусы заставаліся на асвоеных тэрыторыях і, нарэшце, распад СССР. Асаблівую групу «замежных беларусаў» утвараюць т.зв. «аўтахтоны», карэнная нацыянальная меншасць, прадстаўнікі якой ніколі не пакідалі арэал свайго пражывання, а проста перасоўваліся дзяржаўныя межы паміж краінамі-суседзямі (беларусы Бела-сточчыны ў Польшчы, Віленскага краю – у Літве, памежных раёнаў Пскоўскай, Смаленскай і Бранскай абласцей – у Расіі і Віцебскай і Магілёўскай – у Беларусі).

Статыстыка рассялення беларусаў замежжа ў розных рэгіёнах свету даволі прыблізная. Па некаторых звестках, у Расіі сёння пражываюць каля 800 тысяч беларусаў, Украіне – 270 тысяч, Казахстане – 100 тысяч, Літве – 55 тысяч, Польшчы – 50 тысяч, Эстоніі – 20 тысяч. Што тычыцца вельмі далёкіх ад нас геаграфічных месцаў – ЗША, Канады, Лацінскай Амерыкі,

Аўстраліі і інш., то колькасныя паказчыкі тут вельмі разыходзяцца і нярэдка бяруцца, як кажуць, «са столі».

Нацыянальна-культурны лёс беларускіх мігрантаў, як зрэшты, і аўтахтонаў, складваўся па-рознаму. Значная іх частка з часам паглыналася новым асяроддзем сацыяльнага пражывання і ў выніку цалкам губляла этнічныя і культурныя прыкметы свайго народа. Некаторыя захоўвалі іх на сямейным узроўні. У месцах жа кампактнага пражывання ствараліся рознага роду беларускія арганізацыі: зямляцтва, клубы, нацыянальна-культурныя таварыствы, цэнтры, аб'яднанні і нават рэгіянальныя аўтаноміі. Да прыкладу, у Расіі сёння маецца каля 90 беларускіх арганізацый, у Польшчы – больш за 20 і т.д. Менавіта яны складаюць этнічны і нацыянальна-культурны субстрат дыяспары, якая з'яўляецца інстытуцыйным фарміраваннем, адметнай супольнасцю з выразным уяўленнем аб агульнай радзіме і выбудоўваемых на гэтай аснове калектыўнай сувязі і групавой салідарнасці.

Многія з азначаных таварыстаў абмяжоўваюць сваю дзейнасць толькі захаваннем і прапагандай нацыянальна-культурных традыцый, старажытных беларускіх абрадаў, фальклорнай спадчыны. Гэта таксама добра, але, безумоўна, недастаткова. Галоўная задача – узбраенне новага пакалення беларусаў замежжа роднай мовай – азначальнай рысай любой нацыі. Пазітыўны вопыт у гэтай справе назапашаны беларускімі дыяспарамі Польшчы, Літвы, Малдовы і інш. Але гэта не правіла, а хутчэй выключэнне з яго. Стан ведання роднай мовы маладымі беларусамі замежжа, у тым ліку і ў Расіі, вельмі нізкі. На вялікі жаль, і сама Беларусь ня можа пакуль ганарыцца ўзроўнем нацыянальна-моўнай адметнасці сваёй моладзі. Абмеркаванне гэтага далікатнага пытання не ўваходзіць у нашы задачы.

Для нармальнага функцыянавання і развіцця дыяспары ў прававым полі краіны пражывання вельмі неабходна нацыянальна-культурная падтрымка метраполіі. Маладая беларуская дзяржава адразу ж пасля здабыцця незалежнасці пачала яе аказваць і на заканадаўча-прававым, і на практычна-арганізацыйным узроўні. Гэтая праца настойліва праводзілася і ў наступныя гады. Да прыкладу, можна адзначыць маштабныя дзяржаўныя праграмы «Беларусы ў свеце» (2011–2015 гг.), «Культура Беларусі» (2011–2015 гг.), «Развіццё канфесійнай сферы, нацыянальных адносін і супрацоўніцтва з суайчыннікамі за мяжой» (2011–2015 гг.) і інш.

Варта, аднак, прызнаць, што, нягледзячы на значныя поспехі па ўсталяванні сувязяў з замежнымі суайчыннікамі дзяржаўная дыяспаральная палітыка Беларусі ў сваім канцэптуальна абгрунтаваным і заканадаўча аформленым выглядзе была прадстаўлена толькі ў 2014 годзе ў Законе РБ «Аб беларусах замежжа» [1]. Гэта рамачны, праграмны дакумент, шэраг яго палажэнняў з'яўляецца «семантычна размытым» і

патрабуе спецыяльнага тлумачэння. У той жа час у ім выразна пазначаны прынцыпы, мэты і асноўныя накірункі дзяржаўнай палітыкі ў галіне адносін з беларусамі замежжа, распрацаваны адпаведныя нормам міжнароднага права магчымыя формы і метады іх падтрымкі, вызначаны паўнамоцтвы Прэзідэнта, урада, міністэрстваў замежных спраў, культуры, адукацыі, Упаўнаважанага па справах рэлігіі і нацыянальнасцяў, абласных і Мінскага гарадскога выканаўчых камітэтаў, Кансультатыўнага савета па справах беларусаў замежжа і іншых дзяржаўных органаў і грамадскіх арганізацый.

Асаблівая ўвага звернута на тое, што дзяржаўная палітыка ў галіне адносін з беларусамі замежжа павінна быць накіравана на захаванне нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці нашых суайчыннікаў, аказанне садзейнічання ў рэалізацыі іх нацыянальна-культурных і іншых правоў з улікам міжнароднага і нацыянальнага заканадаўства краін пражывання, забеспячэнне салідарнасці беларусаў ва ўсім свеце, максімальнае выкарыстанне магчымасцей дыяспары для развіцця беларускай дзяржавы і прасоўвання яе пазітыўнага іміджу, стварэнне спрыяльных умоў для жадаючых вярнуцца на гістарычную радзіму.

Прынцыпова важна, што ў законе даецца аперацыянальнае, і, увогуле, прыдатнае для практычнага прымянення вызначэнне паняцця «беларусы замежжа» [Артыкул 1, Артыкул 4]. Беларусамі замежжа лічацца грамадзяне Рэспублікі Беларусь, якія пастаянна пражываюць за яе межамі; замежныя грамадзяне і асобы без грамадзянства, якія пражываюць у іншых дзяржавах пры ўмове, што яны самі або іх продкі па прамой ўзыходзячай лініі нарадзіліся або пражывалі на тэрыторыі сучаснай Беларусі; і, нарэшце, любыя замежныя грамадзяне і асобы без грамадзянства, якія пражываюць у іншых дзяржавах і ідэнтыфікуюць сябе як беларусы па этнічных і сацыякультурных прыкметах. Этнічны прынцып тут не з'яўляецца самадаўлеючым. Але пры гэтым асэнсаваная самаідэнтыфікацыя, як акцэнтуюцца ў законе, павінна быць абавязкова падмацавана грамадскай або прафесійнай дзейнасцю па захаванні беларускай мовы, развіцці беларускай культуры за мяжой, умацаваннем дружалюбных адносін дзяржаў грамадзянскай прыналежнасці або пастаяннага месца жыхарства беларусаў замежжа з Рэспублікай Беларусь і іншымі пацверджаннямі добраахвотнага выбару на карысць умацавання духоўнай і культурнай сувязі з народамі Беларусі і яго дзяржавай [Артыкул 4].

Прыняцце Закона РБ «Аб беларусах замежжа» дазваляе не толькі сістэматызаваць працу дзяржаўных і недзяржаўных структур па ўдасканаленні сувязяў з «замежным сегментам» беларускага народа, але і арганічна ўпісаць яе ў строгі кантэкст міжнароднай дзейнасці дзяржавы.

Напрыканцы адзначым, што беларуская дыяспара як блізкага, так і далёкага замежжа неаднастайная па сваіх ідэйна-палітычных і ідэалагічных

поглядах. Маецца нямала арганізацый, якія вельмі крытычна адносяцца да ўнутранай і знешняй палітыкі РБ (гэта, у прыватнасці, яскрава паказалі падзеі, звязаныя з выбарамі Прэзідэнта РБ у жніўні 2020 года).

Пры правядзенні дзяржаўнай дыяспаральнай палітыкі з такім фактам неабходна лічыцца і ставіцца да яго з разуменнем. Развітая дыяспара заўсёды спрошчана рэпрэзентуе шырокі спектр палітычных і ідэалагічных поглядаў свайго народа. Самім жа канфліктуючым беларускім арганізацыям за мяжой варта шукаць аб'яднальныя каштоўнасці. Галоўная сярод іх – захаванне нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці, асабліва роднай мовы, пошук шляхоў процідзеяння працэсам асіміляцыі ў краінах пражывання з улікам татальнай глабалізацыі сучаснага грамадства. У адваротным выпадку беларуская дыяспара як унікальны этнічны і сацыякультурны феномен праз некалькі пакаленняў можа знікнуць у большасці краін свету.

Літаратура

1. Закон Рэспублікі Беларусь «Аб беларусах замежжа» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://belros.org/doc/zakon_belorus_zarubeg_2014.pdf. – Дата доступу: 18.09.2020.

III. ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДСТВА МИНИМИЗАЦИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

ПОГРАНИЧНЫЕ СВОЙСТВА ЭКРАНА В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

Адамов А.А.,
БГУКИ, г. Минск, Республика Беларусь

Экранные плоскости в поле зрения современного человека составляют неотъемлемую часть визуальной среды. От персональных, миниатюрных экранов смартфонов, до гигантских рекламных панелей на фасадах зданий и экранов в кинотеатрах. Экраны, как пишет Л. Манович, «есть у авиадиспетчеров, операторов компьютеров, секретарей, инженеров, врачей и пилотов; нас окружают экраны банкоматов, касс в супермаркетах, автомобильные панели управления и, конечно, мониторы компьютеров» [3, с. 157]. При этом, экран – это всегда носитель, посредник информации. Новые медиа, определяющей особенностью которых является интерактивность, превратили экран в подобие пульта управления, где пользователю предоставляется возможность управлять блоками данных, производить манипуляции с визуальными образами и взаимодействовать с другими пользователями в пространстве социальных сетей. В любом случае, как можно заметить, экрану отведена роль посредника в работе с информацией, сам же он выступает границей миров аналоговой и цифровой репрезентации.

Чтобы приблизиться к пониманию пограничных свойств экрана, стоит обратиться кратко в генеалогию понятия. Этимологически слово экран отсылает к полотнам, которые могли служить преградой, защитой от чего-то, щитом. С изобретением кинематографа экраном стали называть раму, обтянутую белой тканью. Он на себя принимал свечение проектора, в буквальном смысле отражал его и делал образы видимыми. Е. Сальникова к экранам относит стену здания, забор, асфальтированную поверхность – то есть те поверхности, на которые «может быть нанесено изображение, а потом смыто, покрашено, убрано, перечеркнуто, снова нанесено» [4, с. 164]. Холст же автор к экранам не относит по причине невозможности отчуждения от него изображения. Интересно замечание, на котором акцентирует внимание читателей Л. Манович, согласно которому «современные параметры кино- и компьютерного экрана аналогичны тем, что характерны для картин XV века», т.е. основные пропорции поверхностей для репрезентации не изменились за пять веков [3, с. 136]. Более того, компьютерные мониторы, по мнению Л. Мановича, тоже испытывают пропорциональную

зависимость, автор утверждает: «поэтому неслучайно, что сами названия двух основных форматов компьютерных дисплеев указывают на два жанра живописи: горизонтальный формат обозначается как “ландшафтный режим”, в то время как вертикальный называется “портретным” режимов» [3, с. 136]. Если картина представляет некий субъективный взгляд на мир (взгляд художника), то экран транслирует субъективность медиа или пользователей в пространстве социальных медиа.

Продолжая логику определения экранов, к ним иногда относят живописные картины, фрески, другие плоскости с возможностью помещения на них образов, проекций. Эта и без того широкая коннотация дополняется экраном как медийным артефактом с гибкой и динамической природой. Такая широкая интерпретация экрана необходима для генеалогии данного понятия, когда для анализа экранной культуры важно обращение к его узкому значению – динамическому экрану. Динамический экран получил широкое распространение во времена вторжения кинематографической реальности и сейчас он является наиболее актуальным и востребованным. Динамический экран в медиакультуре предназначен для трансляции визуального образа как цифрового кода.

Как часто случается, все передовые разработки приходятся на военную промышленность. Так произошло и с первыми экранами, которые «были экранами радаров, выполнявших функцию наблюдения за воздушной войной и управления ею. Даже катодные лучевые трубки предвоенного телевидения Би-би-си служили не столько для развлечения британцев, сколько для внедрения оптической системы раннего предупреждения» [1, с. 66–67]. Со времени массовизации телевидения, экран стал информационным порталом, свет из которого, в буквальном смысле, делал видимым отдаленные события, приближал неизведанные места и просвещал. В конце 1970-х – 1980-х годов, как пишет Н. Кириллова, на главенствующую позицию в «США, Англии, Италии, Франции, Японии выходит телевидение – сначала эфирное, затем – кабельное и, наконец, спутниковое» [2, с. 226]. Очередной виток экранной культуры связан с появлением персональных компьютеров в других расширениях человека. Трансформация экранной культуры, вызванная экспансией экранов в пространство коммуникации наиболее глубоко ощутима в плоскости тактильного опыта повседневности – сейчас с помощью экранов происходит управление большим количеством технических средств, а сам он служит точкой взаимодействия пользователя и техники, механизма. Можно вовсе не знать, как функционирует соковыжималка, из каких деталей она состоит, но информационная панель подскажет, какую кнопку стоит нажать, что получить свежий сок. С помощью интерфейсов экран становится пунктом управления смартфоном, банкоматом, планшетом и др.

При этом экран по своей природе является отнюдь не нейтральным транслятором. Он способен кадрировать, отсеивать, выхватывать до, что

репрезентует. Экран становится окном в пространство информации и привлекает зрителя входить в режим просмотра. Так, экраны можно разделить по: динамичности (стационарный/мобильный), форме (плоский, изогнутый), ориентации в пространстве (вертикальный/горизонтальный), размеру, функциональной направленности и трансляционным возможностям (предназначенные для рекламы, созерцания или непосредственного управления).

Таким образом, экран выступает гибким, динамичным, интерактивным медиумом для трансляции визуальных образов в медиакультуре. Мир цифровой репрезентации с помощью экранов дополняет физический мир образов, где самим экранам отведена пограничная роль – роль транслятора, интерпретатора и медиатора.

Литература

1. Болц, Н. Албука медиа / Н. Болц. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 136 с.
2. Кириллова, Н. Б. Медиакультура как объект исследования / Н.Б. Кириллова // Известия Урал. гос. ун-та. – 2005. – № 35. – С. 63–74.
3. Манович, Л. Язык новых медиа / Л. Манович. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.
4. Сальникова, Е.В. Визуальная культура в медиасреде / Е.В. Сальникова. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – 551 с., [12] л. цв. ил.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ

Веденеева Г.И.,

ВГУ, г. Воронеж, Российская Федерация

Современный этап в развитии теории духовно-нравственного воспитания характеризуется приобщением детей и молодежи к общечеловеческим и национальным ценностям. Обеспечение в процессе воспитания духовного единства с окружающей действительностью формирует ответственность за и сопереживание развивающейся личности за происходящее в реальном социуме.

События внешнего мира воздействуют на личность неоднозначно: какие-то из них принимаются без доказательств, другие отвергаются в связи с убеждениями, уровнем воспитанности чувств, накопленным опытом нравственного поведения, сформированными жизненными ценностями.

Воспитание личностных ценностей – многофакторный процесс. В соответствии с теорией отражения выделяют три группы факторов: природно-социальные (природа, этнос), психологические (психология и пси-

хофизиология субъекта) и педагогические (включение воспитанников в деятельность) [2, с. 15].

Объекты природно-социальной сферы, как правило, подразделяют на естественные и знаково-символические. Воздействие первых происходит на уровне чувств и эмоций через непосредственное восприятие явлений. Воздействие вторых (знаков и символов) осуществляется на уровне сознания, программирования и регулирования поведения личности. Они становятся средствами воспитания духовности и нравственности личности, если педагогом изучается и используется в практике воспитания их ценностно-смысловое содержание.

Все, что несет информацию о других предметах и явлениях, можно рассматривать как знак. В знаке опредмечены знания, опыт, навыки, отношения и смыслы. «Знак – это любой элемент действительности, опосредующий нашу теоретическую деятельность» [4, с. 210]. В форме знаков естественного и искусственного языков фиксируются знания. Представления, понятия, суждения формируют в сознании человека образ, способный быть мотивом поступков. Известный физиолог Н.А. Бернштейн писал: «Ясно, что побудительной причиной действия служит не сама цель, а образ, код или предвосхищающая модель наметившейся цели» [1, с. 208].

Педагогу в процессе духовно-нравственного воспитания важно осознавать, что знак имеет социальный характер. Его содержание задано каждому из нас обществом или оно формируется в процессе совместной деятельности людей.

Знак несет информацию о своем создателе, об эпохе, о культуре людей [4, с. 211]. Знаки, с одной стороны, – материальны, с другой – идеальны, так как наполнены идеальным смыслом, значимым для воспитания юношества. В процессе жизнедеятельности формирующейся личности конкретные правила поведения в воспитательном пространстве воспринимаются в виде знаков, зрительное восприятие которых позволяет им в свернутом виде удерживать смысл правила.

Смысловое значение знака – это его возможность фиксировать определенные стороны, черты, характеристики обозначаемого объекта, определяющие область приложения знака.

Исторически первичным средством познания и общения является естественный язык. Язык, представляя собой древнейший способ познания и общения, способен быть носителем богатейших сведений из жизни людей разных эпох, народов и народностей. Кладезь мудрости выражен, прежде всего, в устных источниках духовной жизни любого этноса – в былинах, песнях, рассказах, сказках и т.д.

Знаки добрых деяний человека запечатлены не только в народном творчестве людей. Столь же сильно они представлены в архитектуре, скульптуре, произведениях литературы, графического искусства и в других наглядных источниках (монетах, значках, марках и др.). Памятники искус-

ства, повествуя о духовных и культурных ценностях общества, переносят зрителя в историю прошедших событий, побуждая его к сопереживанию, сочувствию, состраданию или гордости за поступок героя.

Одно и то же явление, предмет, слово могут быть и знаком, и символом. Символ – это знак особого рода. Символы, как правило, отражают абстрактное содержание тех объектов окружающей действительности, которые относятся к определенным сторонам социальной жизни (знамя, гимн, герб страны или родного края, эмблема класса и др.). Символ означает смысл событий, утверждающих те или иные ценности, принципы в жизни отдельных социальных общностей или общества в целом.

По мнению Н.Н. Зубковой, символ отражает духовность, тогда как знак выражает идеи нравственности [3]. В знаках и символах «зашифровано» отношение личности к явлениям, предметам, правилам и нормам, принятым в обществе.

Использование знаково-символических средств в воспитательной работе способствует идентификации личности с окружающим социумом, осознанию принятия его ценностей, осмыслению моральных явлений, устойчивой линии духовно-нравственного поведения.

Учитывая воспитательный потенциал знаково-символических средств, педагог нацелен на:

- выявление ценностно-смыслового значения объектов окружающей действительности, сущность и назначение которых состоят в сохранении и укреплении гуманных отношений между людьми;
- формирование у обучающихся уважительного отношения к наследию прошлого, к культуре народа, запечатленной в знаково-символической форме;
- побуждение обучающихся к моральному творчеству, развитию нравственного опыта совместной деятельности, обогащаемой новыми символами добрых деяний.

Литература

1. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движения и физиологии активности. – М.: «Медицина», 1966. – 344 с.
2. Веденеева Г.И. Духовно-нравственное воспитание школьников в процессе познания родного края: автореф. дис. докт. пед. наук / Г.И. Веденеева. – М., 2018. – 40 с.
3. Зубкова Н.Н. Знаково-символическая организация пространства обучения школьников как фактор духовно-нравственного развития школьников / Н.Н. Зубкова // Гуманизация образования. – 2012. – № 3. – С. 23–29.
4. Общая психология / под ред. А.В. Петровского. – М.: Издательский центр Академия, 1998. – 512 с.

ФЕНОМЕН «ЛИБЕРАЛЬНОГО ФАШИЗМА» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКСПАНСИИ

Далимаева Е.О.,

ВГУ имени П.М. Машиерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Актуальность темы данного исследования связана с существованием в современной гуманитаристике нескольких отчетливо наблюдаемых нарративов. Первый из них заключается в повсеместной констатации нахождения современной цивилизации (причем под современной чаще всего понимается западная цивилизация) в глубоком духовном кризисе, связанном с падением нравственности, развитием общества потребления, угасанием патриотизма, растущим экзистенциальным разъединением человечества. За скобками данного исследования остается вопрос, присущ ли подобный пессимистический взгляд на мир представителям незападной гуманитаристики. Следует оговориться, что под понятием гуманитаристики мы подразумеваем научную дисциплину, которая исследует гуманитарный аспект бытия человечества в историческом контексте, с акцентом на идеи, ценности, институты и идентичности. Другой нарратив заключается в том, что при повсеместном согласии в признании духовного кризиса западного мира критика ключевых идей, в первую очередь, идей либерализма и демократии, является поводом для обвинения критикующего в том, что он несовременен, ретрограден, авторитарен и должен быть наказан за свои неподобающие идеи как минимум, социальным осуждением, как максимум, разрушением карьеры и вычеркиванием из числа ученых. Свобода слова, с точки зрения таких «осуждателей», должна быть гарантирована только тем, кто разделяет их взгляды.

Таким образом, мы наблюдаем определенный парадокс существования современного «либерального» общества, которое, с одной стороны, добровольно признает кризис и упадок социальных институтов, построенных на идеях либерализма, рыночной экономики, прав человека и т.д., с другой – яростно сопротивляется идее ввести в общественную дискуссию саму возможность пересмотра идеологических основ западной цивилизации, при том, что эмпирически очевидными становятся все более серьезные различия между декларируемыми ценностями и существующими практиками. При описании данного расхождения все чаще используется определение «либеральный фашизм», вошедшее в понятийное поле современной гуманитаристики благодаря одноименной книге Джоны Голдберга, вышедшей в русском переводе в 2012 году [1, с. 2].

В связи с этим, целью данного исследования является анализ проблемы связи либеральной и фашистской идеологии, описание феномена «либерального фашизма» как доминирующей идеологической программы в практике общественного дискурса социума, построенного на «западных»

ценностях. Под дискурсом в данном контексте мы подразумеваем вербально артикулированную форму объективации содержания человеческого сознания, регулируемую доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности.

Материалы и методы. Материалом для написания данной работы послужили книга Джоны Голдберга «Либеральный фашизм», а также публикации в СМИ, в том числе в сети Интернет, посвященные проявлениям «либерального фашизма» в современности. Используются общенаучные методы эмпирического описания, сравнительного анализа, общелогические методы анализа и синтеза, классифицирования, сравнения, аналогии, обобщения.

Результаты и их обсуждение. Понятие «либеральный фашизм», на первый взгляд, выступает как оксюморон, «сочетание несочетаемого», и вызывает инстинктивное отторжение, поскольку мы привыкли к исключительно положительной коннотации понятия «либерализм» и исключительно негативному восприятию понятия «фашизм». Между тем, о либеральном тоталитаризме, о профашистской эволюции как новых, так и старых демократий, писали многие исследователи, включая Л. Ларуша, Н. Хомски и У. Питта [3, с. 42].

Либеральный фашизм – это практика двойных стандартов, возведенная в абсолют, это фиктивное следование принципам либерализма в сочетании с самыми деструктивными методами «затыкания ртов», медийной травли, умело разжигаемой квалифицированными пиар-технологами, по отношению к тем, кто высказывает «устаревшие», слишком консервативные взгляды, осмеливается заявлять о своей приверженности традиционным ценностям. К примеру, известная писательница Джоан Роулинг недавно неосмотрительно пошутила над публикацией, где вместо слова «женщины» использовали понятие «люди, у которых есть менструация», чтобы не обидеть т.н. «небинарных» граждан. После этого на нее ополчилась существенная часть прогрессивного населения, в основном принадлежащая к так называемому «ЛГБТ+»-сообществу, которая стала показательно сжигать под запись в Инстаграм книги о Гарри Поттере [4]. Очень показательное совпадение, не правда ли? Либерально настроенная публика препятствует публичному выступлению персон, которые высказывают иные взгляды, не совпадающие с текущей повесткой толерантности. Характерна в этом контексте история политолога Чарльза Мюррея, который в своей работе 1994 года «Колокольная кривая» эмпирически замерил разницу между показателями IQ представителей разных рас. Спустя более 20 лет после выхода этой работы Мюррей по-прежнему сталкивается со сложностями в организации своих выступлений, в том числе в университетах и колледжах США. В 2017 году, к примеру, было сорвано его выступление в Беркли, а полиция честно призналась, что она не в состоянии обеспечить безопасность Мюррея на подобных встречах. При этом опрос, ко-

торый провели журналисты среди протестующих, показал, что из 20 опрошенных человек никто собственно работу Мюррея не читал, поскольку, как выразился один из них, «я слишком занят, чтобы знакомиться с сочинениями белого расиста» [5]. Причем ключевое слово здесь – не «расист», а «белый». Джона Голдберг подчеркивает, что в современном обществе существует и «черный», и «цветной» расизм, приводя в пример организацию «Черные пантеры» – милитаристскую группировку молодых мужчин, исповедующих насилие, сепаратизм и расовое превосходство, или писателя-афроцентриста Леонарда Джеффриса, который считал, что чернокожие – это «солнечные люди», а белокожие – «ледяные люди». «Почему, – задается вопрос Голдберг, – в тех случаях, когда белый человек высказывается таким образом, он «объективно» считается фашистом, но когда то же самое говорит представитель неевропеоидной расы, то это воспринимается всего лишь как выражение модного мультикультурализма?» [1, с. 15]

Подобных примеров расхождения действительности с декларируемой приверженностью демократическим ценностям и правам человека можно приводить множество. Огромные протестные акции «желтых жилетов» на улицах Парижа, выступления в Мадриде и Барселоне – почему власть, которая позиционирует себя, как демократическая, не прислушивается к воле народа? Должна быть немыслима при либеральной демократии и тотальная слежка за гражданами, наличие которой после разоблачений Э. Сноудена и Дж. Ассанжа уже никем не оспаривается. Не слишком согласуется с демократией и ставшее на Западе обыденным вмешательство чиновников из ювенальной юстиции в дела семьи и частную жизнь людей.

Заключение. Таким образом, мы имеем дело с целенаправленно подавляемой свободой высказывания не согласующихся с устоявшейся идеологией мыслей. Одновременно намеренно конструируется информационный поток с целью формирования определенного политического дискурса, мнений, убеждений в сознании современной молодежи, студенчества. Это ситуация получила в современной исследовательской литературе название «постправды», а цивилизация, в которой событие «считается реальным только если его показали по телевизору» определяется как шоу-цивилизация [2, с. 4]. Отсюда следует жизненная необходимость формирования навыков критического мышления у подрастающего поколения; масштабного противодействия укореняющейся практике «либерального фашизма»; необходимость обучения выстраиванию цивилизованного и цивилизационного диалога; умению уважать свои и чужие границы, как в реальном, так и в ментальном пространстве; противостоять глобальной информационной экспансии, чтобы не получить будущее, в котором людей, как в романе Дж. Оруэлла, будут наказывать за «мыслепреступления».

Литература

1. Голдберг, Дж. Либеральный фашизм: пер. с англ. / Дж. Голдберг. – М.: Рид Групп, 2012. – 512 с.
2. Ильченко С. Н. Шоу-цивилизация: конец реальности? – СПб.: ИВЭСЭП, 2014. – 198 с.
3. Самарин, А.Н. Неолиберальный фундаментализм против социальной солидарности // Международные научные исследования. – 2010. – № 3-4. – С. 40–45
4. Трансфобия: Роулинг оказалась замешана в очередном скандале // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/popcorn/687788.html>. – Дата доступа: 25.09.2020.
5. Фашизм наступает [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazettco.com/liberalnye-fashisty-nastupayut/> – Дата доступа 28.09.2020.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Баньковская Ю.Л.,

БГАТУ, г. Минск, Республика Беларусь

Одной из значимых тенденций функционирования современного общества является распространение и развитие сетевых структур, их внедрение во все сферы жизнедеятельности общества. «Сети составляют новую социальную морфологию нашего общества, и распространение сетевой логики модифицирует операции и результаты в процессах производства, опыта, власти и культуры» [3, с. 500]. Они формируют новое пространство жизнедеятельности людей, затрагивая сущностные стороны межличностных взаимоотношений. К числу актуальных задач исследования процессов, происходящих в мире, относится выявление специфики функционирования конфликтов, происходящих в сетях.

Взаимодействие сетевых структур основано на наличии разнообразных связей и отношений между ее элементами, которые задают множество функциональных возможностей для существования социальной системы. Данное множество может содействовать как ее изменению и развитию, так и продуцирует различные противоречия, содействующие ее гибели. Следовательно, необходимо выработать такие средства и способы трансформации исходной модели взаимодействия элементов, которые были бы нацелены на активизацию процессов, направленных на преобразование и стабилизацию социальной системы. Устойчивость и стабильность общества становится все более зависимой от действий и намерений других государств. Все большими возможностями для навязывания своей воли и по-

требностей на международной арене, создающими угрозу для стабильного существования социальной системы, представляют собой сетевые структуры гангстеров, наркодилеров, террористов.

Среди негативных аспектов существования сетевых структур можно обозначить утрату индивидуальности, традиционных ценностей, социальных структур, повышение роли сетевых символов. «Мы из обычных людей, из людей иерархических, со своим отношением к насилию, праву, к возможному и невозможному, к морали и нравственности, превращаемся в сегменты глобальной паутины» [1, с. 34]. Отсутствие универсальных формально разработанных норм и стандартов взаимодействия элементов приводит, с одной стороны, к повышению уровня свободы и творчества, с другой стороны, к росту безнаказанности. Для каждого сетевого образования присущи свои ценностно-нормативные стандарты, регулирующие процесс взаимодействия субъектов. Большинство сетей функционируют на основании традиционно принятых в обществе ценностей. Однако существует множество сетевых объединений, нормы которых отличаются от общепринятых. Кроме того, затрудняет процесс выработки и соблюдения социально-нормативных стандартов анонимность взаимодействия людей, заключающаяся в неполноте имеющейся информации о собеседнике либо ее отсутствии. Сетевой элемент может репрезентировать себя в соответствии с образом, не отвечающим действительности. Соккрытие истины, конструирование мифической фигуры вследствие отсутствия физической представленности в основном не имеет никаких правовых последствий для субъекта. Информация, присутствующая в сетях, в большинстве случаев адресуется анонимной разрозненной массовой аудитории. В то же время наличие анонимности создает иллюзию свободы. Отсутствие коммуникативных барьеров связано с сокращением социальной дистанции между людьми, вызванной гендерными, имущественными, властными и иными различиями.

Одновременное сосуществование в сети формальных и неформальных каналов трансляции информации, институализированных и неинституализированных взаимосвязей субъектов, содействуют формированию гибкости коммуникативных стратегий. Каждый элемент обладает возможностями оказывать влияние на функционирование сети, рассмотрение вопросов и проблем, принятие соответствующих решений. В то же время возможность быстрого установления коммуникативного взаимодействия с множеством субъектов не содействует формированию взаимопонимания. Одновременное сосуществование, взаимопредположение и взаимоисключение социокультурных смыслов способствует как развитию диалогичности человеческого сознания, так и приводит к формированию множества противоречий.

Становясь, важнейшей формой социального взаимодействия людей, сетевая коммуникация качественно изменяет традиционные модели общения. Новые формы производства, обработки и трансляции информации оказывают значимое воздействие на политические, экономические и соци-

альные процессы, происходящие в современном обществе. М. Кастельс отмечает, что в сетевом обществе «не только сфера публичной политики во все возрастающей степени попадает в зависимость от процессов коммуникации, но и само коммуникационное пространство становится областью конкурентных отношений. Это является признаком наступления новой исторической эпохи, когда рождаются новые социальные формы, и, как и раньше, обновление общества происходит в борьбе, конфликтах, зачастую – в насилии» [2, с. 23]. Сетевая коммуникация ориентирована на создание новой субъективно ориентированной реальности, отражающей мозаичность мнений и потребностей людей. Создаются безграничные возможности для быстрого обмена информацией, интенсификации взаимоотношений между людьми, принадлежащим к разным территориальным общностям, а также способствует разработке новых социальных ценностей и норм, обеспечивающих национальную безопасность общества.

С целью снижения уровня остроты противоречий в рамках стратегии национальной безопасности необходимо принятие положений, регулирующих деятельность людей в информационно-коммуникационном пространстве. Его подвижные границы не дают возможности осуществления централизованного контроля над информацией, проведения монопольного государственного регулирования всех возникающих противоречий. Тем самым, актуализируется необходимость в разработке эффективных ценностно-нормативных стандартов взаимодействия. Более того, одной из основных угроз национальной безопасности является применение посредством предоставления недостоверной информации манипулятивно-психологического давления с целью дестабилизации ситуации. Необходимость противодействия данной угрозе подтверждается стратегией национальной безопасности.

Сетевизация всех сфер человеческой жизнедеятельности становится неотъемлемой и закономерной стадией генезиса цивилизации, содействующей размыванию границ между технологиями и культурой. Стихийность, изменчивость, гибкость, открытость сетевых структур может оказывать как конструктивное, так и деструктивное воздействие на процессы, происходящие в обществе. Для современного общества присуще возрастание значимости информационного фактора, что предопределяет необходимость исследования и разработки социальных ценностей и норм, содействующих стабильному функционированию сетевого образования и регуляции противоречий. Направленность на совместное обсуждение проблемы, возможность ее обсуждения множеством людей, имеющих разный опыт, знания, ценности позволяет всесторонне проанализировать возникающие вопросы, выработать наиболее оптимальные способы изменения сложившейся проблемной ситуации. Тем самым создаются условия для обеспечения национальной безопасности государства.

Литература

1. Дугин, А. Сетевое общество и его враги / А. Дугин // Профиль. – 28.01.2008. – № 3(559). – С. 34.
2. Кастельс, М. Коммуникация, власть и контр-власть в сетевом обществе / М. Кастельс // Концепция «общества-знания в современной социальной теории: сб. науч. трудов; отв ред. Д.В. Ефименко. – М.: РАН ИНИОН, 2010. – С. 238–266.
3. Castels, M. The rise of the Network Society / M. Castels. – 2nd ed. – UK. : Wiley-Blackwell, 2010. – 624 p.

ОБНОВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ И СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЭКЗАРХАТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1985–1991 гг.)

Болтрушевич Н.Г.,

ВГМУ, г. Витебск, Республика Беларусь

В истории Беларуси за последние десятилетия произошел существенный пересмотр роли и места религии в жизни белорусского общества. Существенно возросли роль, авторитет и влияние религиозных организаций, прежде всего традиционных для белорусского народа конфессий – Белорусской православной церкви, Римско-католической церкви, Евангельско-лютеранской церкви, иудаизма и ислама.

В современных реалиях государство перешло от принципа отделения государства и школы от церкви к принципу построения взаимоотношений государства и религиозных организаций с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа (статья 16 Конституции Республики Беларусь).

Однако такие конструктивные отношения между государством и церковью были не всегда. История серьезного переосмысления и реального осознания неоднозначности навязанного советскому обществу атеистического курса в решении религиозного вопроса началась с апреля 1985 г. и была связана с началом процесса глубоких социальных перемен [5, с. 67–68].

В Беларуси процесс обновления церковной жизни был отмечен следующими основными направлениями. Во-первых, на территории республики возобновили деятельность десятки православных, католических, протестантских приходов, верующим возвращались храмы, часовни, началось строительство новых церквей, молитвенных домов, синагог. Если в БССР в 1975 г. действовали 657 зарегистрированных религиозных обществ всех конфессий, то в 1990 г. – 1095 [2, д. 111, л. 48].

А уже к концу 1991 г. зарегистрированных религиозных организаций в Беларуси насчитывалось 1325, которые относились к 13 религиозным конфессиям. Это почти столько же, сколько было в 1945 г., когда после массового возрождения религиозности в годы Великой Отечественной войны и легализации деятельности церкви на государственном уровне, произошел массовый рост количества верующих, восстановление и регистрация религиозных организаций и, в первую очередь, православных [3, д. 112, л. 12–14].

Во-вторых, ведущую роль среди конфессий по количеству верующих и приходов в республике занимала православная церковь. К концу 1991 г. количество зарегистрированных православных обществ равнялось 705, в 1990 г. – 544, на 1 января 1989 г. – 477, на 1 января 1985 г. – 370 [7, д. 100, л. 3].

Именно в этот период начался процесс возрождения епископских кафедр. Так, определением Священного Синода отбиюня 1989 г. были восстановлены Полоцкая, Могилевская и Пинская кафедры. К 1992 г. на территории Беларуси действовали 10 епархий, которые входили в Белорусский Экзархат Русской православной церкви. 16 октября 1989 г. решением Синода Русской православной церкви в Беларуси было учреждено новое духовно-административное образование – Белорусский Экзархат Русской православной церкви, а Митрополит Минский и Гродненский Филарет получил титул Патриаршего Экзарха Беларуси. При Экзархате был образован Синод [1, д. 108, л. 21, 104].

Среди основных направлений в деятельности Белорусской православной церкви и лично Патриаршего Экзарха Беларуси Филарета выделялась организация подготовки духовных кадров. С 16 сентября 1989 г. на базе Свято-Успенского Жировичского монастыря начала действовать православная Минская духовная семинария. В декабре 1988 г. произошло открытие Минского духовного училища, которое уже в конце 1989 г. дало первый выпуск псаломщиков-регентов. Большой интерес у верующих вызвало издание «Минских Епархиальных ведомостей», которые с января 1990 г. были преобразованы в «Вестник белорусского Экзархата» [1, д. 108, л. 21, 31].

В-третьих, новые условия развития государственно-церковных отношений способствовали тому, что многие верующие и, в первую очередь, молодежь, активно включились в жизнь религиозных организаций. В свою очередь и сама церковь проявляла «небывалую активность по евангелизации населения» (из докладной записки «О религиозной обстановке в Республике в 1990 г.»). В ряде мест Беларуси начали действовать двухмесячные курсы по изучению Библии как для взрослых, так и для детей. Например, в г. Новополоцке, Витебская область, школа по изучению Священных книг была открыта в Парке культуры и отдыха. «Заня-

тия проводят Епископ Дмитрий и священник Ульхин М. Учеба в школе платная, но родители с этим согласны» [Цит. по: 2, д. 111, л. 46].

Получили широкое распространение фестивали духовной музыки, концерты церковных хоров, выступления христианских оркестров и др. Для проведения мероприятий религиозным организациям предоставляли театры, дворцы, дома культуры, клубы.

В-четвертых, активизация религиозной жизни, пересмотр государственно-церковных взаимоотношений обусловили формирование нового законодательства. Еще в 1990 г. началось рассмотрение и активное обсуждение Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», принятого Верховным Советом СССР 1 октября 1990 г. В основе данного закона был заложен принцип изменения статуса Русской православной церкви и других религиозных организаций, которые получили должную правовую основу своей деятельности и приобрели правоспособность юридического лица [4, с. 318]. В декабре 1992 г. Верховный Совет Республики Беларусь принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях», где в основе отношений государства и церкви лежали демократические подходы в вопросах свободы совести, были учтены исторические религиозные традиции белорусского народа [6, с. 734].

Современная религиозная ситуация в Беларуси – это итог поисков и компромиссов государства, верующих и в целом всего общества. Но первые шаги к построению сильного фундамента этих отношений были сделаны именно в конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг.

Литература

1. Докладные записки, информации, справки Совета по делам религий при СМ СССР по БССР, областных Советов по делам религий о состоянии религиозности в республике. Том 1 // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 136. – Описание 1. – Дело 108.

2. Докладные записки, информации, справки уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по БССР, областных уполномоченных Советов о состоянии религиозности в республике // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 136. – Описание 1. – Дело 111.

3. Докладные записки, информации, справки Совета по делам религий при СМ СССР по БССР, областных Советов по делам религий о состоянии религиозности в республике // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 136. – Описание 1. – Дело 112.

4. Канфесіі на Беларусі (к. 18–20 ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; пад навук. рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск: ВП Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

5. Одинцов, М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / М.И. Одинцов // На пути к свободе совести:

сб. статей; под общ. ред. Д.Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). – Москва: Прогресс, 1989. – С. 29–72.

6. Современная Беларусь: энциклопедический справочник: в 3 т. / редкол.: М.В. Мясникович [и др.]. – Минск: Белорус. наука, 2007. – Т. 3: Культура и искусство. – 778 с.

7. Статистические сведения уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по БССР и областных уполномоченных Совета по делам религий о действующих церквях, монастырях, костелах и др. религиозных объединениях и духовенстве за 1988 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 136. – Опись 1. – Дело 100.

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРАКТИКИ НОМАДИЗМА И ПОГРАНИЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ

Воробьева С.В.,

БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Актуальность проблемы цифровой идентичности в сетевом обществе обусловлена необходимостью уточнения соотношения тождества и отклонения в дискурсивных практиках, которые все в большей степени становятся практиками номадизма, обуславливая пограничное бытие человека, «кочующего» в глобальной сети. Поэтому теоретически и практически значимым является вопрос соотношения практик номадизма и пограничных состояний как аспектов указанной идентичности.

Феномен цифровой идентичности выходит за пределы обоснованного Л. Витгенштейном тождества «границ моего языка» и «границ моего мира» в когнитивную сферу, которую можно описать дихотомией «бытие в границах языка и вне его границ», порождающих аргументы сознания и аргументы тела. В ситуациях, когда границы мира не являются языковыми, имеет место дефицит категориальных форм бытия, компенсируемый понятийно-ассоциативными образами или всецело сенсорными формами его восприятия. Это исключает из идентификации язык как высказывание предмета в пользу языка как демонстрации себя (например, «селфи») или как поведения в коммуникации (например, троллинг). Без доступа к опыту, которым вызвана ориентация на себя или на другого человека, внешние цифровые расширения порождают ряд проблем, требующих решения [1–3].

Идентичность в широком смысле – рефлексорное (подсознательное) или рефлексивное (сознательное) удержание себя в границах, поддерживаемое аргументами тела или разума. Такое удержание подразумевает попытку когнитивного контроля опыта, в котором основной границей всего выступает граница «Я сам» – процесс самоидентификации, включающий опыт телесных ощущений и психических процессов [4, с. 260–261]. Имен-

но в контексте данных разновидностей опыта конструируются рефлекторные аргументы тела и рефлексивные аргументы разума, подсказывающие, что необходимо удержать/отбросить.

Цифровая идентичность выступает границей всего в глобальной сети. Информационный поток опыта един, целостен. В рефлекторных границах, в отличие от границ рефлексивных, аспекты опыта оказываются неразличимыми. На распознаваемость границ в опыте влияет «мыслительный синтез различия», которое существует «между двумя повторениями» [5, с. 102, 209]. «Самое большое различие – всегда противопоставление». Оно реализуется субъектом в двух логических формах – противоречия, делающего невозможным существование и определяющего изменение, и противоположности, свидетельствующей о «способности субъекта воспринимать оппозиции» [5, с. 47–48].

Практики номадизма обусловлены неиерархичностью и экстерриториальностью виртуальных сетей. Такие свойства отодвигают или вовсе исключают из цифровой идентичности традиционные привязки к пространственным (государство, место рождения и жительства, географические и социально-культурные зоны жизнедеятельности) и временным (жизненно-историческим) границам. В «сетевой» методологии Ж. Делёза формализованы теоретические представления о неиерархическом информационном устройстве культуры и социума, метафорически обозначенным термином «ризом», который подчеркивает их фрактальность и связи с его проектом номадизма.

В условиях отсутствия иерархий и четких пространственных структур граница, по Ж. Делёзу, ассоциирована с различием как первоисточником смысла. Смысл, актуализируемый на различии *тело/язык*, проистекает из внутреннего тотально субъективного различия вещей и слов. Практика номадизма, устанавливая границы между собственными переживаниями и внешним миром, оказывается, по мысли Ж. Делёза, сборкой событийного мира. По горизонтали в ходе сборки соединяются содержание и выражение, по вертикали осуществляется движение к эксцессам, или крайним проявлениям возможностей самого сборщика, раскрывая таким способом его излишества или невоздержанность в чем-то или склонность к чему-либо.

Практики цифрового номадизма в соответствии с «сетевой» методологией Ж. Делёза представляют собой распределение «Я» по «гладкой поверхности» как антитетическую сторону оседлости и пространственно-временной привязанности. Ключевые вопросы методологии: Каким образом осуществляется распределение субъекта по «гладкой поверхности», и каковы условия его разрушения и возобновления в любой ее точке в условиях неоднородности, множественности и отсутствии единого смыслового центра? Основным состоянием распределения субъекта становится пограничное состояние как следствие нестабильных структур и дезориентаций. Факторами пограничных состояний выступают реактивное мышление, им-

пульсивная эмоциональная аргументация, указывающая на низкий самоконтроль или эмоциональную неустойчивость. Отсутствие или слабая развитость механизмов самоидентификации поддерживает «пограничные условия в разуме» [4, с. 255]. При таких условиях сложно справиться с приливом эмоций вследствие неразвитости механизмов сворачивания эмоций [6].

Если практики номадизма и пограничные состояния как сущностные аспекты цифровой идентичности рассмотреть в фокусе аристотелевской типологии причин, то методологически проясняется граница «Я сам». Границы имманентного «Я» (самости) – «взаимосвязи, допущения и ограничивающие условия», относящиеся к настоящему времени. Границы трансцендентального «Я» – действующие (побуждающие) причины, связанные с прошлыми переживаниями или событиями и составляющие источник мыслей. Границы трансфинитного «Я» – целевые причины – направляют в будущее посредством придания действиям значения, важности или смысла. Границы идеального «Я» – формальные причины – не имеют временных привязок, поэтому в большей степени определяются не содержанием, а формой. Именно эти причины «тесно связаны с языком и ментальными картами», на основе которых «Я» «создает свои реальности» [7, с. 118, 121].

Таким образом, поскольку практики номадизма являются базовыми в виртуальной среде, постольку сетевое блуждание становится идентификационным механизмом имманентного «Я», запертого на эмоционально-чувственном уровне. Под его влиянием трансцендентальное, трансфинитное и идеальное «Я» очерчивают границы памяти и цели и ментальную картографию в отрыве от реальности. Пограничное состояние как непостоянство, разнообразие и множественность настроений и реакций приводит к дефициту непротиворечивого ощущения тождества цифрового «Я».

Литература

1. Арпентьева, М.Р. Медиатизация жизни и цифровое кочевничество: типы цифрового кочевничества и их идентичность // Медиаисследования. – 2017. – № 4 (1). – С. 5–16.
2. Воробьева, С.В. Диалог культур как способ конструктивного мышления в условиях неопределенности / С.В. Воробьева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2019. – № 13 (64). – Ч. 3. Актуальные проблемы философии. – С.32–36.
3. Ярославцева, Е.И. Статус ума и интеллекта в современной цифровой среде / Е.И. Ярославцева // Философские науки. – 2020. – Т. 63, № 2. – С. 123–143.
4. Холл, Л.М. Структура личности. Моделирование «личности» с помощью НЛП и нейросемантики / Л.М. Холл, Б.Г. Боденхаммер, Р. Болстэд, М. Хэмблетт. – М.: «КСП+», 2003. – 608 с.

5. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
6. Джерольд, К. Я ненавижу тебя, только не бросай меня. Пограничные личности и как их понять / К. Джерольд, С. Хэл. – СПб.: Питер, 2019. – 320 с.
7. Дилтс, Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП / Р. Дилтс / Пер с англ. – СПб.: Питер, 2010. – 256 с.

КИБЕРВОСПИТАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Климентьева И.А.,

ВГАВМ, г. Витебск, Республика Беларусь

21 век – век компьютерных технологий и сетевой коммуникации. Компьютер и интернет стали неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека. Согласно данным, опубликованным американской компанией We Are Social, к середине 2020 года 4,5 млрд человек на Земле пользуются интернетом (60% населения), а 3,8млрд человек (50%) являются пользователями социальных сетей. В среднем пользователь интернета проводит в сети 6 часов 43 минуты каждый день. По подсчетам исследователей выходит, что около 100 дней в году приходится на использование интернета. Самыми популярными мобильными приложениями стали мессенджеры и социальные сети. Ими пользуются 89% пользователей. Также популярны интернет-магазины (66%), видеоприложения (65%), мобильные игры (47%), сайты знакомств (11%). В связи с распространением пандемии коронавируса в 2020 году, из-за вынужденной самоизоляции увеличилось время пребывания пользователей в интернете. Значительно возросло общение в социальных сетях и использование мессенджеров. Многие вынуждены были интенсивно использовать интернет ресурсы для учебы, работы, киберспорта.

Самыми активными и продвинутыми пользователями сети остаются молодые люди. Также следует отметить, что молодежь все чаще предпочитает виртуальное общение, нежели общение в реальном мире. В виртуальной реальности молодой человек получает больше возможностей для самовыражения и самореализации, так как он чувствует себя в интернет-пространстве более свободным, где можно осуществить даже самые дерзкие мечты и фантазии. С одной стороны, в виртуальную реальность переносятся ценности социальной действительности, с другой – в виртуальной реальности появляются свои ценности, которые имеют значимость только в виртуальном мире. В итоге, сама виртуальная реальность становится ценностью, особенно для молодежи, так как молодой человек уже с трудом себя представляет в современном мире без интернет-ресурсов и виртуаль-

ного общения. Однако, в результате активного вовлечения в виртуальную реальность, молодежь сталкивается с целым комплексом проблем. Современный молодой человек имеет дело с огромным потоком информации, среди которого необходимо найти нужные данные. Для молодежи электронные средства коммуникации стали основным источником информации, но современные технологии выдают, как правило, унифицированные данные, на основе стандартизированных материальных и духовных потребностей. Духовная культура в современном обществе приобретает массовый характер и ставится на поток. Электронные средства массовой информации часто навязывают нормы, образцы, стандарты не только поведения, но и мышления. Молодому человеку, у которого идет активное формирование личности и жизненной позиции, необходимо уметь адекватно формулировать свои информационные потребности, а также эффективно осуществлять поиск, уметь перерабатывать и создавать качественную новую информацию. Следует учитывать, что не всегда в сети обнаруживаются достоверные, полные и проверенные данные.

Сегодня средства массовой коммуникации, в том числе и электронные, могут осуществлять информационно-психологическое воздействие, которое в итоге приводит к различным социальным, политическим, религиозным, национальным и другого рода конфликтам. В результате, в связи с широким использованием сети интернет и активным погружением в виртуальную реальность в личностном развитии детей и молодежи наметились такие негативные тенденции как: нарушение физического развития и здоровья, формирование негативных эмоциональных состояний, виртуальная зависимость, проблемы с сексуальным поведением, формирование поведения, связанного с риском для жизни и здоровья.

Для того, чтобы обеспечить информационную безопасность детей и молодежи, необходимо разрабатывать и применять на государственном уровне психолого-педагогические методы, обучать информационной грамотности с целью повышения информационной культуры. Необходимо создавать и распространять информационные ресурсы, направленные на формирование таких навыков, а также создавать сайты, пропагандирующие гуманистические, национальные, культурные ценности и идеалы. Современному молодому человеку необходимо обладать большим количеством компетенций, и для решения этой проблемы должны быть задействованы все уровни образовательного процесса, начиная с дошкольного и, заканчивая высшими учебными заведениями. Кибервоспитание современной молодежи должно минимизировать негативные последствия воздействия интернет-среды и виртуальной реальности, назрела потребность формирования норм и правил поведения в виртуальном пространстве. Дети и молодежь должны учиться правильно планировать свое время, регламентировать время проведения в интернете. Необходимо целенаправленно предлагать молодежи другие формы активности, например, занятия

спортом, различными видами искусства и др. Нельзя преувеличивать ценность виртуальной реальности. Молодой человек должен четко осознавать, что первичной является социальная реальность, а виртуальная реальность – вторична, она, главным образом, дает дополнительные возможности для самореализации в реальной жизни и не может ее заменить.

Литература

1. Гуркина, П. Влияние современных СМИ на профессиональную социализацию студенческой молодежи // Весці нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 2014. – № 4. – Серыя гуманітарных навук. – С. 27–32.

2. Климентьева, И. А. Ценностный аспект виртуальной реальности для молодежи // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: материалы международной научно-практической online-конференции, Витебск, 6 января 2019 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 93–95.

3. Лунева, Е.В., Фомичев, К. А. Молодежь в информационном обществе: монография; Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – 136 с.

4. Шаповалова, И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 148–151.

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС И СТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Колядко И.Н.,

БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

В условиях эскалации насилия и легитимации репрессивных практик процессы социальных изменений ускоряются, часто перерастая в трансформацию фундаментальных оснований социума. Необратимым изменениям подвергается социальная структура: доминирующие вертикальные связи в ней частично или полностью заменяются горизонтальными, ориентированными на установление преимущественно внеинституциональных способов взаимодействия и коммуникации. Одновременно с этим происходит деформация сложившегося «жизненного мира», его десакрализация и отчуждение, что существенно усиливает конфронтацию политической элиты и гражданского общества. Динамика социальной системы в таких условиях становится неустойчивой, нестабильной, а само общество вступает в полосу *социального кризиса*.

Социальный кризис представляет собой переломный период в развитии социальной системы, связанный с дезинтеграцией ее ключевых институтов, обусловленный процессами делегитимации актуального социально-

го порядка и возникновением новых форм социальной практики. Следует отметить, что в условиях кризиса, охватывающего большинство сфер и подсистем социума, происходит деформация ценностно-нормативных оснований культуры. Последняя может быть определена как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [6, с. 33].

Кризисный период в развитии социума характеризуется разворачивающейся борьбой различных систем ценностей, претендующих стать нормативным инвариантом, «обеспечивающим устойчивость системы (путем регулирования социальных отношений) и в значительной мере определяющим пути ее развития» [2, с. 244]. Реинтерпретация закреплённых культурной традицией символов и значений, объективированных в транслируемых из поколения в поколение социокодах (социальном опыте), выступает конститутивным процессом социальных трансформаций в период кризиса.

Особую роль в фрагментации базирующихся на разных системах ценностей и мировоззренческих универсалиях «картин мира» занимает *идеология*, выступающая главным средством господства и социальной власти в современных обществах. В условиях борьбы за «легитимное видение социального мира» [3, с. 29] в период трансформации социальной системы противостояние часто носит идеологический характер и разворачивается, по сути, между «интеллектуальными слоями», претендующими на «монополию контроля над формированием картины мира и над преобразованием и сглаживанием противоречий в наивных представлениях, созданных в других слоях» [5]. Но это не означает, что идеологическая борьба носит исключительно субъективный характер и лишена реальных социально-политических, экономических или иных оснований и последствий. Кризис в развитии социальной системы всегда порождает объективные изменения в ее структурной организации, что, как правило, сопровождается снижением уровня социального упорядочения и возрастанием энтропии.

Кризис инициирует *переходный период* в развитии социальной системы, содержанием которого выступают как процессы разрушения актуальных структур социальной системы, образующих ее уникальное интегративное качество, так и формирование новых параметров порядка. Ценностно-нормативная система задает императивы развития и регулирует глубину трансформационных процессов системы с интенцией на сохранение ее целостности путем поддержания предельных значений интегративного качества. При этом роль кризиса в переходный период развития социальной системы не ограничивается только его деструктивным воздействием. Это обусловлено тем, что кризис способствует выявлению таких универсалий культуры, которые перестали отвечать актуальным социальным запросам и потребностям, соответственно, оказались недееспособными и

неэффективными для функционирования и развития системы. Антиэнтропийный, созидательный потенциал кризисных явлений в социальной системе реализуется путем «творческой деятельности (а такой характер может иметь любой вид деятельности), когда человек преобразует и упорядочивает окружающую реальность, создает нечто новое, оригинальное, ранее не существовавшее в природе, науке, культуре, образовании, медицине, спорте, политике и т.д., резко расширяя тем самым масштабы своего целенаправленного антиэнтропийного, упорядочивающего воздействия на окружающий мир» [1, с. 15].

При этом важно учитывать то существенное обстоятельство, что в условиях деформации социальной системы возрастает опасность преднамеренного воздействия на структуры индивидуального и коллективного сознания «с целью программирования *поведения* человека» [4, с. 9] путем перекодировки конститутивных для конкретной культуры социокодов и мировоззренческих универсалий. В случае, если такая перекодировка социально значимых символов и смысловых значений «осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении» [4, с. 30], речь идет не о социальной трансформации, а о целенаправленном процессе дегуманизации личности, поскольку последняя рассматривается здесь в качестве *функции* манипулятивных технологий. Поэтому риск стремительного всплеска деструктивных социальных практик и технологий, направленных на дестабилизацию социального порядка в ситуации острой фазы кризиса остается достаточно высоким. Это требует повышенного внимания к различного рода идеологическим и информационным ресурсам, оказывающим определенное влияние на формирование социокультурной среды современного общества.

Важно отметить, что именно в переходный период в развитии социальной системы в условиях кризиса ее оснований – политико-институциональных, социально-экономических, ценностно-нормативных – актуализируется рефлексия конститутивных ценностей и императивов, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее проявлениях. Кризис в своей функциональной амбивалентности – единстве деструктивных и конструктивных компонентов – способствует переосмыслению «фундаментальных жизненных смыслов, базисных ценностей, которые играют роль своего рода системных параметров, объединяющих все многообразие культурных феноменов в органическую целостность» и которые «в своем сцеплении и взаимодействии задают обобщенный образ человеческого жизненного мира» [6, с. 52].

Социальный кризис является неотъемлемым элементом социального развития, способным оказывать конструктивное воздействие на функционирование социальной системы путем изменения целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов. При этом именно человеческая деятельность, как субстанция социального, представляет собой то «силовое

поле», которое не только продуцирует надорганическую форму существования и структурирует ее, но и определяет формы и механизмы изменения, а также выступает источником социального порядка и, следовательно, противостоит хаосу и другим проявлениям энтропийности в личной и общественной жизни.

Литература

1. Бабосов, Е.М. Антиэнтропийная направленность человеческого бытия и социальная энтропия / Е.М. Бабосов // Социология. – 2011. – № 1. – С. 11–19.
2. Блауберг, И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М. : Наука, 1973. – 271 с.
3. Бурдьё, П. Социология социального пространства : пер. с фр. / П. Бурдьё ; общ. ред. пер. Н.А. Шматко. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
4. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI / С.Г. Кара-Мурза. – Москва : Алгоритм, 2015. – 464 с. – (Манипуляция сознанием).
5. Манхейм, К. Идеология и утопия [Электронный ресурс] / К. Манхейм // Электронная библиотека ModernLib.Net. – Режим доступа: https://modernlib.net/books/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya/read. – Дата доступа: 15.09.2020.
6. Степин, В.С. Философская антропология и философия культуры / В.С. Степин. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. – 542 с. – (Философские технологии: Избранные философские труды).

ОДНА СРЕДА – РАЗНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Косенков А.Ю.,

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

Пространство – мировоззренческая универсалия, аккумулирующая представления об окружающем мире и позволяющая индивиду в нем ориентироваться. Пространство весьма трудно представить без границ: «Даже в тех случаях, когда нет естественной физической границы, – замечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, – мы налагаем границы – как если бы внутреннее пространство и ограничительная поверхность реально существовали – будь то стена, забор, воображаемая линия или плоскость» [1, с. 56]. Границей, в таком случае, может быть любой объект универсума: река, горизонт или, как будет показано далее, технология.

Смысловое содержание универсалии пространство меняется в процессе цифровизации. Говоря о данных трансформациях, исследователи часто обращаются к интернету, позволяющему индивиду преодолевать пространственные ограничения, получая доступ к данным, находящимся в другой части планеты. Однако на данном этапе цифровизации трансформация универсалий происходит под влиянием и других технологий. Кроме того, если интернет и порождаемое им виртуальное пространство, как может показаться на первый взгляд, позволяет преодолевать барьеры, то целый ряд технологий, скорее, наносит новые границы на карту нашей социальной реальности. Это наблюдается, например, в процессе трансформации социального пространства.

Процесс трансформации социального пространства происходит вследствие внедрения целого комплекса технологий, в первую очередь, технологий Интернета вещей, дополненной, смешанной и виртуальной реальности. В процессе внедрения Интернета вещей – технологии, посредством которой компьютерные устройства связываются в сети, формируются «умные» среды, позволяющие собирать индивиду данные об окружающем мире. Дополненная реальность позволяет получать информацию об объектах физического мира при наведении на них гаджета. Технология виртуальной реальности погружает индивида посредством специальных аппаратных средств (шлем, очки и пр.) в искусственный мир, а смешанной реальности – делает возможным использование виртуальных объектов для управления физическими процессами. Программное совершенствование, миниатюризация и доступность рядовому потребителю способствуют интенсивному внедрению технологий и их конвергенции, расширению диапазона возможного использования (от индустрии развлечений до медицины и промышленности). Следствием данных процессов становится формирование гиперподключенной среды, представляющей собой пространство, наполненное компьютерными устройствами, объединенных в сети, в котором фактически стирается граница между виртуальным и физическим мирами. В этом пространстве индивиду предоставляются разные возможности в зависимости от наличия у него гаджета, доступа к сети, умения пользоваться технологиями. Социальное пространство, таким образом, превращается в многоуровневую среду, к некоторым уровням которой нужен «технологический доступ».

На первый взгляд, описанный выше образ социального пространства заимствован из научной фантастики. Однако технологии, формирующие многомерное пространство, активно внедряются и используются уже сегодня. К таковым относится, к примеру, приложение Pokemon Go, игрокам которой предлагается искать виртуальных покемонов при наведении гаджета на физические объекты. Практика использования, казалось бы, безобидного приложения продемонстрировала, что одно социальное пространство может как по-разному восприниматься индивидами, так и

предоставлять им разные возможности. Вместе с тем, резонанс вызвали случаи поиска покимонов на кладбищах и мемориалах – сакральных для общества пространствах. Это говорит о том, что уровни пространства могут как дополнять, так и противоречить друг другу.

Трансформации социального пространства весьма сложно дать однозначную оценку. Да, оно становится более информативным и гибким, а получаемые данные позволяют успешно им управлять. Вместе с тем, появляются новые формы неравенства (в современной литературе называемые цифровым неравенством), приводящие к росту конфликтности в обществе, его сегментации, а также препятствующие равномерной адаптации и социализации индивидов. И, что не менее важно, побуждающие современников искать ответы на нетривиальные вопросы. Кто будет собирать и обрабатывать получаемые из социального пространства данные? Не сделает ли гиперподключенность еще более зависимым социальную реальность от функционирования технических систем? Является ли включенность в сеть индивида или наличие гаджета важнейшим условием его социального бытия? Таким образом, вместе с новыми возможностями, технологии, наносящие на социальное пространство новые границы, несут новые вызовы и угрозы.

Литература

1. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

СКЕПТИЦИЗМ И НИГИЛИЗМ В ЦЕННОСТНЫХ МАНИФЕСТАЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Костючков С.К.,

Херсонский государственный университет, г. Херсон, Украина

Важнейшей, без преувеличения, в условиях современности темой представляется вопрос о системе ценностей современной молодежи; его обсуждение требует не только социологического, политологического или культурологического, но, в более широком понимании – философского подхода. Тщательный социально-философский анализ указанного явления безусловно требует разъяснения его совокупной природы в зависимости от индивидуальных и общественных смысловых характеристик реальности. Данная тема значительно повышает свою актуальность как в национальных, так и в международных социально-политических контекстах. И это не столько дань политической моде или актуальной социальной проблемати-

ке, сколько отражение насущной потребности понять, чем характеризуются ценностные манифестации современной молодежи. Модернизация традиционных моделей социально-политических практик, осуществляемая как реакция на риски, запросы и вызовы глобализующегося мира, является сложным процессом, непредсказуемости которого экспоненциально возрастает. Мы полагаем, что «реальность стремительно изменяется, повышая собственную стохастичность и эвентуальность, она провоцирует проявления мощных контртенденций во всех сферах общественной жизни, дестабилизирует сформированные и упорядоченные системы, увеличивает количество интерпретационных сценариев и вариантов развития будущего. Усугубление социальной дифференциации трансформирует структурные интеракции в обществе, а также влияет на кардинальную ревизию ценностей как со стороны отдельного человека, так и в масштабе этнонациональных, культурных или религиозных общностей. Утвержденная в постмодерне финальность человеческого бытия подтверждается также его исторической детерминированностью – постмодернизм не отменяет деления времени на прошлое (потенциальное), настоящее (актуальное) и будущее (перпетуальное) – он изменяет степень их преобладания» [1, с. 104].

Система ценностных ориентаций определяет контент личностных интенций, отношение самой личности к себе, другим людям, а также окружающего мира во всем его разнообразии форм, проявлений и сущностей. Система ценностей является для индивида инициальным пунктом мотивации собственной социальной активности, основанием жизненной концепции и, вообще – философии жизни. Система ценностей является важнейшим компонентом политической и социальной жизни общества; благодаря ценностям человеческое существование выходит за рамки интересов и потребностей, за пределы того, что необходимо для жизни, того, что удобно, выгодно и эффективно в конкретный момент времени. Ценность определяется как высший экзистенциальный выбор человека, не имеющий количественной экспликации, как репрезентация доминирующих идентификационных моделей окружающего мира. Прогрессивное поступательное развитие социума в направлении, заданном интегрированной общественной интенцией, осуществляется индивидом – человеком, которого следует рассматривать не как элементарную структурную единицу общественного организма, но как индивидуальное воплощение общественной личности.

Сталкиваясь с реалиями окружающего мира, молодой человек делает для себя открытие: ценности могут оказаться фальшивыми, некоторые из них ведут к злу, а не к добру; идеалы оборачиваются эфемерными призраками, привлекательные образы оказываются бессодержательными симулякрами, за соблазнительными иллюзиями вырастают бесстрастные монстры разочарования. Однако отрицание и девальвация одних ценностей этиологично сопровождаются апроприацией и признанием иных: скептицизм и

нигилизм, имморализм и духовная аномия являются сущностно контрардикторными, в реалиях они базируются на том, что безусловно отрицают в теории. Профанируя общепринятые ценности, нигилисты и скептики, особенно из числа молодежи, решительно требуют их имплицитного признания, едва ли не сакрализации, когда речь идет о соблюдении их неотторжимых прав и законных интересов. Именно в этом заключается интрига двойного подтекста или, по выражению Николая Бердяева, «бес подмены». Традиционные ценности, а также обусловленные ими формы отношений в обществе уже не способны, по мнению нигилистов и скептиков, выполнять культуuroобразующие функции, они обречены либо на забвение, либо на коренную ревизию и сущностную трансформацию. Иного рода опасность заключается в чрезмерной рационализации бытийного пространства, которая провоцирует процессы отчуждения и самоотчуждения человека в нем.

Экспорт адвентивных, секуляризованных ценностей приводит к формированию таких личностных черт как отчужденность, одиночество, индифферентность, а далее – утрата смысла жизни, экзистенциальная опустошенность, тотальное разочарование. Среди молодежи утверждается маргинализация повседневной жизни, как результат интервенции в нее глубоко абстрактных моделей и систем. В подобной ситуации молодой человек зачастую неспособен определиться не только с иерархией ценностей, но и с приоритетами аксиологического пространства вообще – человек сам помещает себя в парадоксальную дилемму: он хочет, чтобы его оставили в покое и наедине с собой, и в то же время опасается оказаться вне сферы внимания окружающих, замкнуться в сжатом пространстве прогрессирующей дисгениальности. Поиски выхода из подобной ситуации ориентируются по двум направлениям – либо через бегство от духовно опустошенной индивидуальной жизни в жизнь общества – рационально-внешнюю, или через стремление к иррационально-внутреннему посредством погружения в наркоманию, алкоголизм, игроманию. В отсутствие моральной регуляции поведенческих проявлений на фоне девальвации традиционных ценностей, побеждает тот, у кого в данный момент больше возможностей для принуждения, то есть – у кого больше силы, на того не распространяются ни закон, ни мораль, ни общественное мнение. На индивидуальном уровне отрицание каких бы то ни было моральных императивов в пользу субъективности трансформируется в абсолютизм иррациональности, в проявления насилия и даже террора.

В современном постиндустриальном, глобализированном мире индивид, который ориентируется на утилитарные, потребительские ценности, уже не в состоянии адекватно реагировать на вызовы и угрозы, продиктованные жесткими реалиями XXI столетия. На смену обществу потребления (*societe de consommation*) идет общество постутилитарное, в котором ценности традиционные сменяются духовными, адекватными модернизированной системе идеалов – представлений о том, какими должен

быть человек и мир, который его окружает. Меняется не только сформированный столетиями аксиологический ландшафт, претерпевает кардинальные изменения весь культурно-исторический контекст. Однако, подобный нарратив отражает скорее желаемый обществом идеал, нежели реальное состояние социальной системы.

Итак, современный мир порождает ситуацию, когда добро и зло, истина и ложь, прекрасное и безобразное уже не представляют собой четко фиксированные категории, а потому перестают для человека играть роль безусловных критериев оценки тех или иных поступков. Не только в государствах демократического транзита, но и в странах с многовековыми традициями народовластия, духовное пространство переживает определенный кризис – человек, особенно молодой, в обществе уже не чувствует себя защищенным и обеспеченным, он неуклонно погружается в пучину тотального хаоса, иррациональности и беспорядка, которые в интерпретациях отдельных политиков и политических партий представляются как необходимое условие общественного прогресса. Практика социальных отношений в современных условиях характеризуется широким практическим применением концепции аппроксимации, смысл которой в симплификации (упрощении) труднопонимаемого, контаминированного, в ориентации на минимизацию затрат, в частности, в культурной сфере.

Литература

1. Kostyuchkov S.K. Different human images and anthropological colissions of post-modernism epoch: biophilosophical interpretation (Різні образи людини та антропологічні колізії епохи постмодерну: біофілософська інтерпретація) / S.K. Kostyuchkov // *Anthropological measurements of philosophical research*. – 2018. – № 13. – P. 100–111.

ПРОБЛЕМА ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Лещинская И.И., Кононова Е.И.,
БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Интенсивность и содержательное многообразие информационных потоков и чрезвычайно высокая степень их влияния на различные сферы общественной жизни, привели к целому ряду острых проблем. Сетевая коммуникация и утвердившийся в ней набор дискурсивных практик настоятельно потребовали трансформации образовательной парадигмы. «Информационное общество, – как отмечают исследователи, – меняет онтологию образования, т. к. меняется пространство (топос) и время жизненного мира (темпоральность) человека. В информационном обществе наблюдаются пе-

ремены на уровне глубинной основы времени, проявляющиеся в десинхронизации процессов в действительной и виртуальной реальности» [2].

Кроме того, процессы коммерциализации образования и подчинение его задач требованиям рынка с неизбежностью привело к утрате образованием фундаментальных гуманистических ценностей, к его разрыву с культурой как пространством смыслов. Закономерным следствием данных процессов явились ценностная дезориентация личности, снижение ее нравственного иммунитета, слабовыраженная способность к критическому мышлению и творческому созиданию. Агрессивное продвижение технократизма и экономической целесообразности привели к выдавливанию гуманитарной культуры за пределы образовательной среды на периферию жизни общества, что усугубило процесс обострения кризисных явлений.

В связи с дегуманизацией образовательной среды возникла необходимость преодоления этих негативных тенденций. В сложившейся ситуации содержание, форма образовательного процесса, а также вся его разноплановая инфраструктура требует модернизации. Одним из основных векторов этой модернизации является гуманизация образовательной среды. Всякий проект модернизации должен базироваться на определенных онтологических и антропологических основаниях. В данном случае качестве онтологического основания может быть приняты представления о мире как системе, находящейся в ситуации «динамического хаоса», развитие которой характеризуется высокой степенью турбулентности и, соответственно, неопределенности.

В качестве антропологического основания выступает представление о человеке как субъекте современных социокультурных практик и его ключевых компетенциях. Они должны быть конгруэнтны свойствам той социальной системы, в которую он включен и в которой призван действовать. Современный человек, находящийся в ситуации глобальных рисков, должен обладать способностью к адекватному и быстрому реагированию. Таким образом, образование становится сферой деятельности с особой ответственностью, поскольку оно призвано подготовить личность жить и реализовывать свои жизненные цели в условиях многочисленных рисков.

Понятие «образовательная среда» получило широкое распространение в научной литературе последних лет. В самом общем смысле оно может быть определено как сложная система взаимодействия социальных, материальных и духовных условий, в которых реализуется образовательная деятельность. В качестве основных компонентов образовательной среды исследователи выделяют следующие: пространственно-семантический, содержательно-методический и коммуникационно-организационный [3]. Предметом нашего внимания является коммуникационно-организационный компонент, в состав которого включены субъекты образовательной среды, формы образовательных коммуникаций и организационные условия, среди которых особое значение отводится управленческой культуре.

Определяющую роль в образовательном процессе играют субъекты. Изменения, которые их затронули, характеризуются сложностью и неоднозначностью. С полным основанием можно констатировать кризис статуса обучающего в современных условиях. Свободный доступ обучаемых субъектов к различным массивам информации, привел к тому, что преподаватель утратил свое привилегированное положение в образовательном процессе. Обучающий субъект перестал быть сакральной фигурой, которая в течение многих веков выступала уникальным носителем знаний и обладала монопольным правом на его трансляцию.

Кризис статуса неразрывно связан с кризисом образовательной коммуникации. В современных условиях фактически исчерпали свои возможности традиционные формы и методы обучения. По сути, речь идет о смене образовательной парадигмы, сущность которой может быть выражена тезисом американских исследователей Р. Бара и Д. Тага «От обучения к учению» (From Teaching to Learning) [1]. Господствующую «знаниевую» парадигму, в которой обучаемым отводилась роль потребителей научной информации в условиях строгих и извне заданных системой требований, должна заменить «педагогика партнерства». В рамках этой парадигмы определяющая роль отводится обучаемому и его различным формам самостоятельной активности, а обучающему отводится роль «играющего тренера». Смена этих парадигм литературе определяется как «коперниканский переворот» в образовании. Центральной фигурой образовательной среды становится обучаемый, следовательно, вся ее инфраструктура выстраивается соответственно его индивидуальным особенностям и требованиям социальной реальности.

Первостепенное значение среди принципов новой образовательной парадигмы, на наш взгляд, имеют следующие. Во-первых, индивидуализированный подход, при котором базовой установкой является личностно-ориентированное образование. Во-вторых, взаимная ответственность субъектов образовательного процесса, условием формирования которой являются развитие академических свобод и совершенствование самостоятельной работы студентов. В-третьих, открытость образовательного процесса, которая обеспечивает его инновационную чувствительность и динамизм. В-четвертых, диалогичность как универсальный механизм реализации образовательного процесса. Непрерывный диалог человека с *Культурой и Другим* в ее контексте есть необходимое условие не только процесса познания, но и самосозидания личности. И, наконец, гуманизация образовательной среды предполагает повышение роли социально-гуманитарных наук. Дегуманитаризация высшего образования и особенно университетского с неотвратимостью ведет к снижению «культурного иммунитета» личности со всеми вытекающими негативными последствиями, как для личности, так и для общества в целом.

Таким образом, гуманизация образовательной среды является гносеологическим, этическим и социальным императивом современного со-

циума. Без реализации этого требования молодой человек не в состоянии овладеть «искусством мысли» и «искусством жизни», а, следовательно, успешно противостоять многочисленным вызовам современного мира.

Литература

1. Бар, Р.Б., Таг, Д. От обучения к учению – новая парадигма высшего образования / Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению Сборник рефератов статей по дидактике высшей школы. – Минск: Пропилеи, 2001. – Код доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/48389/1/01_Bar_Tag.pdf. – Дата доступа: 27.09.20.

2. Игнатова, Н.Ю. Образование в цифровую эпоху: монография / Н.Ю. Игнатова; М-во образования и науки РФ. – Нижний Тагил, 2017. – Код доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/54216/1/978-5-9544-0083-0_2017.pdf. – Дата доступа: 28.09.20.

3. Тарасов, С.В. Образовательная среда как социокультурная и педагогическая категория // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 1. – Т. 3. Педагогика. – Код доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sreda-kak-sotsiokulturnaya-i-pedagogicheskaya-kategoriya>. – Дата доступа: 27.09.20.

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ ОБЩЕСТВА

Медвецкая Н.М., Матюшкова С.Д.,

ВГУ имени П.М. Машиерова, г. Витебск, Республика Беларусь

По мнению многих исследователей студентов по наличию психогенных факторов можно отнести к группе риска [1], поскольку обучение в вузе по сравнению со школой характеризуется значительно более высокой степенью напряженности и предъявляет повышенные требования к личности студента, его способности адаптироваться к новым условиям, добиваться собственной самореализации

Несмотря на то, что в процессе обучения наставники стремятся сформировать позитивные личностные, социальные, коммуникативные установки, повысить устойчивость эмоциональных реакций, обучить владению и применению на практике техник толерантного взаимодействия и техник конструктивного поведения в критических ситуациях, психика у некоторых обучаемых не всегда справляется с трудностями повсеместной жизни.

В процессе работы со студентами преподаватели стремятся сформировать у них позитивные личностные, социальные, коммуникативные установки, устойчивость эмоциональных реакций, обучить их владению и

применению на практике техник толерантного взаимодействия и техник конструктивного поведения в критических ситуациях, а также выработать навыки независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.

С целью выявления наличия состояния тревожности у студентов университета и причин их возникновения проведены исследования студентов с различным уровнем их физической подготовленности, что по нашему мнению должно явиться детерминантом их психического здоровья.

Материал и методы. В исследованиях приняли участие студенты 3 курсов факультета физической культуры и спорта (ФФКиС) в количестве 35 и студенты факультета социальной работы и психологии (ФСПиП) в таком же количестве. Проводили тестирования студентов общедоступными методиками анкетирования: определение уровней общей тревожности, а также для более точных данных по шкале самооценки ситуативной (реактивной) и личностной тревожности по Спилбергеру.

По опроснику «Уровень вашей тревожности» студенты отвечали на простые вопросы, касающиеся их спокойствия, усталости, функционального состояния их вегетативной нервной системы, которые оценивались в баллах.

Суммарная оценка: 40–50 баллов рассматривается как показатель очень высокого уровня тревоги; 25–39 баллов свидетельствует о высоком уровне тревоги; 15–24 баллов – о среднем (с тенденцией к высокому) уровне; 5–14 баллов – о среднем (с тенденцией к низкому) уровне и 0–4 баллов – о низком уровне тревоги.

Результаты и их обсуждение. Как выявили полученные результаты общий уровень тревожности студентов факультета физической культуры и спорта (ФФК и С) составил 15 баллов, причем в основном за счет среднего с тенденцией к низкому (49%), среднего с тенденцией к высокому (37%). Представляет интерес факт незначительных отличий в данной группе исследуемых от студентов факультета социальной педагогики и психологии (ФСП и П) с аналогичными уровнями.

В тоже время высокие уровни тревожности составили в первой группе (ФФКиС) только у 4 студентов в противоположность группе ФСПиП – у 15 человек и, что особенно существенно, в уровне очень высоком: 0% против 5%.

В этой связи были проанализированы результаты более детального исследования уровней ситуационной и личностной тревожности в обеих группах. Общий балл уровней ситуационной и личностной тревожности в обеих группах соответственно 41 и 42, что не наглядно отражает различия.

Выделение студентов психологов в уровни по Спилбергеру (в %) отразило следующие закономерности: низкий (10 и 15), средний (71 и 79), высокий (8 и 5) соответственно. Уровней со сверхвысокой тревожностью получено не было.

Между уровнем личностной тревожности и уровнем ситуативной тревожности, измеренной перед обычным учебным занятием, отмечалась определенная корреляция ($r=0,27$; $p<0,05$). Между показателями личностной тревожности и уровнем ситуативной тревожности, измеренной в условиях экзаменационного стресса, корреляция была значительно выше ($r=0,39$; $p<0,001$). Это означает, что личностно-тревожные студенты в условиях эмоционального стресса чаще проявляли повышенную ситуативную тревогу по сравнению с “низко тревожными” студентами.

Представляет научный интерес и тот факт, что студенты ФФКиС по Спилбергеру с низким уровнем тревожности составили 50%, средний только (35%) и высокий 11%.

Нами проанализированы анкеты студентов ФФКиС с высоким уровнем тревожности. В эту подгруппу вошли 2 студента и 2 студентки, не регулярно занимающиеся физической культурой и спортом, склонные недооценивать свои возможности и способности, а также обладающие слабым типом высшей нервной деятельности, что позволило обратить внимание студентов на данный факт и рекомендовать помощь психолога [2].

На вопросы, связанные со способностью регулировать свое поведение и доброжелательно относиться к людям, в ответах студентов было установлено, что 40% респондентов способны сдерживать свое раздражение, а у 20% данный показатель варьируется в зависимости от их настроения. И всего 40% испытуемых способны спокойно и доброжелательно относиться к людям, вызывающим у них раздражение.

Заключение. Таким образом, проведенные исследования доступной и довольно информативной методикой позволяют сделать вывод, что тенденцией к повышенной тревожности обладали студенты, склонные недооценивать свои возможности и способности, а также обладающие слабым типом ВНД. Как показывает практика, наиболее целесообразно использовать активные методы включения студентов в практическую деятельность, требующую знания, умения, навыки общения, убежденность, умение отстаивать свои позиции ненасильственным путем, использование социального проектирования и анализа в жизненных ситуациях.

Литература

1. Большакова М.В. Влияние физкультурно-оздоровительной деятельности вуза на формирование потребности студентов в здоровом образе жизни // Повышение квалификации и переподготовка кадров в области физической культуры и спорта и туризма. – Минск: УО «БГУФК», 2009. – С. 73.
2. Коломинский, Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах: общие и возрастные особенности : учеб. пособие для вузов / Я.Л. Коломинский. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. – 350 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР 1946–1950 гг. КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА

Перевалов Я.О.,
ВГМУ, г. Витебск, Республика Беларусь

Для успешного возобновления работы системы высшего медицинского образования первостепенное значение имело обеспечение высококвалифицированными научно-педагогическими кадрами.

В первые послевоенные годы проблема научно-преподавательских кадров стала особенно острой - часть из них погибла в годы войны и оккупации; некоторые остались работать в городах, где они находились во время эвакуации. Система высшего медицинского образования БССР послевоенной пятилетки характеризовалась слабой материальной базой, недостатком учебных площадей, общежитий для студентов, жилья для преподавательского состава, скромным оборудованием и оснащением лабораторий [1, л. 2, 8, 29]. Исправление ситуации стало заметно ближе к 1950-х гг. по мере улучшения финансирования высшей школы. На протяжении первой послевоенной пятилетки постоянно увеличивалось число обучающихся в медицинских институтах Беларуси [1, л. 8–10]. Этому способствовала активная государственная политика проводимая в рамках восстановления системы высшего медицинского образования БССР [2, с. 115]. Несмотря на большую государственную помощь в восстановлении системы высшего медицинского образования остро оставался вопрос обеспеченности преподавательскими кадрами. Количественное и качественное увеличение научно-педагогических кадров, несмотря на административные установки к его ускорению, сдерживался как материальными аспектами, так и сложностью проведения научных работ в условиях доминирования заполитизированности медицинской науки. На момент 1946 г. укомплектованность заведующими кафедрами из числа профессоров, докторов наук составляла около 60%. Так же только 60% ассистентских должностей были укомплектованы, причем в основном не кадровыми преподавателями [1, л. 50–59]. Приказом по министерству здравоохранения СССР был утвержден пятилетний план роста научных медицинских кадров, в соответствии с которым был разработан и осуществлялся широкий комплекс мероприятий [4, л. 1–6]. Немаловажную положительную роль сыграл приказ СНК СССР (1946 г.) о повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально бытовых условий, в соответствии с которым значительно повышались оклады профессорско-преподавательского состава, заведующих кафедрами, так

например за заведывание кафедрой в среднем была определена доплата в 20% от оклада [5, л. 1].

В условиях постоянного ужесточения и накаливания идеологической политики проводимой на рубеже 1940-х начала 1950-х годов происходил процесс выдавливания высококвалифицированных кадров системы высшего медицинского образования. Исключением не стали и медицинские институты БССР. На период второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. пришлось постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам (1946–1948 гг.), «Дело Кшоевой и Роскина» (1947 г.), философская дискуссия (1947 г.), сессия ВАСХНИЛ с разоблачением «вейсманизма-морганизма» и борьбой за чистоту «мичуринской биологии» (1948 г.), объявление войны «космополитам и космополитизму» (1949 г.), дискуссия по вопросам физиологии (1950 г.) и как итог «дело врачей» 1953 года. [4, л. 17–21, 30, 36]; [6, л. 7–11, 177–179, 249]; [7, л. 50–53]. Сильно возросло в данный период административное давление на учебно-воспитательный процесс. Основы марксизма-ленинизма, являвшиеся организаторами марксистско-ленинской учебы преподавателей и студентов превратились в мощный инструмент идеологического воздействия посредством которого у студентов медицинских институтов Беларуси воспитывался, прежде всего, чувство гражданского долга, патриотические чувства к родине, вера в проводимую политическую линию партии [5, л. 29].

На протяжении всей послевоенной пятилетки остро ощущалось нехватка преподавательских кадров в системе высшего медицинского образования. Особый дефицит выявился в преподавателях анатомии, гистологии, патологической анатомии, микробиологии, инфекционных и детских болезней. Отдельные кафедры такие как: организации здравоохранения, неорганической химии, судебной медицины – пришлось возглавить совместителям, зачастую возглавлявшими одновременно несколько структурных подразделений [8, л. 28–30, 47].

В связи с резким отставанием подготовки специалистов высшей квалификации медицинские институты вынуждены были объявлять конкурсы и приглашать профессоров из других республик. Однако конкурсы на замещение вакантных должностей не всегда проходили успешно. Проблема подготовки научно-преподавательских кафедр приобрела особое значение в связи с значительным увеличением методической работы, комплексированием учебно-педагогического процесса и его оптимизации. Возросла роль гражданско-патриотического воспитания, на примере подвигов Великой Отечественной войны [12, л. 33, 177–179, 212]. Рост научно-педагогических кадров, несмотря на официальные установки к их подготовке, сдерживался как материальными аспектами, так и трудностью проведения научных работ в условиях «политизированности» всей медицинской науки. На коллегиях Министерства Здравоохранения БССР неодно-

кратно поднимались вопросы состояния идейно-политической работы в Минском и Витебском медицинских институтах [8, л. 98–101].

Основной задачей государственной политики в области подготовки кадров для системы высшего медицинского образования высшего Беларуси в 1946–1950-х гг. была подготовка медицинских кадров, число которых за пятилетку планировалось увеличить в несколько раз, декламировалось обеспечение высших медицинских учебных заведений профессорско-преподавательским составом и повышение качества обучения. Профессорско-преподавательским кадрам медицинских институтов отводилась главная роль в деле воспитания и развитии гражданственности и патриотизма у студентов, что в идеологическом смысле выводило на совершенно новый уровень значение профессии врача, который вместе со своими профессиональными качествами приобретал еще и общественные. Все это предавало профессии врача дополнительную престижность, которая в свою очередь сохраняла значительный социальный статус будущих специалистов.

Литература

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2853. – Оп. 1. – Д. 1.
2. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / пад рэд. М. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва: 2000–2011. – Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]. – 738 с.
3. ГАВО. – Ф. 2853. – Оп. 1. – Д. 2.
4. ГАВО. – Ф. 2853. – Оп. 1. – Д. 10.
5. ГАВО. – Ф. 2853. – Оп. 1. – Д. 7.
6. ГАВО. – Ф. 2853. – Оп. 1. – Д. 12.
7. ГАВО. – Ф. 2853. – Оп. 1. – Д. 13.
8. ГАВО. – Ф. 2853. – Оп. 1. – Д. 6.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Пивоваров В.А.,

*Центр региональных социально-гуманитарных связей, г. Воронеж,
Российская Федерация*

В статье приводятся результаты опросов профессорско-преподавательского состава по поводу использования дистанционных технологий в высшей школе. Выявлена тенденция все большего использования информационно-коммуникационных составляющих в обучении студентов.

С продолжающим свое стремительное развитие научно-техническим прогрессом и доступностью для современных потребителей телекоммуни-

кационных технологий и информационных источников наблюдается рост интереса к применению дистанционных технологий и в научно-педагогической среде.

Для подтверждения данного факта был проведен социологический опрос среди 465 студентов и 36 преподавателей московских учебных заведений. Результатом опроса стало выявление наиболее популярной формы организации учебного процесса для преподавателей и студентов (таблица 1). В результате 5,35% преподавателей предпочли традиционную образовательную систему с сопутствующим ей расписанием и расписанным графиком; 70,45% выбрали менее жесткую форму; 24,2% высказались за дистанционное образование. Обратим внимание, что наиболее одобрительно по поводу дистанционного образования высказались преподаватели, имеющие стаж преподавания более 10 лет (34,63% респондентов), в то время как преподаватели с педагогическим стажем менее 10 лет положительно отзывались о дистанционном образовании лишь в 16,3% случаях, а до трех лет в 19,5%.

В результате опроса мы видим, что дистанционные технологии становятся популярнее в студенческой среде с каждым годом. Одновременно с этим традиционная форма обучения с жестко нормированным графиком постепенно оставляет лидирующие позиции.

Вне зависимости от того, что год от года социологические опросы фиксируют возрастание популярности дистанционных технологий в образовании в преподавательской и студенческих средах, слои академического сообщества, имеющие наибольшее влияние, сохраняют политику консервативности и предубежденности в отношении к изменениям глобального образовательного процесса в целом, так и дистанционному образованию в частности. Такой настрой чиновников, которые имеют серьезное влияние на тактику и стратегию развития российского образования, отрицательно сказывается на развитии и вообще формировании системы дистанционного образования в Российской Федерации.

Минобрнауки России совместно с РАНХиГС провели массовый опрос профессорско-преподавательского состава вузов о развитии онлайн-среды. Были опрошены около 15% преподавателей высшей школы в Российской Федерации [1].

Профессорско-преподавательский состав выделил основные негативные моменты, связанные с применением дистанционных технологий (рис. 1).

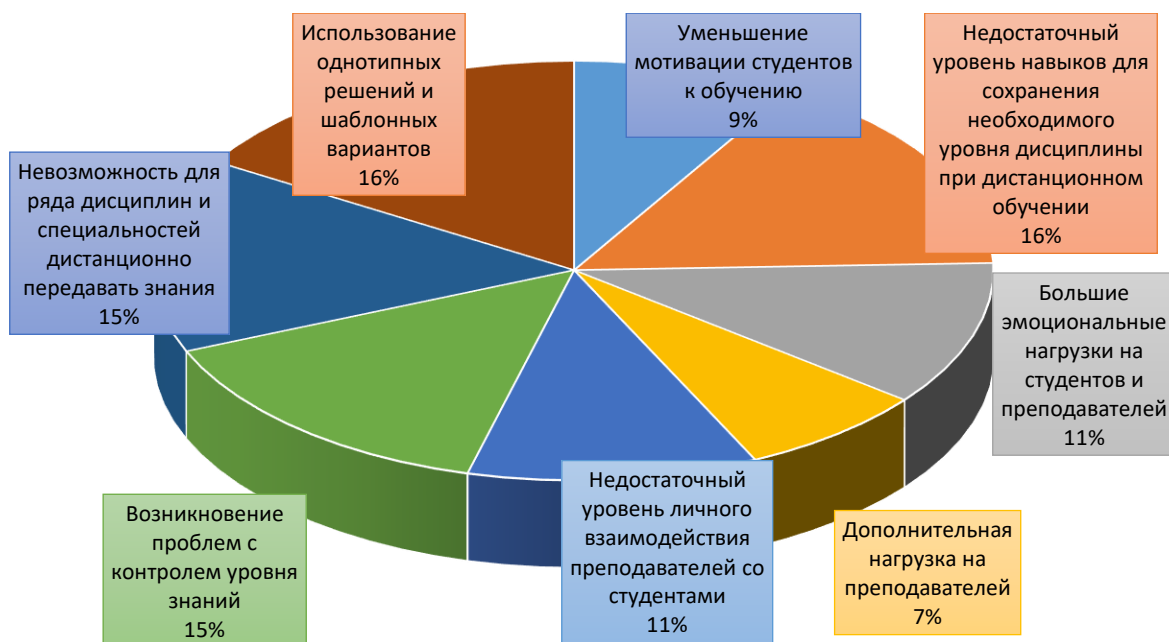

Рис. 1. Проблемы, выделенные преподавателями вузов

Особо выделяется то, что более 70% преподавателей проходили подготовительные курсы или каким-то иным образом осваивали использование дистанционных технологий в образовании. Кроме того, уже до начала применения ограничительных мер в связи с тяжелой эпидемиологической обстановкой более 60% профессорско-преподавательского состава в большей или меньшей степени дополняли традиционную систему обучения дистанционными технологиями [3, с. 17].

С каждым годом дистанционные технологии становятся все популярнее. Все большее количество профессорско-преподавательского состава используют их в своей педагогической деятельности. Это связано с удобством использования современных технологий, эффективностью их применения и в целом необходимостью внедрения дистанционных технологий в систему образования в реалиях современного мира. Сформирована законодательная база для использования дистанционных технологий на территории Российской Федерации. В Федеральном законе об образовании внесены поправки для использования электронного обучения [2]. Дистанционное образование уже используется в ряде высших учебных заведения нашей страны, в будущем их число будет только расти.

Литература

1. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2603 (дата обращения: 05.08.2020).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020)

URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (дата обращения: 3.09.2020)

3. Пивоваров В.А. Моделирование индивидуальной образовательной траектории студентов в образовательном процессе вуза / В. А. Пивоваров // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2020. – Т. 287, № 2. – С. 16–19.

ФАКТОР ГРАНИЦЫ В СОЗДАНИИ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Погребняк А.Б.,

ВГУ имени П.М. Машилова, г. Витебск, Республика Беларусь

Граница между Беларусью и Россией появилась в начале 90-х годов XX столетия. И это уже была не простая линия номинально обозначающая территории соседних регионов. Это уже была государственная граница между двумя самостоятельными независимыми политическими образованиями.

Эта черта очень болезненно прошла по единому, создаваемому многими десятилетиями, организму. Необходимо было заново налаживать отношения как между субъектами хозяйствования, так и между самими государствами, во многом очень похожими и очень близкими, но уже существующими по разные стороны государственной границы.

Хотя это и противоречило общемировой тенденции, направленной на сближение между государствами, но в тех исторических и политических условиях такое разделение и «парад суверенитетов» было необходимым шагом, позволяющим покончить с диктатом одной партии и одной нации в рамках огромного сообщества, именуемого СССР.

С развалом Советского Союза прекратил свое существование и единый центр, координирующий деятельность всех республиканских министерств образования. Бывшие республики СССР пошли по пути дальнейшего развития каждая по-своему, со своими приоритетами и своими методами. Особенность, наиболее ценная, на наш взгляд, этого процесса заключается в том, что все субъекты этого движения первоначально находились в одинаковом положении и на одинаковом уровне. Единые образовательные стандарты, существовавшие в СССР, были положены в основу системы образования стран постсоветского пространства. Тем не менее, самостоятельное развитие стран способствовало поиску своих путей развития систем образования.

Поиску новых путей и принципов совершенствования систем образования во многом способствовал начавшийся в это время в Европе Болон-

ский процесс. Предложенная западными государствами готовая схема и пути реформирования высшего образования, а также идея создания единого Европейского образовательного пространства были очень заманчивы и привлекательны своими перспективами и возможностями сразу и быстро влиться в европейскую образовательную среду со всеми ее бонусами и возможностями.

На практике все оказалось значительно сложнее. Первые трудности возникли при попытках перехода к модульно-рейтинговой системе образования, которая является основной формой организации учебного процесса в университетах Западной Европы и США. Модульная система высшего образования европейских стран базируется на индивидуально-ориентированной организации учебного процесса, при которой студент сам выбирает модули для изучения в течении семестра, формирует свой индивидуальный учебный план, выбирает преподавателей и время посещения учебных занятий. При освоении модуля он получает зачетные единицы и переходит к изучению следующего модуля. Если результат отрицательный, студент не отчисляется, а имеет возможность изучить данный модуль повторно, хоть несколько раз, но за отдельную плату.

В отличие от западноевропейской высшей школы в вузах России и Беларуси традиционно используется поточно-групповая организация учебного процесса, где единицей планирования занятий студентов является учебная группа, которая формируется из студентов в момент зачисления их в учебное заведение. Обучение происходит по общему расписанию занятий и на основе общего учебного плана.

Сама идея модульно-рейтинговой организации учебного процесса является перспективной и привлекательной и позволяет сделать образовательную программу более гибкой и управляемой. Но использование ее в системе высшего образования Беларуси и России нашло свое применение лишь как попытка использования модулей в преподавании конкретных учебных дисциплин. Вместе с тем практика объединения отдельных дисциплин социально-гуманитарного цикла в так называемые «учебные модули» не находит понимания и объяснение у научного и учебного сообщества.

Объединение в единый модуль «Философия» таких совершенно неравнозначных и не имеющих единого предмета изучения дисциплин как философия, основы педагогики и основы психологии не находит никакого ни научного, ни методического объяснения. То же самое относится и к модулю «Экономика», в состав которого входят две дисциплины: «Социология» и «Экономическая теория».

Еще большее недоумение и непонимание вызывает практика приема экзаменов по модулям «Философия» и «Экономика». Согласно рекомендациям Министерства образования прием экзаменов по интегрированным модулям социально-гуманитарного цикла необходимо осуществлять только в период экзаменационной сессии. И если изучение этих предметов, как

самостоятельных частей модуля, осуществляется на протяжении всего семестра, то экзамен по модулю в целом студенты должны сдавать в один день. Усвоить такой огромный и по объему и по сложности материал студенту первого или второго курса, не имеющему к тому же навыков самостоятельной работы с учебным материалом, чрезвычайно трудно, что приводит к снижению уровня требовательности на экзаменах и в целом к снижению глубины получаемых студентами знаний.

Вторая проблема, возникшая при переходе к европейским стандартам образования, была связана с принципиальными вопросами самого содержания образования. Процесс образования в странах постсоветского пространства неразрывно связан с гражданским воспитанием, в то время как европейских вузах преобладает концепция образование как разновидность сферы услуг. Высшее образование в нашем понимании это не только высокий профессионализм, но и гражданственная ответственность перед страной, патриотизм, преданность и приверженность историческим и духовным ценностям Отечества. Такое понимание неразрывности процессов образования и воспитания жизненно необходимо в современных условиях открытости образования, свободы и неограниченности распространения информации.

Сокращение сроков обучения в высшей школе до 4 лет на первой ступени за счет значительного сокращения курсов социально-гуманитарных дисциплин, позволило получить государству определенную экономическую выгоду, но оно явно потеряло приоритеты в сфере патриотического и идеологического воспитания молодого поколения. Надежда на то, что учащийся сам не только освоит учебный материал, но и впитает ценностные установки нашего общества, воспитает в себе патриотизм, любовь к Родине – не оправдались.

События последних десятилетий в ряде государств бывшего СССР, говорят о значительном снижении уровня патриотизма и все более широком проникновении в сознание молодежи идеалов и ценностей западной идеологии. И введением курса «Основы идеологии Белорусского государства» эту проблему не решить. Значительное уменьшение учебных часов на изучение социально-гуманитарных дисциплин ограничило фактическое время общения студента с преподавателем, который является не только носителем знаний, но и воспитателем, старшим товарищем, авторитетом, а также защитником и пропагандистом ценностей нашего общества.

На фоне все большего разочарования болонской системой и очевидной несовместимостью ее с национальными системами образования стран постсоветского пространства, все очевидней встает вопрос о необходимости создания единого образовательного пространства стран СНГ, и в первую очередь России и Беларуси. Определенные и существенные шаги в этом направлении уже предпринимались [1, с. 135–136], но их нужно продолжать и развивать. Накоплен огромный практический и методологи-

ческий опыт рационального сочетания общих принципов Болонского процесса и учета национальных особенностей каждой из стран постсоветского пространства. На современном этапе развития сфер образования все более актуальным становится возврат к деятельности по созданию единого образовательного пространства стран СНГ, но уже на новом уровне, и на принципах равенства.

Учет уже накопленного опыта реформирования систем высшего образования каждой страной в отдельности, успехов и неудач на этом непростом пути должен способствовать планомерному продвижению в направлении дальнейшей координации образовательной политики стран постсоветского пространства, и в первую очередь России и Беларуси.

Литература

1. Глобализация, регионализация, пограничье: монография / Л.А. Водопьянов [и др.]; под науч. ред. М.А. Слемнева. – Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 215 с.

ПОСТСОВРЕМЕННЫЙ МИР И ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ

Рудковская Е.Э.,

ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Мы живем в эпоху глубоких качественных трансформаций духовной сферы, резких смещений акцентов в ценностных ориентациях людей, обозначаемых как постмодернистский дух времени. Постмодернистское видение мира весьма специфично. С одной стороны, оно преодолевает узость рациональных, идеологических рамок, однозначности и ориентированности на авторитеты. С другой стороны, эмотивность, фрагментарность, редуцированность и мозаичный коммунализм взглядов вне их системности представляется нам сомнительным достижением по сравнению с рациональной рефлексией, четкостью ценностных ориентаций мировоззрения эпохи модерна.

Постмодернистский дух рожден благодаря прочному укоренению либерально-демократических установок, религии прав и свобод человека, принципов индивидуализма и плюрализма. Отсюда – «мир миров» как результат самовыражения личности: обилие и рядоположенность идей, неприемлемость универсализма, – что, безусловно, импонирует своим признанием симметричности личностных «миров». Но тяга к ценностному многообразию хороша в меру, особенно в сфере нравственности, ибо элиминация прочного фундамента моральных истин ведет к опасной замене высших смыслов потребительством и прагматизмом, к релятивизму поня-

тий добра, долга, гражданской ответственности, патриотизма. Все это обрачивается атрофированием общественных интересов личности, некритическим отношением к назревшим социально-политическим и духовным проблемам. В первую очередь, в этом отношении уязвимо подрастающее поколение.

«Трансформация социально-политических и духовных основ современного общества с неизбежностью ставит вопрос о роли и месте молодежи в динамике общественных процессов. Как молодежь понимает, оценивает процессы обновления и способна ли она их поддержать? Будут ли в будущем обществе социальный мир и стабильность, утвердятся ли принципы гуманизма, демократии и справедливости? Ответ на эти и многие другие вопросы следует искать современной молодежной среде, студенческих аудиториях и школьных классах» [1, с. 226].

Децентрация и зыбкость мировоззрения обнаруживается в непоследовательности и противоречивости стремлений, установок, действий. Это подтверждается данными социологического исследования, проведенного среди студентов университета в 2019 г. В анкетировании принял участие 291 человек. Так, на вопрос «Гордитесь ли вы тем, что живете в Республике Беларусь?» 35,1% респондентов ответили «Не знаю». Столько же человек не определилось и в отношении политической системы нашей страны. По вопросу ценности демократии и вовсе 44,0% опрошенных не имеют однозначной позиции.

Существенно снизилась (с 58,9% в 2005 г. до 45,0% в 2019 г.) доля тех, кто гордится гражданством Республики Беларусь.

Подавляющее большинство студентов (65,5%) в 2005 г. были не согласны с утверждением, что Родина там, где хорошо жить. Текущий опрос показал снижение несогласных до 45,4%.

Среди мировоззренческих ценностей патриотизм занял низкое ранговое место (8,9%). (В соцопросе 2016 г. только каждый второй респондент (52,9%) признал патриотизм качеством национального характера белорусов.)

На наш взгляд, цифры свидетельствуют о несформированности гражданско-патриотических установок у значительной части студенческой аудитории. А ведь они духовная основа энергии, силы, жизнеспособности государства, солидаризирующих скрепов общества. Отчасти результаты социологического исследования можно объяснить феноменом постмодернистской культуры, ментальной спецификой современной эпохи. Отчасти – недостаточной эффективностью идейно-воспитательной работы. Промехи в этом деле дорого обходятся. Люди-«мотыльки», живущие «здесь и сейчас», вне преемственных связей и потребности в эталонах, не способны понять диалектику части и целого, стратегические ориентиры развития общества, осознать национальную идентичность и ответственно действовать в общественной жизни, служить стране. События последнего времени во внутриполитической жизни страны лишний раз убеждают в необходимости со-

вершенствования комплекса активной разъяснительной работы среди молодых людей, чтобы познавательный, чувственный, ценностный и практический элементы их политико-правовой культуры привести в согласие.

Литература

1. Кривоносова, Е.Э. Трансформация духовных основ современной цивилизации и проблема социализации молодежи / Е.Э. Кривоносова, Э.И. Рудковский // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIV(71) Регион. науч.-практ. конф. препод., научных сотрудников, аспирантов, Витебск, 14 февраля 2019 г.: в 2 т. / ВГУ; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Т. 1. – Витебск, 2019. – С. 225–227.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ БЕЗОПАСНОЕ ДЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СМОЛЕНЩИНЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ²

Сенченков Н.П., Терещенкова В.В.,
СмолГУ, г. Смоленск, Российская Федерация

Безопасность – ключевая универсалия для человека, общества и государства. Особенно она актуальна в современных реалиях быстро меняющегося мира. При этом проблема безопасности более всего «бьет» по социально незащищенным слоям населения, в первую очередь, детям. Именно это приводит их на скользкую дорожку правонарушений. Как отмечает Е.В. Мишина, «особую значимость проблема предупреждения и борьбы с преступностью несовершеннолетних приобретает в переломные моменты истории нашего государства, когда процесс реформирования всех сфер жизни общества отражается, прежде всего, на самых незащищенных слоях населения, в первую очередь, на детях и подростках» [5, с. 4]. Сегодня, когда возникла настоятельная необходимость осуществления мер, направленных на борьбу с преступностью несовершеннолетних, опыт, накопленный в процессе решения данной социальной проблемы воспитательно-исправительными учреждениями Российской империи второй половины XIX – начала XX века, является бесценным.

Данный исторический период характеризовался разрушением народных культурно-значимых символов. Причиной этому стали проводимые реформы, которые затронули все сферы общественной жизни. Разрушение этих символов привело к негативным последствиям: особое влияние

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-313-90023.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-313-90023.

ощутили дети, которые зачастую были вынуждены становиться на преступный путь. Н.М. Гомозов приводит сведения, которые позволяют сделать вывод о том, какие факторы определяли увеличение масштабов детской преступности: «по результатам анкетирования малолетних преступников, проведенного С.-Петербургским Детским судом в 1910 году, вырисовывается следующая картина причин правонарушений: в 677 случаях или 58,5% – это влияние на несовершеннолетнего со стороны товарищей; препровождение времени в трактирах (439 опрошенных или 40%); азартные или бильярдные игры (203 человека или 17%); злоупотребление алкоголем (389 подростков или 33%); проституция девочек – 10%» [3, с. 92]. Не вызывает сомнения, что в такой ситуации разрушалась детская личность, несовершеннолетние приобретали порочные «ценности», не видя другой, светлой стороны жизни.

Данная ситуация была характерна не только для крупных городов Российской империи. В частности, на территории Смоленской губернии в конце XIX века произошло резкое увеличение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними. Скачок был зафиксирован в 1901 году, когда на Смоленщине было зарегистрировано 1050 случаев нарушения детьми закона [4], что, без сомнения, приводило к морально-нравственной деградации. Для решения этой острой социальной проблемы необходимо было создать духовно-нравственное безопасное пространство, которое могло защитить несовершеннолетних от дурного влияния социальной среды, помочь им адаптироваться в условиях того времени.

Так, со второй половины XIX века на территории Смоленской губернии открывались учреждения, которые и создавали безопасную духовно-нравственную среду для детей. В 1875 году в селе Татеево Бельского уезда профессором С.А. Рачинским была открыта школа для крестьянских детей. В этом заведении ребят не только учили чтению, письму, счету, но и особое внимание уделяли их религиозно-нравственному воспитанию, эстетическому развитию, учили выполнять разные виды сельскохозяйственных работ. Рачинский считал, что воспитание и образование «должно способствовать улучшению нравственного здоровья крестьянства за счет грамотных и культурных выпускников сельской школы» [6, с. 21]. Кроме того, он предпринимал конкретные меры, направленные на борьбу с пьянством, остававшимся актуальной проблемой. Причем алкоголизм был распространен не только среди взрослого населения, но и в детской среде. «Считалось бесспорным, что почвой, на которой зарождалось преступное деяние при алкоголизме, являлась бедность, нищета, утрата или отсутствие нравственности, сексуальная распущенность, различные психические аномалии. Статистические данные убедительно подтверждают, что алкоголизм и преступность – это два явления общественной жизни, которые находятся в тесной связи между собой: 60% преступлений в изучаемый период совершалось в состоянии алкогольного опьянения» [3, с. 97]. Что-

бы оградить не только детское население, но и взрослых людей от этой пагубной зависимости, Рачинский создает общество трезвости, которое пользовалось большим авторитетом не только в селе Татево, но и за его пределами. Он пропагандировал здоровый образ жизни, рассказывал о вреде алкоголя. Организованное им общество позволяло не только решить проблему алкоголизма среди взрослых, но и способствовало профилактике правонарушений среди несовершеннолетних.

Еще одним значимым для Смоленской губернии конца XIX века учреждением являлась Сторожищенская исправительная колония-приют. Согласно материалам, обнаруженным в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО), она была открыта в 1894 году для исправления и содействия в социализации несовершеннолетних правонарушителей. Кроме детей-преступников в колонию поступали несовершеннолетние из группы риска: дети-сироты, дети из неблагополучных семей, которые под воздействием окружающей их среды, лишенной духовно-нравственной безопасности, могли совершить правонарушение [2]. Педагогический персонал учреждения создавал благоприятную, безопасную для питомцев среду, в которой были все условия для развития их личности. Воспитание было организовано в разных направлениях: педагоги не только обогащали ребят необходимыми для них знаниями по общеобразовательным и специальным предметам (умственное развитие), но и прилагали немало усилий для их трудового воспитания, обучая практическим навыкам ведения сельского хозяйства, которые многие из питомцев затем активно использовали в самостоятельной жизни. Кроме того, в колонии сформировалась морально и духовно здоровая атмосфера, которая, без сомнения, способствовала исправлению и являлась одним из факторов, позволявшим вырастить настоящего гражданина. В архивных источниках указано, что отношения в заведении были построены на взаимоуважении, доверии, ответственности за судьбы ближних и понимании [1].

Важно подчеркнуть, что данный опыт может быть востребован и в настоящее время не только в границах русского мира, но и в странах Запада, в т.ч. и США, переживающих кризис расового противостояния.

Литература

1. ГАСО (1903). Программа для представления сведений по учебной части, физическому воспитанию, по гигиене и религиозно-нравственному воспитанию. – Ф. Р-368, оп. 1, д. 4.
2. ГАСО. Устав Смоленского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних. Ф. Р-368, оп. 1, д. 1.
3. Гомозов Н.М. Государственно-правовые меры борьбы с преступностью несовершеннолетних в России второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 184 с.

4. Зак А. Характеристика детской преступности // Дети – преступники. Сборник статей с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей. – М.: Книгоизд-во «В.И. Знаменский и Ко», 1912. – С. 79.

5. Мишина Е.В. Правонарушения, совершаемые несовершеннолетними в дореволюционной России и государственно-правовая деятельность по их предупреждению и пресечению: Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. С.-Пб., 2002. – 159 с.

6. Стеклов М.Е. Четыре портрета: С.А. Рачинский, В.П. Вахтеров, Х.Д. Алчевская, К.Н. Вентцель. М.: Вердикт Смоленск, 1995. – 160 с.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

Сидоров В.А., Харьков И.С.,

*Российский православный университет, г. Москва,
Российская Федерация*

Современные условия развития общества, наряду политическими, экономическими, социокультурными, четко обозначают проблемы воспитания подрастающего поколения в духовно-нравственной сфере, где огромную роль играет духовное измерение человеческого бытия, осмысление права на духовно-ценностную идентичность, духовное самосовершенствование как базовая потребность индивида. Это связано с возрождением духовной жизни, обретением исторической памяти, возвращением к истокам, культурно-историческим традициям, определяющим сущность и смысл православной цивилизации.

Патриарх Кирилл глубоко убежден в том, что необходима коррекция этого цивилизационного развития, которая может быть достигнута только через сохранение наших базисных ценностей и традиций, через формирование личности, способной критически воспринимать и оценивать происходящее и достигать тех целей, которые стоят перед этой личностью, а также и перед всем обществом. Святейший видит главную задачу Церкви именно в том, чтобы содействовать процессу создания сильной личности, крепкой семьи и сильного государства - «Сила нации – в силе духа». Важнейшей сферой духовного возрождения, определяющей будущее страны, является сфера образования и институт семьи.

Проблема адаптации Российской Федерации в современном европейском измерении связана со стремлением реформаторов стать частью Западного мира. Наблюдается игнорирование отечественных традиций и ценностей, экстраполяция западных образцов воспитания детей и юношества:

во-первых, в контексте прав, заявленных в разного рода конвенциях, над воспитанием обязанностей;

во-вторых, в акцентах на мультикультурализм и толерантность, взамен взращивания гражданина и патриота;

в-третьих, проведения идей конкурентности и лидерства для насаждения потребительства, индивидуалистических воззрений, эгодимианты.

Среди военно-политических, общественно-политических, экономических, социокультурных *угроз* для национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе развития, необходимо проанализировать, прежде всего:

социально-экономические:

- деградация культуры и образования;
- снижение интеллектуального потенциала страны;
- разрыв преемственности поколений во всех областях, в том числе, культуре, науке, образовании;
- депопуляция;
- кризис семейных отношений, распад семьи, как базового элемента общества;
- вырождение нации – зависимости значительной части населения, утрата здоровья нацией, высокая смертность и др. и

культурно-цивилизационные угрозы, среди которых выделяют:

- духовное обнищание нации;
- манипуляция массовым сознанием, в том числе, и на религиозном уровне;
- подмена духовно-нравственных и культурных традиций [2, с. 53–56].

Представим культурно-цивилизационные угрозы и прогнозные модели в таблице 1.

В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви указывается, что государство и Церковь обладают различной природой и используют различные средства для достижения своих целей, но при этом имеют ряд общих целей и областей соработничества, среди которых важное место занимает духовное, культурное, нравственное и патриотическое воспитание. Соблюдение принципа соработничества, взаимного уважения, взаимной помощи и невмешательства в дела друг друга, уважительного партнерства гарантирует оптимальные условия для выполнения миссии, как Церкви, так и государства [1].

В демократических процедурах, имеющих для общества нормативный характер, взаимодействие религиозных и нерелигиозных граждан – их коммуникация внутри гражданского общества – предстает как скрытый ресурс нравственных и социальных интуиций, поскольку в самом сердце современного гражданского общества религия сохраняет свое влияние на течение общественных процессов.

Таблица 1 – Культурно-цивилизационные угрозы и прогнозные модели

Угроза	Причина	Последствия	Прогноз	Решение
<i>Духовное обнищание нации</i>	Сознательное и планомерное отстранение духовной и научной элиты от общественного контроля и влияние на воспитательно-образовательный процесс	Безграмотность значительной части населения страны в духовно-нравственной сфере	Окончательная утрата нацией собственного культурно-цивилизационного кода	Социальное трехсекторное партнерство (государство-бизнес-общество), где выстроен паритет между государством и традиционными религиозными конфессиями
<i>Манипуляция массовым сознанием</i>	Духовная безграмотность населения; наследие атеистического прошлого	Подмена служения Родине, обществу, семье эфемерными воззрениями; подрыв духовного, душевного, телесного здоровья нации	Дезинтеграция общества по религиозному признаку; всплеск религиозно-политического экстремизма	Реализация программ духовно-нравственного развития и воспитания личности на основе отечественных традиций
<i>Подмена духовно-нравственных и культурных традиций</i>	Нигилизм и отрицание ценности наследия предыдущих поколений (общественно-политический и культурно-исторический дебилизм, как принцип революций и социальных переворотов); деструктивное влияние СМИ на культуру и духовно-нравственное развитие молодежи	Дезориентированное клиповое сознание молодых людей	Индифферентность, асоциальность, суицидальность, молодежный экстремизм	Педагогизация сознания взрослых; создание детско-взрослых сообществ для совместной деятельности в культурном пространстве; акции на информацию СМИ, оказывающую негативное влияние на традиционное воспитание детей и молодежи

Литература

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.
2. Системный кризис отечественного образования как угроза национальной безопасности России и пути его преодоления /под научной редакцией В.И. Слободчикова. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2016. – 145 с.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Стасевич П.В., Бородуля А.А.,
БГЭУ, г. Минск, Республика Беларусь

В настоящее время в быстрых темпах происходит глобализация. С одной стороны этот процесс имеет свои плюсы, но, к сожалению, с другой стороны, имеет свои минусы. Одними из самых распространенных проблем вследствие глобализации являются проблемы духовной нравственности молодежи и разрушение культурных значимых символов.

Проблема духовной нравственности молодежи волнует очень многих. Одной из причин является интернет. Сидя в интернете, молодежь не обращает внимания на происходящее за окном. Некоторые из них на вопрос «Когда вы были в последний раз в театре, на выставке, в галерее?» ответят «не помню» или «очень давно». Также молодежь перестала делать возможно главного – читать книги. Многие думают, что это не надо, это не интересно, у меня времени нет, хотя время посидеть в интернете всегда найдется у молодежи. Они считают, что в книгах они не найдут ничего важного для современного мира.

Также за собой повлекли последствия видео игры. Игры влекут за собой болезнь – зависимость. Игroman не замечает, что происходит во внешнем мире. В данный момент большинство игр наполнены жестокостью, агрессией, развратом. Особенно опасно для несформировавшейся психики стрелялки. Эти игры влекут за собой плачевные последствия, к сожалению, таких примеров очень много.

Также свой «вклад» внесли и социальные сети. В сетях можно представиться кем угодно и писать, что угодно. Молодежь использует нецензурную лексику, в сетях происходит разврат, все потому, что они думают, что никаких последствий не будет. В социальных сетях одной из самых распространенных проблем является буллинг. Многие, когда пишут негативные комментарии, оскорбительные сообщения, когда всеми способами пытаются унижить человека, не думают о плачевных последствиях. Это хорошо, когда поймут, что человек подвергается буллингу и помогут, но не всегда успевают помочь, особенно детям.

Духовно-нравственная проблема проявляется в поведении молодых людей. Сквернословие, пьянство с раннего возраста, вызывающее поведение, привлечение внимания не самым лучшим образом – это все последствия глобальной информационной экспансии потребительского образа жизни.

Но все же некоторая часть молодежи стремится и развивается духовно и нравственно. А решением этой проблемы, на наш взгляд, является причина этой проблемы. Следует через интернет пробовать развивать, совершенствовать социальные сети делая их более эстетичными.

На сегодняшний день также существует проблема разрушения культурно значимых символов. Эта проблема безусловно влияет на молодежь. Культурно значимое упрощается либо и вовсе забывается. Это отражается на повседневной жизни, на поведении, на взаимоотношениях противоположных полов, на понимании, что такое семья, на уважении к старшему поколению. А ведь, правда, некоторым ценностям нам надо бы позаимствовать у старшего поколения. Многие из старых ценностей надо просто переделать под современные ситуации. Ведь сегодня в понимании молодежи все стало слишком легко и без обязательств.

Таким образом, решением этих проблем, возможно, является то, что надо дать понять молодежи, что все имеет свои последствия, что есть ответственность и обязанности.

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Стикина Е.В.,

*Университетская гимназия (школа-интернат) МГУ
имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация*

Мартыненко Т.С.,

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

В рамках современного глобализующегося мира человечество ощущает острую необходимость в появлении глобального, всемирного языка как средства межнационального общения. Долгое время предпринимались попытки создания искусственного глобального языка, интуитивно понятного многим народам, но все эти проекты не были реализованы. Этим ученые переориентировались на поиск естественного языка, который мог бы занять главенствующее положение.

В настоящее время наиболее вероятным ученые считают еще более широкое распространение для международного общения английского языка. Именно английский язык в упрощенном и стандартизированном своем виде может выполнять функции языка-посредника для межнационального общения [1]. Однако надо заметить, что главенство английского языка во всем мире имеет огромное множество негативных последствий как для самих носителей, так и для всего остального мира.

Негативные последствия для всего мира наиболее очевидны. Во-первых, продвижение и доминирование одного языка в качестве средства международного общения неизбежно приводит к тому, что вместе с языком между народами неизбежно приводит к тому, что вместе с языком проникает и чужая культура. Это происходит потому, что язык и культура неразделимо спаяны и каждый язык несет в себе весьма значительный

культурно-идеологический заряд [3, с. 308]. Говоря иными словами, англо-американская культура навязывается всему миру, а вместе с ней навязываются образ жизни, менталитет, система ценностей, идеология, то есть все то, что составляет нравственную основу национального общества. Под влиянием, например, американской идеологии в настоящее время во всем мире происходят социальные волнения. Это происходит не только потому, что американская идеология распространяется на весь мир вместе с культурой, но и из-за подверженности молодежи современным идеям [2].

Во-вторых, с главенством глобального языка происходит постепенный процесс вытеснения и утраты национальных языков и национальных культур. Надо заметить, что именно глобализация является основным разрушителем языков и культур. По данным Д. Кристалла, на Земле каждые две недели умирает язык [3, с. 309]. Учитывая эти данные, можно сделать вывод, что уже к концу XXI века умрут до 90% современных языков, а вместе с ними и бесчисленное множество культурных универсалий: традиций, обрядов, ценностей, мировоззрений...

Таким образом, при главенстве одного глобального языка весь мир становится единообразным, ведь он влияет не только на культуру, но и на мышление. Народы, которые в доиндустриальном и индустриальном обществах отличались своей самобытностью и непохожестью, сейчас становятся абсолютно одинаковыми.

Разберем негативные последствия установления английского языка как глобального для самих носителей. Во-первых, носители английского языка отличаются нежеланием учить иностранные языки. Они объясняют это тем, что все в мире учат их язык, поэтому им незачем беспокоиться. Это проявляется не только в узости кругозора англоязычных народов, но и в других сферах их жизни. Так, например, английский язык мешает, например, бизнесу англоязычных наций: их компании за рубежом много теряют потому, что их представители не знают и не изучают местные языки и культуры.

Во-вторых, став языком международного общения, английский язык перешел как бы во всеобщее пользование, стал международным, глобальным достоянием. Таким образом, англичане «пожертвовали» своей самобытностью, отдав английский язык во всеобщее пользование [3, с. 324]. Английский язык перестает идентифицировать только англоязычные народы, что лишает их своей самобытности.

В-третьих, поскольку английский язык используется по всему миру, многие народы вносят в него элементы своей культуры. В связи с этим появился такой термин, как *World Englishes*. *World Englishes* возникают очень быстро, вводя в английский язык новые слова. С новыми словами в культуру приходят и новые универсалии: привычки, традиции и т. д. Иногда даже сами носители языка не знают все новые элементы своей культуры. Очевидно, таким образом даже сами англоязычные носители отдаляются и

от своего языка, и от своей культуры, что так же влияет на неправильную идентификацию языком народа.

Так, носители английского языка в настоящее время терпят множественные лишения. Их язык уже не всегда соответствует их культуре и мышлению, а их культура стала культурой всего мира: все мы смотрим англо-американские фильмы и слушаем англо-американскую музыку. Возможно, сами носители пока еще не ощущают эти недостатки из-за того, что глобализация затронула еще не весь мир. Позже, когда постиндустриальное общество разовьется на большей территории мира, носители языка и культуры будут ощущать это намного больше.

Подытоживая все вышесказанное, можно отметить, что культура и язык должны защищаться от влияния глобализации. Конечно, глобализация – явление, имеющее огромное количество позитивных последствий, однако, на мой взгляд, главенство глобального языка и глобальной культуры перекрывает все преимущества. Именно поэтому в настоящее время важно защищать национальные языки и культуры, изучать языки национальных меньшинств. Только таким образом человечество сможет сохранить все недостаточно распространенные культуры.

Литература

1. Ерохина Н.В. Языковой опрос глобального мира // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2009. – № 11(15). – С. 30–34.
2. Стикина Е.В., Вершинина И.А. Манипулятивное воздействие на молодежь со стороны политических партий. В кн.: Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: материалы международной научно-практической online-конференции, Витебск, 2019. – С. 37–39.
3. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – Слово Москва, 2008. – 344 с.

ГУМАНИЗАЦИЯ БИМЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АКТУАЛИЗАЦИЯ БИОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Тиханович Н.У., Кулик С.П.,
ВГМУ, г. Витебск, Республика Беларусь

Сегодня следует четко осознавать актуальность и безальтернативность гуманизации медицинского познания и практики. Неизбежность ценностной составляющей в системе современного медицинского знания и практической деятельности детерминирована не только своеобразием самой медицины, но и глобализацией проблемы здоровья в развитии культуры. Медицинская сфера является историческим продуктом и существует

внутри конкретного экологического и культурного контекста. Изменение этого контекста, приводит и к изменению медицинской системы. На нее оказывают влияние экономические, политические и философские концепции.

Философия никогда не пренебрегала осмыслением проблемы человеческого здоровья, материальной сферы и духовной атмосферы в обществе. Современная философия опирается на триадичную модель человека: человек – это продукт природы (космоса), общества (культуры) и самого себя как личности. Исходя из этого, источником и гарантом здоровья человека являются природа, общество и сам человек.

Философский подход к человеку, у которого наряду с природными данными присутствуют и субъективно-творческие потенции, позволяет лучше понять и оценить именно человеческий феномен здоровья. Для понимания и оценки здоровья человека недостаточно естественнонаучных знаний. Необходимы гуманитарные знания, которые бы дополнили естественнонаучное видение здоровья человека. Гуманитарные знания не только дополняют естественные знания о здоровье человека и его бытии, но еще и нацеливают на самостоятельный поиск путей самосовершенствования личности. Ценностные ориентации ученого приобретают все большее значение в медицинских исследованиях. В этих условиях возрастает необходимость гуманизации медицинского познания и практики. Сегодня в обществе осознается необходимость комплексного изучения жизни человека и его здоровья, создания единой системы гуманитарного образования и воспитания.

Медицинская деятельность и знание претерпевают весьма значимые трансформации и выступают в качестве важнейших феноменов культуры. Современная медицина не только расширяет границы человеческого познания, но и приобретает все более технологичный характер. В ней поднимается целый ряд сложнейших вопросов философского, этического, религиозного и правового характера, в том числе о допустимых границах научных исследований, о возможности вмешательства в глубинные основы человеческого бытия – рождение и смерть, начиная порой от этапов, предшествующих зачатию и, завершая посмертным существованием. Идет процесс коммерциализации биомедицинских исследований и биотехнологий, создается новый рынок, новые товары, новые права собственности. Объектами коммерческого использования становятся не только живые организмы или элементы человеческого тела (гены или клетки), но и геномы целых наций, что сам человек во все большей степени становится объектом самых разнообразных научных исследований. И, чем больше на человеке концентрируется наука, и разрабатываются эффективные средства воздействия на него, тем больше возрастают элементы риска и опасности для человека [3]. Моральные императивы современной биомедицины радикально преобразовывают основополагающие принципы «Клятвы Гиппократ», которая на протяжении всего существования медицины, как науки, в ее современном понимании, являлась образцом врачебного морального

сознания. Человеку приходится делать непростой и чрезвычайно ответственный выбор, который определяет судьбу либо его самого, либо его родных. В связи с этим вопрос о нравственности знания и его практического применения встает с небывалой остротой. Связь научности и нравственности – одно из условий существования и выживания современной цивилизации.

Важным компонентом формирования мировоззрения будущих врачей и провизоров стало включение в учебные планы дисциплин «Биомедицинская этика и коммуникации в здравоохранении» и «Биофармацевтическая этика». Возможности и средства биомедицины и фармации сегодня могут быть направлены как на благо, так и во вред не только конкретному человеку, но и человеческому роду в целом. Это актуализирует проблему гуманитарной и социальной экспертизы биомедицинского знания и деятельности [2, с. 16–18]. Главной особенностью современной медицины является то, что ее успехи связаны не только с лечением, но и с управлением человеческой жизнью. Медицинский и фармацевтический работник располагают средствами, с помощью которых возможен определенный контроль над рождаемостью, жизнью и смертью, что обуславливает медиализацию социальной жизни через открывающиеся возможности влияния на демографию и экономику, право и мораль. Утрата или отказ от моральных оснований медицинской и фармацевтической деятельности как никогда опасны сегодня в условиях распространения в обществе этического нигилизма, который непосредственно связан с обесцениванием традиционных человеческих ценностей [1, с. 212–215]. Человек в современном мире оказывается в такой ситуации, когда границы его бытия расплывчаты, нуждается в биоэтических знаниях, биоэтическом просвещении и консультировании, профессиональной помощи, оказавшись перед моральным выбором. Биоэтическое образование необходимо не только для специалистов (врачей, медицинского персонала, биологов, философов, юристов), но и должно стать составляющей общего образования. Например, в Республике Беларусь очень небольшое количество живых доноров, на данный момент оно составляет около семи процентов, в то время как в европейских странах уровень живого донорства от 20 до 40 процентов. И дело не только в законодательстве, которое на данный момент ограничивает круг живых доноров только родственникам первой линии, но и в недостаточном просвещении людей, отсутствии знаний в этой сфере.

Значительный вклад в решении этой проблемы вносят этические комитеты. Этические комитеты (в ряде случаев комитеты по биоэтике) на сегодня контролируют соблюдение различных нормативных актов, принятых на международном и национальном уровне в области биоэтики. При Министерстве здравоохранения Республики Беларусь в 2006 году создан Национальный комитет по биоэтике (НКБЭ), который осуществляет общественный контроль над соблюдением этических норм и правил при выполнении работ, связанных с использованием человека и животных в экспе-

риментах и клинических исследованиях, соблюдение прав и свобод человека при использовании в отношении его современных достижений науки, проведении образовательной, лечебно-профилактической и иной деятельности. Среди комплекса задач, решаемых НКБЭ не только анализ и обсуждение сложных моральных проблем, связанных с достижениями науки и техники, но и выработка предложений, касающихся законодательной помощи в создании, регуляция и координация деятельности этических комитетов разных уровней, обучение членов этических комитетов, повышение уровня непрерывного этического образования специалистов-медиков, от университетской подготовки до повышения квалификации. Важной частью деятельности этических комитетов является пропаганда здорового образа, информирование населения о проблемах и достижениях в сфере биоэтики.

В Республике Беларусь сегодня существуют различные виды комитетов по биоэтике (этические комитеты, комиссии по этике, ассоциации и т.п., функционирующие на разных уровнях). Все они осуществляют определенные специфические функции и, в то же время, обнаруживают точки соприкосновения в решении биоэтических дилемм, возникающих в различных областях биомедицинских и биофармацевтических исследований и практическом здравоохранении.

Литература

1. Биоэтика и современные проблемы медицинской этики и деонтологии: материалы Республиканской научно-практической конференции с международным участием (Витебск, 2 декабря 2016 г.). – Витебск : ВГМУ, 2016. – 287 с. [Электронный ресурс] <http://elibrary.ru/item.asp?id=27548620>
2. Социальная биоэтика сквозь призму глобальной биоэтики / под ред. канд. филос. наук, проф. Т.В. Мишаткиной, д-ра биол. наук, проф. С.Б. Мельнова. – Минск: ИВЦ Минфина, 2018. – 518 с.
3. Этическая экспертиза биомедицинских исследований в государствах-участниках СНГ (социальные и культурные аспекты). – СПб.: Феникс, 2007. – 408 с.

ЗНАМЕНИТЫЕ ОРУЖЕЙНИКИ, УРОЖЕНЦЫ БЕЛАРУСИ

Цыбулько В.В.,

Военная академия Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

За время существования человечества разработаны сотни тысяч образцов вооружения – от каменного топора до межконтинентальной ракеты. Огромная роль в создании современного оружия принадлежит и конструкторам-белорусам. Они заняли свое достойное место среди других кон-

структоров оружия. Стоит остановиться на некоторых из них, с их яркой и неповторимой судьбой.

Ефим Яковлевич Померанец – один из тех конструкторов, чье имя до недавнего времени не было известно широкой общественности. Е.Я. Померанец родился 1 марта 1925 года в городе Мозыре. Отец его был бухгалтером, мать – домохозяйкой. Когда сыну исполнилось 5 лет, семья переехала в Киев, а в 1937 году в Ленинград. В городе на Неве Ефим Яковлевич закончил 9 классов школы. В апреле 1942 года поступил в техникум, а в 1946 году после его окончания поступил в Ленинградский Институт Точной Механики и Оптики, который окончил в 1952 году. В 1947 году переведясь на вечерний факультет поступил на работу в Конструкторское Бюро завода «Прогресс» объединения ЛОМО. В 50-е годы он принимал участие в создании приборного комплекса для знаменитой ЗСУ «Шилка», проектировал ряд прицелов к морским орудиям, создавал новый полуавтоматический прицел к зенитному орудью. Эти изделия были по многим параметрам новинками в отечественном оптическом приборостроении. В начале 60-х Ефим Яковлевич участвовал в разработке аппаратуры управления для ПТУР «Скорпион», панорамного прицела для бронетанковой техники [1]. Но самой важной работой, делом его жизни стало создание головок самонаведения (ГСН) для переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК) и управляемых артиллерийских снарядов (УАС). Померанец руководил конструкторскими разработками ГСН типа «Стрела» и типа «Игла». Усилия конструкторов увенчались успехом – в 1968 году первый советский ПЗРК «Стрела-2» был принят на вооружение Советской Армией. В феврале 1971 года было принято решение о разработке нового ПЗРК «Игла». Конструкторы решились применить совершенно новое построение ее координатора, не используемое ранее в мировой практике. И в 1983 году ПЗРК «Игла» был принят на вооружение. В настоящее время данный ПЗРК стоит на вооружении в 15 странах мира. Ефим Яковлевич внес значительный вклад в разработку «Иглы». Правда, на завершающем этапе создания головки он, по просьбе руководства, взял на себя другую важную работу – занял должность ведущего конструктора по особо сложным разработкам. В 1979 году Померанец Е.Я. был назначен Главным конструктором по разработке лазерной полуактивной головки самонаведения (ЛПГС) для артиллерийского снаряда «Краснополь». В рамках нового вида деятельности Е.Я. Померанцеву требовалось создать ЛПГС для управляемого снаряда. На сегодняшний день в мире практически не существует аналогов «Краснополя». Эта уникальная система осуществила многовековую мечту всех артиллеристов – попадать в цель с первого выстрела. Сейчас на ЛОМО создаются новые, перспективные высокоточные изделия по пассивной и полуактивной тематике, в которых использованы конструктивные решения Померанца.

Стоит остановиться еще на одном из уроженцев Беларуси, Якове Григорьевиче Таубине, советском конструкторе артиллерийского вооружения, создателе автоматического гранатомета. Я.Г. Таубин родился в городе Пинске в многодетной еврейской семье, в 1900 году. До 1915 года Яков Таубин – учащийся; после смерти отца в 1915 году вплоть до 1917 года – рабочий. В 1929 году поступил в Одесский институт технологии зерна и муки, на конструкторский факультет, который следует отметить так и не закончил. В начале 1930-х годов увлекся идеей создания автоматического гранатомета. В 1933 году для реализации своего замысла был направлен на Ковровский инструментальный завод. Впоследствии группа специалистов во главе с Таубиным продолжила работу в Москве, где весной 1934 года было организовано самостоятельное конструкторское бюро – ОКБ-16 Наркомата вооружения, где в период с 1935 по 1938 годы под руководством Якова Григорьевича был разработан первый в мире пехотный автоматический гранатомет [2]. Это оружие допускало стрельбу как одиночными выстрелами, так и очередями, прямой наводкой или по навесной траектории. Идея автоматического гранатомета нашла противников в лице некоторых военных руководителей государства. В 1937-1938 годах на сравнительных испытаниях минометов и гранатометов гранатомет Таубина был исключен из дальнейших испытаний, и предпочтение было отдано 50-мм миномету образца 1938 года конструкции Шавырина, который и был принят на вооружение. В ноябре 1938 года были проведены морские испытания гранатометной системы Таубина. По их результатам управление вооружения ВМФ заказало в январе 1939 года небольшую серию. В ограниченных количествах гранатомет Таубина успешно применялся Красной Армией в зимней войне с Финляндией, однако вскоре все работы по автоматическому гранатомету были свернуты. Кроме этого, Таубиным совместно с ведущим конструктором ОКБ Бабуриным были разработаны проекты: 23-мм авиационная пушка; 23-мм танковая пушка, для установки на Т-40; 23-мм пехотная противотанково-зенитная пушка; 12,7-мм авиационный пулемет. 23-мм пушка и пулемет не были в отпущенный КБ срок доведены до завершеного состояния, что послужило одной из причин последовавших репрессий. 16 мая 1941 года Я.Г. Таубин с несколькими сотрудниками был арестован по обвинению в «консервировании недоработанных образцов вооружения и в запуске в валовое производство технически недоработанных систем: 23-мм авиапушки, 12,7-мм пулемета и других». 28 октября 1941 года по заключению НКВД расстрелян без суда. В последующем Я.Г. Таубин был реабилитирован 20 декабря 1955 года. Судьба конструктора автоматического гранатомета Якова Григорьевича Таубина, одного из самых талантливых конструкторов-оружейников предвоенного периода, подобна промелькнувшему на небосклоне метеору. Яркая траектория полета в виде серьезных и перспективных разработок и мгновенное падение в пустоту, и забвение, как недооцененного конструктора.

тора с трагической судьбой. Только в 1965 году бывший нарком вооружения СССР Б. Ванников в своих мемуарах «Записки наркома», рассказывая о создании в предвоенные и военные годы стрелково-пушечного вооружения для отечественных боевых самолетов, впервые упомянул о работах конструктора Таубина. Только в конце 1990-х годов появилась возможность рассказать правду об этом изобретателе и о его секретных работах по укреплению обороноспособности страны [3]. В конечном итоге история все же расставила все по своим местам и подтвердила правоту конструктора, несмотря на трагический исход его жизни. Оружие подобного типа было создано через тридцать лет, но уже на качественно ином уровне. Именно Таубину принадлежит приоритет разработки первого в мире автоматического гранатомета. Конструкция автоматического гранатомета Таубина оказала серьезное влияние на дальнейшее развитие вооружения мотострелков, во многих государствах мира.

Белорусская земля во все времена была богата на таланты, мы явили миру ни одного талантливоего гражданина страны, в том числе и конструктора. Список выдающихся военных конструкторов, рожденных на белорусской земле можно продолжать очень долго. Меч страны и армии ковался трудом и интеллектом многих сотен и тысяч наших соотечественников. И память о них, об их заслугах перед Отечеством будет жить вечно.

Литература

1. Ради мирного неба, очерк о Ефиме Яковлевиче Померанце. GUNS.RU. Оружейный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pvo.guns.ru/book/lomo/pomeranec.htm>.
2. Забытые имена. Оружие Якова Таубина, опередившее время. Historical_fact [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://historical-fact.livejournal.com/150>.
3. Триумф и трагедия Якова Таубина — конструктора первого в мире автоматического гранатомета. Военно-патриотический сайт «Отвага» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otvaga2004.ru/armiya-i-vpk/armiya-i-vpk-service/yakov-taubin>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдашкин Андрей Александрович, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета, лаборатория миграционных исследований, кандидат исторических наук (г. Челябинск, Россия).

Адамов Александр Андреевич, аспирант Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск, Беларусь).

Архипов Александр Иванович, консультант управления международных договоров главного договорно-правового управления Министерства иностранных дел (г. Минск, Беларусь).

Астахов Игорь Александрович, курсовой офицер – преподаватель Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии» (г. Воронеж, Россия).

Баньковская Юлия Леонидовна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета; кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Беларусь).

Болтрушевич Наталья Геннадьевна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета; кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Бородич Владимир Митрофанович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Бородуля Алла Анатольевна, заведующий кафедрой философии Белорусского государственного экономического университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Беларусь).

Васильева Ирина Львовна, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета; кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Беларусь).

Веденеева Галина Ивановна, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент (г. Воронеж, Россия).

Вожгурова Оксана Владимировна, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат политических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Вонсович Лариса Васильевна, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и психологических основ физической культуры ИППК Белорусского государственного университета физической культуры, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Беларусь).

Воробьева Светлана Викторовна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Беларусь).

Глущенко Ольга Александровна, доцент кафедры иностранных языков для нелингвистических направлений Псковского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент (г. Псков, Россия).

Давлятова Елена Валентиновна, заведующий кафедрой философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Далимаева Евгения Олеговна, старший преподаватель кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Демидов Александр Борисович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Джокич Александар Предрагович, ассистент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, магистр политических наук (г. Москва, Россия).

Каганский Владимир Леопольдович, старший научный сотрудник Отдела физической географии Института географии Российской академии наук, кандидат географических наук (г. Москва, Россия).

Казак Олег Геннадьевич, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, кандидат исторических наук (г. Минск, Беларусь).

Климентьева Ирина Анатольевна, старший преподаватель кафедры философии и политологии Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины (г. Витебск, Беларусь).

Кляповская Алевтина Александровна, аспирант кафедры изобразительного искусства Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Кобец Ольга Викторовна, заведующий аспирантурой Смоленской государственной академии физической культуры, спорта и туризма, кандидат исторических наук, доцент (г. Смоленск, Россия).

Кодин Евгений Владимирович, заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (г. Смоленск, Россия).

Козлов Андрей Викторович, старший преподаватель кафедры философии и политологии Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины (г. Витебск, Беларусь).

Козлов Олег Владимирович, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета, профессор, доктор исторических наук (г. Смоленск, Россия).

Колядко Илья Николаевич, преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета, магистр философских наук (г. Минск, Беларусь).

Кононова Елена Ивановна, доцент кафедры международной журналистики Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Беларусь).

Копылова Елена Андреевна, доцент кафедры «Физвоспитание и спорт» Белорусско-Российского университета, доцент (г. Могилев, Беларусь).

Косенков Александр Юрьевич, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь).

Костючков Сергей Карпович, профессор кафедры социальной работы, социальной педагогики и социологии Херсонского государственного университета; кандидат политических наук, доктор философских наук, профессор (г. Херсон, Украина).

Кулик Святослав Павлович, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Лещинская Ирина Ивановна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Беларусь).

Мартыненко Татьяна Сергеевна, старший преподаватель кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; кандидат социологических наук (г. Москва, Россия).

Матюшкова Светлана Дмитриевна, старший преподаватель кафедры социально-педагогической работы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Медвецкая Наталья Михайловна, доцент кафедры Т и МФК и СМ Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат медицинских наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Мядель Александр Павлович, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Наумова Анна Владимировна, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук (г. Минск, Беларусь).

Никонов Александр Николаевич, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (г. Витебск, Беларусь).

Перевалов Ярослав Олегович, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (г. Витебск, Беларусь).

Пивоваров Владимир Александрович, преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Центра региональных социально-гуманитарных связей (г. Воронеж, Россия).

Погребняк Александр Борисович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Прудников Павел Николаевич, студент Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Радевич Екатерина Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Рудковская Елена Эдвардовна, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Рудковский Эдвард Иосифович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Рудович Николай Иванович, доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Минск, Беларусь).

Сенченков Николай Петрович, заведующий кафедрой педагогики и психологии Смоленского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор (г. Смоленск, Россия).

Сидоров Владимир Алексеевич, преподаватель Российского православного университета (г. Москва, Россия).

Слемнев Михаил Александрович, профессор кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, доктор философских наук, профессор (г. Витебск, Беларусь).

Смирнов Василий Андреевич, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия).

Стасевич Полина Вадимовна, студентка Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Стикина Екатерина Вадимовна, ученица Университетской гимназии (школы-интерната) МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Табачков Александр Сергеевич, кандидат философских наук (г. Минск, Беларусь).

Терещенкова Виктория Викторовна, аспирант 2-го курса кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета (г. Смоленск, Россия).

Тиханович Наталья Ульяновна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

Тихонова Анастасия Владимировна, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета, доктор исторических наук, доцент (г. Смоленск, Россия).

Харьков Иван Сергеевич, преподаватель Российского православного университета (г. Москва, Россия).

Цыбулько Василий Васильевич, старший преподаватель кафедры тактики и вооружения войсковой ПВО Военной академии Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

Чикиндин Максим Александрович, старший преподаватель кафедры философии и политологии Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины (г. Витебск, Беларусь).

Янкевич Елена Михайловна, аспирант кафедры экономики и управления туристической индустрией Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Янчук Валерий Александрович, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	3
I. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ГРАНИЦЫ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ, ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	5
<i>Авдашкин А.А.</i> Мигранты и российское общество: символические и реальные границы в городском и сельском пространствах	5
<i>Архипов А.И.</i> Институционализация государственной границы Республики Беларусь в условиях глобализации	8
<i>Астахов И.А.</i> Экономическая мобильность населения как фактор инновационного развития государства	10
<i>Бородич В.М.</i> О драматизме братских связей	14
<i>Васильева И.Л.</i> Идеалы современного общества: консьюмеризм или антиконсьюмеризм?	20
<i>Давлятова Е.В.</i> Роль международных организаций в глобализирующемся мире	23
<i>Демидов А.Б.</i> Ведет ли глобализация к миру без границ?	26
<i>Каганский В.Л.</i> Белоруссия–Беларусь как контактная граница в культурном ландшафте Евразии: постановка проблемы	30
<i>Копылова Е.А.</i> Влияние процессов глобализации и миграции на современный спорт	32
<i>Козлов А.В.</i> Реализация гуманистического потенциала глобализации в социально ориентированных государствах	35
<i>Никонов А.Н.</i> Креативное пространство трансграничности на примере истории формирования «круга М. Бахтина»	38
<i>Прудников П.Н., Рудович Н.И.</i> Нация, культура Беларуси и глобализация: война за самоопределение	41
<i>Рудковский Э.И.</i> Трансформация лимитарности в условиях глобализации	44
<i>Сенченков Н.П.</i> Главное, чтобы границы не прошли через человеческие головы	46
<i>Слемнев М.А., Табачков А.С.</i> Границы и глобализация	50
<i>Смирнов В.А.</i> Проблема несовпадения идеологических и географических границ государств	54
<i>Тихонова А.В.</i> На границе: встреча с российскими таможенниками (первая половина XIX века)	56
<i>Чикиндин М.А.</i> Особенности трансграничного сотрудничества в экономической сфере в условиях глобализации	60
<i>Янкевич Е.М.</i> Социально-экономические эффекты как результат развития региональной дестинации	63
<i>Янчук В.А.</i> Экономическая свобода и ее границы	66

II. ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ЧЕЛОВЕК В ПОГРАНИЧЬЕ КУЛЬТУР	69
Вонсович Л.В. Сохранение национально-культурной идентичности белорусского народа в условиях глобализации	69
Далимаева Е.О. Размывание символического капитала как угроза сохранению национально-культурной идентичности	72
Глушченко О.А. Этническая история народности сето	75
Джокич А.П. Границы одномандатных избирательных округов как способ углубления этнических разделений в автономном крае Воеводина, Республика Сербия	78
Кляпоўская А.А. Агульныя традыцыі афармлення палескіх закладных ручнікоў на беларуска-ўкраінскім памежжы	81
Кодин Е.В., Кобец О.В. Белорусы Смоленщины в эпоху белорусизации (1920-е годы)	85
Казак О.Г. Проблема венгерского меньшинства в Украине в официальном политическом дискурсе Будапешта (2017–2020 гг.)	88
Козлов О.В. Попытки реализации всеобщего обучения детей на территории российско-белорусского пограничья на рубеже XIX–XX вв. ..	91
Мядель А.П. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации	94
Наумова А.В. Опыт сербской литературы в осмыслении феномена «пограничного человека»	97
Радевич Е.В. Сохранение национально-культурной идентичности в условиях глобализации	100
Слямнёў М.А., Вазгурава А.У. Асаблівасці нацыянальна-культурнага жыцця беларусаў замежжа ў сучасным свеце	103
III. ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДСТВА МИНИМИЗАЦИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА	107
Адамов А.А. Пограничные свойства экрана в контексте репрезентации визуальных образов	107
Веденеева Г.И. Использование знаково-символических средств в духовно-нравственном воспитании личности	109
Далимаева Е.О. Феномен «либерального фашизма» в условиях глобальной информационной экспансии	112
Баньковская Ю.Л. Духовные ценности как основа национальной безопасности в условиях сетевизации общества	115
Болтрушевич Н.Г. Обновление религиозной жизни и становление Белорусского экзархата Русской православной церкви (1985–1991 гг.)	118
Воробьева С.В. Цифровая идентичность в сетевом обществе: практики номадизма и пограничные состояния	121

<i>Климентьева И.А.</i> Кибервоспитание как важнейшая составляющая воспитания современной молодежи	124
<i>Колядко И.Н.</i> Социальный кризис и стабилизирующие функции человеческой деятельности	126
<i>Косенков А.Ю.</i> Одна среда – разные возможности: трансформация социального пространства в процессе цифровизации	129
<i>Костючков С.К.</i> Скептицизм и нигилизм в ценностных манифестациях современной молодежи: социально-философская интерпретация	131
<i>Лещинская И.И., Кононова Е.И.</i> Проблема гуманизации образовательной среды в условиях информационного общества	134
<i>Медвецкая Н.М., Матюшкова С.Д.</i> Влияние специфики социально-гуманитарных наук на образовательную среду общества	137
<i>Перевалов Я.О.</i> Государственная политика в области подготовки кадров в системе высшего медицинского образования БССР 1946–1950 гг. как один из элементов развития гражданственности и патриотизма	140
<i>Пивоваров В.А.</i> Проблемное поле при переходе на дистанционные технологии в системе образования	142
<i>Погребняк А.Б.</i> Фактор границы в создании единого образовательного пространства союзного государства России и Беларуси	145
<i>Рудковская Е.Э.</i> Постсовременный мир и патриотические ценности молодежи	148
<i>Сенченков Н.П., Терещенкова В.В.</i> Духовно-нравственное безопасное детское пространство Смоленщины конца XIX – начала XX века: опыт решения проблемы	150
<i>Сидоров В.А., Харьков И.С.</i> Проблемное поле духовно-нравственного состояния общества	153
<i>Стасевич П.В., Бородуля А.А.</i> Духовно-нравственная безопасность современной молодежи в условиях глобализации	156
<i>Стикина Е.В., Мартыненко Т.С.</i> Негативные последствия появления глобального языка	157
<i>Тиханович Н.У., Кулик С.П.</i> Гуманизация биомедицинской деятельности и актуализация биоэтического образования	159
<i>Цыбулько В.В.</i> Знаменитые оружейники, уроженцы Беларуси	162
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	166

Научное издание

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Сборник научных статей

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

В.Л. Пугач

Подписано в печать 10.11.2020. Формат 60х84 ¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 20,22. Уч.-изд. л. 10,53. Тираж 110 экз. Заказ 139.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33